

ДИАНА
БОРИНА:

*«Стараюсь вплотную
изучать жизнь...»*

*О жизни и творчестве художника Густава Климта
и его музы Эмили Флэге читайте на стр. 82*

Из жизни смолянок	
<i>Александр Ралот</i>	Фаворитка 4
Неизвестное об известном	
<i>Екатерина Зверева</i>	«Безумству храбрых поем мы славу!..» 13
Рассказ	
<i>Георгий Каюров</i>	Папа обязательно придет!26
Это интересно	
<i>Виктор Елисеев</i>	Он верил в Россию35
<i>Дмитрий Зелов</i>	Ветер дальних странствий52
<i>Светлана Марлинская</i>	Мода умерла... Да здравствует мода!74
<i>Евгения Гордиенко</i>	Русский художник, любимец Парижа...99
Замечательные современники	
<i>Дарья Парчинская</i>	Диана Борина: «Главное на сцене — понимать, что ты делаешь...»40
Звезды не гаснут	
<i>Георгий Кричевский</i>	Рыцарь комедии59
Житейские истории	
<i>Лариса Адамова</i>	Волшебный кисель70
История любви	
<i>Ирина Опимах</i>	Густав Климт и его верная подруга Эмилия Флёге82
Судьбы	
<i>Ирина Маркина</i>	«Комета дивной красоты»91
Посмеемся вместе	
<i>Сергей Филипский</i>	Одинокий кабан108
Поэзия	
<i>Галина Дубинина</i>	Стихи112
Ретро-детектив	
<i>Наталья Рыжкова</i>	Сумерки богинь116
Рецензия	
<i>Ирина Федотова</i>	О «черных мифах» и их опровержении180
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра Российской Армии
Диана Борина
Фото Елены Морозовой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.11.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

«*Всем хорошо известны уникальные изделия из стекла и хрусталя Гусь-хрустальной фабрики, но далеко не все знают о ее основателях, одним из которых был Иван Сергеевич Мальцев — представитель этой знаменитой династии заводчиков. Он прожил жизнь долгую и насыщенную интересными событиями. В 1828 году Мальцев был назначен секретарем посольства в Персии. Во время разгрома миссии и убийства А.С.Грибоедова он оказался единственным сотрудником посольства, которому удалось спастись. А после возвращения на родину Иван Сергеевич уехал в городок Гусь, где и организовал производство стекла и хрусталя. Благодаря Мальцеву эти уникальные изделия получили известность не только в Российской империи, но и далеко за ее пределами. Человеком Иван Сергеевич Мальцев был весьма противоречивым: с одной стороны — расчетливый делец, а с другой — человек недюженно ума, не лишенный чувства юмора, искусный дипломат, но при этом закоренелый мизантроп. О его скупости ходили легенды. Он так и остался до конца жизни холостяком, чтобы не тратить деньги на «ненужное». При этом многие отмечали его глубокую осведомленность в финансовых вопросах и не раз называли претендентом на пост министра финансов. Министром он так и не стал, а вот династию Мальцевых прославил...*

Александр **Ралот.** «Советник посольства»

«*В плеяде поэтов-шестидесятников имя его стояло особняком. Прежде всего потому, что он не стремился к славе, не старался заполучить звания и награды. К тому же его лирика была особой, подходившей скорее для камерного исполнения. Ну и, наконец, вокруг Роберта Рождественского никогда не было ореола каких-либо скандалов — он был глубоко порядочным человеком со всех точек зрения, и этим сильно отличался от многих своих современников.*

Евгения **Гордиенко** «Жил я впервые на этой земле...»

«*Из соображений национальной безопасности подробности о жизни Бориса Симоновича Прибыткова по-прежнему засекречены. Правда, было одно исключение: в декабре 2021 года он на мгновение вышел из небытия: в его родном институте в Петербурге студентам представили его портрет, назвали имя, звание и упомянули, что служил в особом резерве — нелегальной разведке. А потом — снова тишина...*

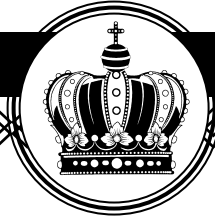
К счастью, сегодня она нарушена. В переданной автору материала тоненькой папочке с фотографиями о полковнике-нелегале рассказано немало.

Николай **Долгополов** «Если приказано уходить...»

«*Ничто так не отражает дух эпохи, как ее песни. Сразу после Февральской революции перед Временным правительством встала задача заменить символику царской России. Уже никто не пел «Боже, Царя храни!», аксельбанты и царские вензели летели с погон, улицы и города меняли свои названия. Новая страна, новые люди, новый флаг и новый гимн... Но еще задолго до этого в стране было несколько государственных гимнов, как официальных, так и «самоназванных». В их истории, как в зеркале, отражаются все вехи развития нашей страны.*

Светлана **Марлинская** «Союз нерушимый...»

«*Продолжение ретро-детектива Натальи **Рыжковой** «Сумерки богинь»*

ФАВОРИТКА

Екатерина Михайловна Долгорукая

1818-Й ГОД. МОСКВА

Купцы, мужики и служивый люд, сняв шапки и запрокинув головы, смотрели на праздничный салют и вслух считали артиллерийские залпы. Их было много, очень много — двести один.

Над площадью гремело многоголосое «Многие лета!»

«Мальчик родился!» — раздавалось со всех сторон.

«Бог даст, так для нас и наших деточек царем будет!»

«И то верно, престолонаследник! Поговаривают, что сам император по случаю рождения ребеночка мужеского пола у четы великих князей обещал долги простому люду погасить. Служивые на площадях о том кричали! Городским, между прочим, князья-родители тыщ двадцать полновесных рубликов пожертвуют, никак не меньше! Специально для выкупа должников и раздачи пособий беднейшим жителям. Во как! Гуляй, робяты! Благодать начинается!»

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Отец подросшего мальчика, после загадочной смерти старшего брата, взошел на престол и отныне именовался Николаем Первым.

1838 ГОД

— А теперь, наследник, изволь отбыть за границу. Дело предстоит

важное, государственное, — сказал император и нежно обнял сына.

— Государь, не рано ли? Может, подождем еще?

— Пора! Увы, Саша, мы себе не принадлежим, мы во всем отечеству служим. С богом, сын мой!

Цесаревич неохотно расставался с родиной. Но мыслимое ли дело нарушить волю царя?! Велел отыскать за границей невесту, значит, так тому и быть!

Дания, Германия, Италия, Австрия, Англия... Страны мелькали перед юношей, словно калейдоскоп.

В Германии родственники сделали все, чтобы избранница будущего императора отыскалась именно в этих землях, и познакомили молодого человека с младшей дочерью герцога Людвиг II. Девочке едва исполнилось четырнадцать лет, однако это не помешало ей произвести нужное впечатление на Александра...

1841 ГОД

И снова в обеих столицах начались салюты и праздничные гуляния. Еще бы, наследник престола, великий князь Александр Николаевич, сочетался браком с семнадцатилетней Максимилианой-Вильгельминой-Августой-Софьей-Марией Гессен-Дармштадской! Долгие лета молодым! Виват!

Избранницу, как и полагается в таких случаях, крестили и нарекли новым именем — Мария Александровна...

1859 год

— Вы вообще знаете, что на свете существует такая полезная вещь, как календарь? — Александр II, сверкнув очами, уставился на придворных. — Почему никто из вас не соизволил доложить мне, что совсем скоро нам надлежит праздновать историческую дату?! Сто пятьдесят лет назад мой великий предок Петр I одержал судьбоносную викторию над шведами!

Один из присутствующих вытянул листок бумаги из папки и уже открыл рот, чтобы прочитать написанное, но император жестом остановил его:

— Потом, Орлов, позже! И так, я повелеваю! Первое. Провести под Полтавой военные учения, приуроченные к этой дате. Второе. Сам лично посещу те места и поклонюсь могилам славных воинов. Соблаговолите в кратчайший срок подыскать достойное имение, где мне и свите было бы удобно остановиться.

— Мое ведомство, государь, уже занимается этим вопросом. Есть такое — имение князя Михаила Долгорукого Тепловка в окрестностях Полтавы. Сад они с княгиней разбили там знатный. — Министр двора с поклоном вручил Александру бумагу.

— Что же, род древний, — согласно кивнул император. — Я слышал, у них там имеются какие-то финансовые затруднения. Алексей Федорович, разберитесь с этим, ежели

Император Александр II

требуется помощь, подготовьте вердикт, я подпишу.

— Не стоит беспокоиться, Ваше высочество, даст Бог, все у Долгоруких образуется. Супруга князя Вероника, в девичестве Вишневская, из богатейшего рода в Малороссии.

...А ведь не соврал министр, сад диво как хорош! — Император прогуливался по аллеям в окружении приближенных. — А это что еще за прелестница выглядывает из-за кустов? Кто-нибудь, позовите ее сюда.

— Чья же ты будешь, фея цветочная? — обратился он к девочке лет десяти.

Она сделала книксен и залилась густой краской.

— Екатерина Михайловна.

— И что ты в этом парке делаешь? — улыбнулся император в роскошные усы.

— Государя высматриваю. Больно хочется на него живого поглядеть.

— Надо же! В таком случае, вот он — я. А гулять с нами станешь, не забоишься?

— Да нет! — Катюша совсем осмелела и смотрела на Александра во все глаза, не мигая...

1861 ГОД

Император работал с бумагами. Крепостное право. Приостановить рекрутские наборы. Ликвидировать военные поселения. Проект Земского положения. Прощение об амнистии. Еще челобитная. «Боже, да я уже почти всех злодеев в стране помиловал, а нет, все пишут и пишут!» — Он положил документы в пухлую папку, но вдруг увидел еще одну: «Так, а это еще что?»

Прочитав бумагу, Александр поднялся, взял со стола колокольчик и позвонил в него.

«Князь Долгорукий скончался! Почему мне об этом сразу не доложили? — размахивал он бумагой перед лицом вошедшего министра. — Семья моего подданного разорена! Сироты остались без средств к существованию! — В его памяти вдруг всплыло поместье Тепловка, южное хлебосольство Михаила Долгорукого и бездонные глаза его маленькой дочки. — Готовьте указ! Долги

усопшего погасить, имение взять под «императорскую опеку, осиротевших детей... — Александр на минуту задумался, потом продолжил: — Сыновей немедля определить в лучшие военные училища, а дочек — их же, конечно, — в Смольный институт. Всех за государственный кошт!»

Через какое-то время император приехал в Смольный институт на очередное торжественное собрание и, разглядев в толпе директрису, поманил ее пальцем.

— Мария Александровна, голубушка, вам известно, что моя супруга изволит хворать, вследствие чего не может осуществлять шефский надзор над вашим заведением. К сожалению, в дополнение к моим многочисленным обязанностям добавляется еще одна. Отныне курировать Смольный буду я. Ждите, днями загляну.

Через неделю Александр снова появился в Смольном. Все воспитанницы, облаченные в нарядные платья по случаю приезда государя, чинно выстроились в ряд и начали с поклоном представляться.

— Екатерина Долгорукая... — На Александра обрушились бездонные глаза девчушки из далекого южно-российского имения.

— Тепловка. Помню-помню. Ну и как тебе здесь?

— Если честно, не очень, — прошептала девушка поистине неземной красоты.

— Что так?

Императрица Мария Александровна

— Еда совсем негодная. Кушать постоянно хочется. Сильно.

Император поманил к себе министра двора и прошептал ему на ухо: «Распорядитесь немедля воспитанницу Долгорукую кормить тем же, что вкушает директриса. И еще! Присылайте ей конфеты с моего стола. Регулярно. Юная княгиня, сдается мне, их очень любит...

После этого случая император понял, что девушка покорила его окончательно и бесповоротно. Ее стройный стан вставал перед глазами вне зависимости от его воли. И даже решая важнейшие государственные задачи, мысли Александра постоянно возвращались к Кате Долгорукой. К его Катюше!

ЗИМА 1865 ГОДА

Окончив институт, Екатерина в имение не вернулась, жила в столице, у брата. Ежедневно, в любую погоду, она совершала моцион в Летнем саду в сопровождении горничной.

Там ее как-то и повстречал император, покинувший дворец ради утренней прогулки.

Не обращая никакого внимания на удивленные взгляды прохожих и позабыв о неотложных государственных делах, он бродил с предметом своих мечтаний и говорил, говорил... Еще мгновение — и вообще признался бы ей в любви.

С тех пор они уже не расставались.

Как-то государь сообщил Екатерине, что назначает ее фрейлиной своей супруги, так что отныне княгиня обязана присутствовать на всех официальных церемониях. И вообще, если пожелает, может поселиться во дворце...

АПРЕЛЬ 1866 ГОДА

Закончив свой обычный обход Летнего сада, Александр попрощался с княгиней, вышел за ворота и не спеша двинулся к ожидавшей его карете. Он вообще любил побыть в одиночестве, поразмышлять, подумать. Никакой охраны рядом с собой он не признавал. Да и кто может покушаться на жизнь помазанника божьего в православной стране?

Однако в этот день судьба приготовила царю жуткое испытание.

Непонятно откуда возникший перед ним юноша неожиданно выхватил пистолет и направил его прямо в грудь Александра. Еще секунда — и все! Спас государя стоявший неподалеку шапочных дел мастер. Он проворно подскочил к ним и успел ударить нападавшего по руке.

На этот раз смерть, со скоростью пули, пролетела мимо...

Бывшую смолянку трясло. В саду она договорилась с императором, что вечером они вместе навестят в Смольном младшую из Долгоруких, и вот этого самого вечера для императора могло не быть! Какой ужас! Террорист! И не где-то там, за границей, а здесь, в Санкт-Петербурге!

«Боже! — думала Катя, — я ведь могла проводить его до самых ворот, но утратила кривотолков и покинула сад через калитку...»

Она проплакала весь день и вдруг поняла, что рыдает не по императору, а по любимому человеку. По мужчине!

Государь планов своих не изменил, как и обещал, после ужина отправился в Смольный, где и встретился с Екатериной. Они смотрели друг на друга и молчали. Да слова были и не нужны. Убийца своим выстрелом дал понять, как просто потерять то, что имеем...

Придворные всю судачили о новом увлечении стареющего монарха. Сколько их было, мимолет-

ных фавориток, а он побалуется, да и выдаст замуж за какого-нибудь вельможу — царю ведь не откажешь! Однако на этот раз все дружно смолкли после того, как камердинер «по большому секрету» проболтался, что Александр лично вручил фрейлине императрицы ключ от своих апартаментов во дворце! И теперь княгиня по ночам открывает низенькую дверцу, ведущую в уединенную комнату, некогда служившую кабинетом батюшке императора. А там имеется потайная лесенка — прямиком в царские покои!

Бывшую смолянку окрестили при дворе «дерзкой наложницей» и выказывали ей всяческое презрение. Но вернувшийся с очередной войны император ничего не замечал или делал вид, что дворцовые сплетни его никак не касаются. В конце концов каждый чловек в Российской империи, в том числе и царь, имеет право на закрытую жизнь, на личное, семейное счастье.

А что же законная супруга? Многочисленные доброхоты изо дня в день докладывали ей о каждом шаге фаворитки.

Мария Александровна страдала молча. К тому же ее болезнь прогрессировала, и предложить себя в качестве альтернативы для царственного супруга она, увы, уже не могла...

1871 ГОД

В комнате бывшего царя Николая княжна произвела на свет первен-

Светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская (Долгорукая) с сыном Георгием и дочерью Ольгой

ца, которого назвали Георгием. Во время родов отец ребенка находился поодаль. Переживал за здоровье своей Катюши, требовал от доктора и акушерки сделать все возможное, чтобы с ней не случилось непоправимое. Потом мальчика перенесли в дом командующего личной охраны императора, поставили к нему кормилицу и няню.

А Катя тем временем ухаживала за Александром как верная жена: утепляла на зиму его обмундирование, следила за тем, чтобы «супруг»

вовремя принимал лекарства и микстуры, прописанные придворными врачами. И с каждым днем, несмотря на огромную разницу в возрасте, они становились друг другу все ближе и ближе...

— Я устал и покидаю этот бал. Но все гости могут продолжать веселье, мое отсутствие не должно служить тому помехой. — Государь вышел из зала и велел подавать карету.

Как только дверь за ним закрылась, дирижер дал команду, и зал наполнили звуки прелестной музыки. Танцующие выстроились для очередного тура, но тут неожиданно наследник престола Александр Александрович кинулся к оркестру:

— Я требую немедленно остановить музыку! Бал не может быть продолжен! До тех пор, пока здесь присутствует «эта женщина»! Все согласятся со мной, она не имеет права танцевать и веселиться рядом с порядочными людьми!

Об этом инциденте было моментально доложено императору, и после этого случая отношения между отцом и сыном ухудшились до предела. Александр Александрович и его супруга усматривали в детях княгини Долгорукой конкурентов в престолонаследии. Положение усугубляло еще и то, что «эта женщина» проживала с незаконнорожденными потомками императора в том же дворце, что и семья законного наследника престола.

А по обеим столицам из уст в уста переходила легенда о том, что пару сотен лет назад прорицатель вещал: «Любого из дома Романовых настигнет преждевременная смерть, кто посмеет взять в жены девушку из рода Долгоруких...» И многие в это верили: ведь и Петр II внезапно помер в самый канун свадьбы с княжной Екатериной Алексеевной...

ИЮНЬ 1880 ГОДА

Чохотка взяла свое, не помогли частые поездки к морю, в специально отстроенный Ливадийский дворец, Марии Александровны не стало. Многие годы она несла свою ношу. Не было ни семейных скандалов, ни упреков в неверности августейшего супруга. Терпела молча

и беспрестанно молилась у святых образов.

После ее смерти нашли письмо, написанное когда-то давно. Государыня благодарила мужа за счастливо прожитую жизнь рядом с ним...

ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ

По стране упорно гуляли слухи о том, будто бы «добрый и сердечный Государь» даровал молодой княжне высокий титул ее светлости, и эти пересуды были не беспочвенны. Что же произошло на самом деле?..

В маленькой комнате Царско-сельского дворца, у походного алтаря, император, он же глава русской православной церкви, ни с кем не посоветовавшись, сочетался законным морганатическим браком с княгиней Долгорукой, тем самым исполнив обещание, данное девушке четырнадцать лет назад.

За несколько часов до этого личной охраной царя были приняты строжайшие меры секретности. Никто из караульных солдат или офицеров, никто из прислуги дворца не должен был прознать о грядущем событии. Жених не без основания опасался, что многочисленная родня найдет способ сорвать предстоящее таинство.

Когда все благополучно завершилось, Александр обратился к министру двора:

— Адельберг! Распорядитесь огласить сей указ на всех площадях

обеих столиц. Пусть мои поданные знают. Я жалую законной супруге титул и фамилию светлейшей княгини Юрьевской. Эту же фамилию получают ее дети, а также младенцы, которых она произведет впоследствии. Далее, но уже тайно, без огласки. Переведите на личный банковский счет Екатерины Михайловны три миллиона рублей золотом. И последнее. Подготовьте все необходимое для нашего путешествия в Крым. У нас начинается медовый месяц. Что же вы стоите как истукан? Извольте незамедлительно исполнить волю своего государя!

В этот день Александр был бесконечно счастлив.

1 МАРТА 1881 ГОДА

Еще зимой террористы наладили ежедневное наблюдение за передвижениями императорского экипажа. Составили подробный план. В воскресенье — обязательная поездка в манеж, присутствие на разводе караульных. Маршрут постоянен. Едут быстро. На повороте кучер придерживает коней. Идеальное место! Некоторые предлагали заминировать Каменный мост. Сходили, проверили и отказались — очень людно, незаметно не получится. По плану номер два предполагалось установить бомбу на Малой Садовой...

— Ваше высочество, я все же категорически настаиваю на том, что вам необходимо покинуть столицу. У нас есть информация...

Император бесцеремонно перебил стоявшего на вытяжку начальника Отдельного корпуса жандармов:

— Об этом не может быть и речи! Позвольте мне самому решать, в каком городе и в каком месте находиться. И давайте к этому вопросу больше не возвращаться. Ступайте и делайте работу, за которую казна вам платит жалованье, а я останусь здесь и буду выполнять свою!

По улицам и переулкам Петербурга, между тем, бродили «подозрительные личности» — в широкополых мятых шляпах, в темных очках, с длинными волосами, всклокоченными бородами и непременным пледом поверх изношенных пальто. Горожане меж собой поговаривали, что карманы их напичканы бомбами.

Покушения следовали одно за другим, и предсказания французской гадалки, сказанные ею, еще когда Александр был в Париже по приглашению французского императора, увы, сбывались: отпущенные пять жизней таяли одна за другой.

Первый взрыв бомбы убил мальчика-разносчика, случайно проходившего мимо со своей корзиной, и разрушил карету государя. Привлеченный видом несчастного, император встал у перил набережной и прислонился к ним. В это время по тротуару шла светловолосая женщина с белым платком в руке.

«Под платком у нее, наверное, револьвер», — подумал монарх и... ошибся. Женщина просто подняла руку вверх и взмахнула платком...

Под ноги Александра полетела вторая бомба...

Узнав о случившемся, светлейшая княгиня впала в забытие. Оправившись лишь через несколько дней и подойдя к зеркалу, она увидела в нем постаревшую женщину с седыми волосами...

На прощальной панихиде вдова, неожиданно для всех, достала ножницы, быстро остригла часть своих волос и вложила их в холодные руки любимого...

Взошедший на престол Александр III, ненавидевший княгиню Юрьевскую, сделал так, чтобы она и ее дети как можно скорее покинули пределы Российской империи, и, желательно, навсегда!

Юрьевские уехали во Францию. Там бывшая смолянка прожила более тридцати лет, всеми забытая. Ежедневно молилась за упокой души раба божьего Александра, мечтала и ждала часа, когда соединится с любимым на небесах...

1922 ГОД

В некрологе, напечатанном в местной газете, ни слова не говорилось о том, что усопшая была супругой убитого русского императора. Журналисты писали, что покойница заботилась о бездомных животных, даже добилась от властей того, чтобы в городе был сооружен водоем, в котором собачки и кошечки могли утолить жажду при жаркой погоде! □

творщик», «лицемер», «несостоявшийся самоубийца», «писал не сам, а выдавал чужое за свое».

Как мелко эти ядовитые сплетни, как грубо и подло фальсифицированы многие факты горьковской биографии! Как тут не вспомнить строчки Юрия Визбора:

*...А впрочем, бесконечны наветы
и вранье,*

*И те, кому не выдал Бог таланта,
Лишь в этом утверждают
присутствие свое,*

Пытаясь обкусать ступни гигантам.

Грубейшая ошибка — судить исторических личностей с позиции современности, в отрыве от историко-культурного контекста той эпохи, в которую они жили. Прежде чем давать оценку каким-либо фактам и выносить обвинительные приговоры, необходимо погрузиться в атмосферу того далекого времени и попытаться понять, чем жил и дышал человек, постичь причины его действий и поступков...

Искренние и пронизательные мемуары друзей и соратников писателя, его произведения и письма помогают нам увидеть личность глубокую, значительную, безусловно героическую, но в то же время во многом трагическую как в своих открытиях и прозрениях, так и в заблуждениях и ошибках.

Настоящее имя писателя Горького — Алексей Максимович Пешков (с ударением на последнем слоге — именно на таком произношении своей фамилии настаивал сам писа-

тель). Псевдоним «Горький» он взял потому, что считал свою жизнь с самого детства тяжелой и горькой. И это не было преувеличением. Родился Алексей в 1868 году в Нижнем Новгороде в семье столяра Максима Пешкова. Своего отца мальчик почти не помнил, но рассказы близких о нем оставили в душе Алеши неизгладимый след. Потому он и добавил к псевдониму имя отца — Максим. Максим Горький.

В младенческом возрасте Алеша Пешков заболел холерой, но выжил, однако заразил своего отца, который вскоре умер. Мать Алексея от этого удара преждевременно родила ребенка, второго сына, который скончался через несколько дней. На этом детство Алеши закончилось. Ему было всего три года, когда овдовевшая мать привела его в дом своего отца Василия Каширина и оставила там. Она замкнулась в себе, часто уезжала по делам и воспитанием сына почти не занималась. Возможно, она подсознательно считала его виновным в смерти мужа, и потому так от него отдалилась. Мать мальчику заменила бабушка Акулина Ивановна Каширина. Это был единственный человек в семье, о котором впоследствии писатель вспоминал с любовью. Бабушка любила внука, рассказывала ему сказки, пела песни, утешала и защищала, как могла. «Я был наполнен стихами бабушки, как улей медом», — напишет впоследствии Горький. А дедушка, Василий Каширин, был человеком суровым и даже

жестоким. За мелкую провинность он мог запороть внука до полусмерти.

Казалось бы, после всего пережитого Алексей должен был возненавидеть свою мать или, по крайней мере, испытывать по отношению к ней стойкую неприязнь. Но этого не случилось. Да, между ними не было душевной близости, отношения складывались непросто, но через несколько лет, будучи уже юношей, Алексей бросится с ножом на защиту своей матери и чуть не зарежет отчима, который жестоко с ней обращался.

они называли его нищевродом, дразнили, говорили, что от него пахнет помойкой. В итоге среднего образования он не получил и, следовательно, не смог поступить в университет. Не случайно впоследствии Горький писал с большим количеством ошибок, которые исправляла его жена Екатерина — профессиональный корректор.

По сути, школой жизни для Алексея стала улица и компания таких же бедных, как он сам, беспризорников. Чем только не приходилось заниматься будущему писателю! Он был и продавцом, и булоч-

По сути, школой жизни для Алексея стала улица и компания таких же бедных, как он сам, беспризорников. Он был и продавцом, и булочником, и рыбаком, и грузчиком, и помощником корабельного кока, и изъездил столько мест, что всех не перечислишь. В этих, можно сказать, приключениях и зарождался будущий писатель

В 8 лет мальчика вырвали из семьи деда и отдали в подмастерье к сапожнику. Впоследствии эти годы Горький опишет в автобиографической трилогии: «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Образование Алексей получил неважное, если вообще можно считать образованием полгода учебы в приходской школе, из которой он ушел, заболев оспой, и два класса начального училища, которое он бросил из-за насмешек и издевательств сверстников. Из-за бедности Алексея

и рыбаком, и грузчиком, и помощником корабельного кока. А сколько мест исходил и изъездил Горький! Волга, Каспийское море, Астрахань, Казань, Дон, Украина, Бессарабия, Черное море, Крым, Кубань, Кавказ — всего не перечислишь. И все это в компании приятелей-бродяг, с ночевками под звездным небом у костра или в заброшенных домах. В этих приключениях и зарождался будущий писатель.

В Казани, куда он приехал по приглашению приятеля, будущий пи-

сатель познакомился с революционно настроенной молодежью, быстро проникся идеями революции и новой, счастливой жизни и стал членом подпольного кружка марксистов, начал заниматься пропагандистской деятельностью. Он всегда был живым и остроумным собеседником, умел влиять на людей, заражать своими идеями.

1887 год выдался одним из самых тяжелых для Алексея Пешкова и даже мог стать последним в его жизни. 12 декабря девятнадцатилетний юноша выстрелил себе в грудь из ржавого пистолета, купленного на последние деньги. Это не было сделано в состоянии аффекта. К самоубийству Алексей подготовился, даже тщательно изучил анатомию человека, чтобы попасть прямо в сердце. Но, очевидно, судьба решила, что звезда писателя Горького непременно должна зажечься на небосклоне мировой литературы. Алексей выжил. Он прострелил себе легкое. Тяжело раненного, его обнаружил монастырский сторож, случайно оказавшийся неподалеку. Юношу отвезли в земскую больницу и прооперировали. Его удалось спасти.

Почему же Алексей захотел свести счеты с жизнью? На это было несколько причин. В предсмертной записке он упомянул о немецком поэте Генрихе Гейне, «который выдумал зубную боль в сердце». Это упоминание, очевидно, было следствием неразделенной любви будущего писателя к некоей Марии Че-

ренковой. Но не только сердечные страдания могли подтолкнуть Алексея к стремлению уйти из жизни. В том же 1887 году умер самый близкий и родной ему человек — его бабушка Акулина Ивановна. Ранимая и тонко чувствующая душа юноши, скорее всего, не выдержала таких потрясений, что привело к глубокой депрессии и попытке самоубийства. Впоследствии Горький не любил вспоминать об этой трагической странице своей биографии и даже стыдился ее, презирая себя за проявленную слабость. Однако именно тот судьбоносный день закалил юношу как личность, помог ему осознать смысл и цель своей жизни, указал дальнейший путь. Из больницы Алексей вышел другим человеком. Это был уже не прежний бедный сирота Алексей Пешков, а революционер, будущий мыслитель и писатель Максим Горький. В 1892 году в газете «Кавказ» выйдет рассказ «Макар Чудра», который писатель подпишет не своим именем, а этим псевдонимом.

Несмотря на полную трудностей и лишений жизнь, Горький до последних своих дней занимался самообразованием, обладал, как высказался однажды его дед, «лошадиной памятью», читал книги русских и зарубежных писателей, философов (особенно интересовался трудами А. Шопенгауэра и Ф. Ницше), признавал огромную роль литературы в формировании человеческой личности, утверждал, что она учит понимать смысл жизни, желания лю-

дей и истинные мотивы их поступков. «Всем хорошим во мне я обязан книгам», — однажды напишет Горький. Это непостижимо, но талантливейший писатель был, в сущности, самоучкой. Его вполне можно назвать самородком.

Крестным отцом Максима Горького в литературе можно считать В.Г. Короленко. Ему первому Горький (тогда еще Алеша Пешков) показал свои литературные опыты. Известный и пользующийся большим авторитетом среди собратьев по перу писатель Владимир Короленко отнесся к юноше и его произведениям (Алексей принес ему стихи и поэму «Песнь старого дуба») с большим вниманием. Конечно, он указал ему на ошибки и погрешности, провел беседу о значении литературной формы и «красоты фразы», и будущий писатель Горький впервые, по его же словам, понял, что «писательство — не легкое дело». «Пишете вы очень своеобразно, — поделился Короленко своими впечатлениями с Пешковым. — Не слажено все у вас, шероховато, но — любопытно». Помимо недостатков, Короленко увидел в первых произведениях молодого автора главное — яркое и самобытное литературное дарование, и, пока Горький прочно не встал на ноги как писатель, всегда помогал ему советами, защищал от необоснованной критики и подставлял свое крепкое плечо.

Как же босяк Алексей Пешков начал заниматься литературной де-

ятельностью? Почему вдруг начал писать? Вот как он сам позже ответил на этот вопрос в своем очерке: «Почему я стал писать? — «Отвечаю: по силе давления на меня «томительно бедной жизни» и потому, что у меня было так много впечатлений, что «не писать я не мог». Первая причина заставила меня попытаться внести в «бедную» жизнь такие вымыслы, «выдумки», как «Сказка о соколе и уже», «Легенда о горящем сердце», «Буревестник», а по силе второй причины я стал писать рассказы «реалистического» характера — «Двадцать шесть и одна», «Супруги Орловы», «Озорник».

Начал Алексей Пешков с рассказов: «Макар Чудра», «Емельян Пилляй», «Челкаш», которые были опубликованы в литературных газетах. Их быстро заметила и оценила широкая читательская аудитория. Максим Горький стал одним из самых популярных писателей России. Он писал уже не только рассказы, но и повести, и даже пьесы («Мещане», «На дне» и другие). При этом не переставал общаться с революционерами и поэтому находился под надзором полиции, а в 1905 году даже попал в Петропавловскую крепость из-за открытой поддержки Первой русской революции 1905 года. Пораженный в самое сердце кровавой расправой над рабочими, вышедшими на мирную демонстрацию, Горький написал прокламацию «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств»,

в которой призывал к «упорной и дружной борьбе с самодержавием». Из Петропавловской крепости Горький был выпущен только благодаря поддержке русской и зарубежной общественности.

В чем же причина такого быстрого взлета славы писателя Горького? Начнем с того, что он одним из первых сделал главными героями своих произведений бродяг, босяков, бунтарей и всевозможных деклассированных, асоциальных элементов. В пьесе «На дне» в качестве главных героев на сцене вдруг возникли пьяницы, воры и другие маргинальные персонажи, которых приличная публика побаивалась и обходила стороной. Кто произносит знаменитую и знаковую для всего XX столетия фразу о том, что «человек — это звучит гордо»? Сатин — карточный шулер!

Это поразило публику. Это было ново, неожиданно, оригинально и в то же время актуально, потому что отвечало запросам времени не только российской, но и европейской действительности. Поэтому в Европе Горький очень быстро стал переводиться на другие языки и ставиться в театрах, особенно в Германии. Премьера спектакля Горького «На дне» (под названием «Ночлежка» («Nachtasyl»)) состоялась в Берлине в 1903 году, спустя всего три месяца после московской премьеры. За четыре последующих года пьеса обошла все театры Германии и в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз.

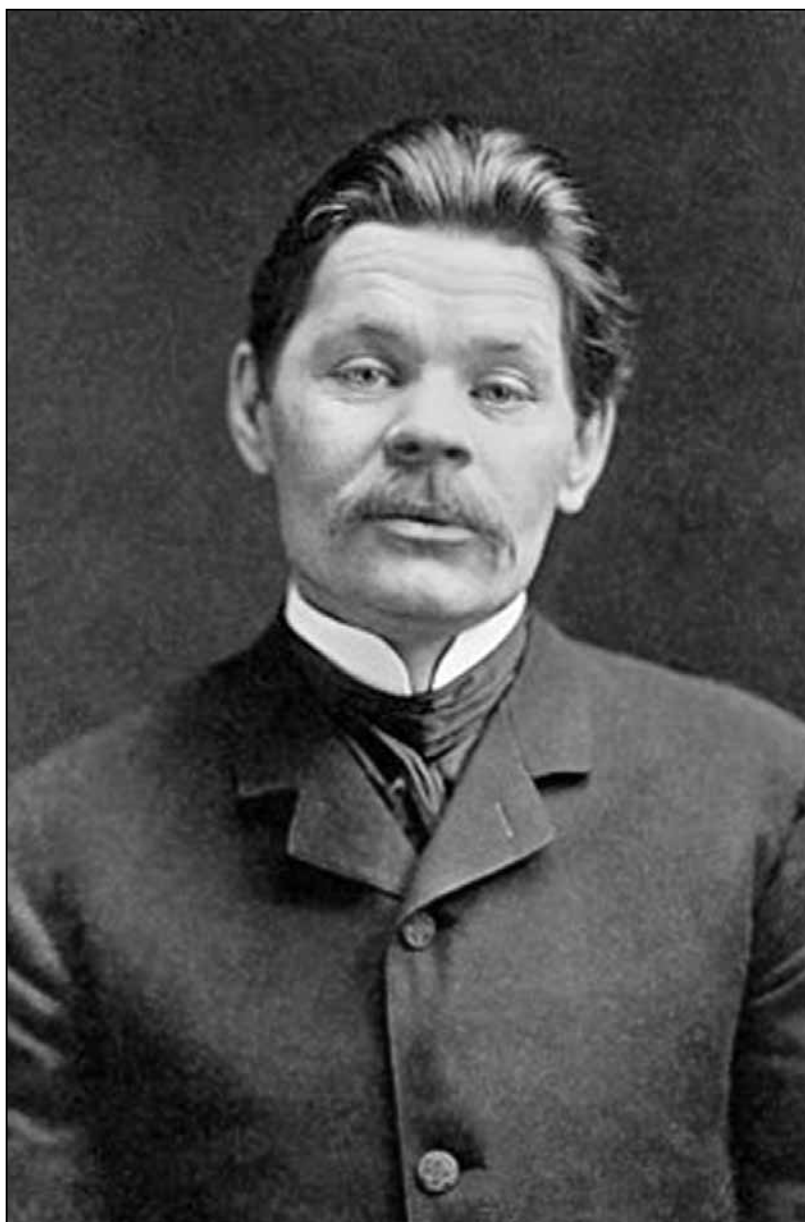
Кроме того, Горький стал любимым писателем простых людей, которые ценили его не только за талант, но и за то, что он был выходцем из рабочей семьи — таким же, как они сами, в противовес классикам благородного происхождения — Пушкину, Тургеневу, Гоголю, Достоевскому... Это был первый пролетарский писатель. В итоге Горький практически мгновенно стал невероятно популярным. Его популярность в какой-то момент затмила Чехова и даже Толстого. Он был кумиром молодежи. Его произведения еще при жизни писателя стали классикой отечественной литературы.

Горький получал очень высокие гонорары, но большую часть своих доходов тратил на благотворительность. Как человек, долгие годы нуждавшийся, писатель знал, каково это — испытывать тяготы и лишения, и всегда помогал тем, кому это было необходимо. Он ощущал от этого особую радость, особое счастье. Отчислял большие суммы в большевистскую партийную кассу, проводил в Нижнем Новгороде благотворительные елки для детей бедноты, дарил книги библиотекам, оказывал помощь студенческим обществам, устроил в Нижнем Новгороде Народный дом, где бедные люди могли бесплатно посещать концерты и просветительские мероприятия. Потом организовал серию «Дешевая библиотека общества «Знание», за свой счет издавая книги, чтобы они были доступны

людям из разных социальных слоев.

Когда в 1905 году Горький попал в тюрьму за поддержку революционеров, за него вступилась вся передовая Европа и даже сам Лев Николаевич Толстой. Конечно, после такого неслыханного резонанса Горького выпустили. Но он, чтобы избежать новых арестов, стал политическим эмигрантом: уехал сначала в Америку, потом в Италию, где прожил семь лет. У этой эмиграции была еще одна причина: тяжелая жизнь, скитания по стране и операция на простреленном в юности легком дали свои плачевные результаты, и у Горького констатировали туберкулез, которым он страдал всю оставшуюся жизнь.

В эмиграции Горький продолжал много писать (роман «Мать», пьесы «Враги», «Последние» и «Васса Железнова», роман «Жизнь Матвея Кожемякина»). Вернулся писатель в Россию уже незадолго до революции, в 1913 го-

ду, после амнистии в честь трехсотлетия дома Романовых.

Общеизвестный факт, что Горький был в близкой дружбе с Лениным. Несмотря на то, что Ленин пользовался непререкаемым авторитетом и был иконой новой власти, Горький никогда не лебезил перед ним, не боялся спорить с вождем, всегда открыто говорил то, что думал.

В революцию 1917 года Горький поверил как в начало новой, справедливой и счастливой жизни. Однако политика террора новой власти привела его к разладу с ней. Писатель стал по-

следней надеждой родственников и друзей тех, кто был арестован по политическим обвинениям. Это были в основном представители интеллигенции — писатели и ученые. В Горького верили как в борца за истинную справедливость, именно к нему обращались за помощью. И писатель никому не отказывал: писал письма, ездил по инстанциям, в результате чего вызвал раздражение Ленина, который считал его «ребенком в политике» и советовал ему туда не вмешиваться. Но Горький не мог оста-

(сегодня это кажется непостижимым) критиковать действия большевиков и самого Владимира Ленина. Приведу выдержку из его статьи — смелой, дерзкой, бескомпромиссной:

«Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и в то же время отбросила от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны. Мы видим, что среди служителей Советской власти то и дело ловят взяточ-

В Горького верили как в борца за истинную справедливость, именно к нему обращались за помощью, и писатель никому не отказывал: писал письма, ездил по инстанциям... В нем каким-то непостижимым образом уживались две, казалось бы, совершенно противоположные личности: идеалист-романтик с тонкой и ранимой душой и непримиримый борец, готовый любой ценой отстаивать свои убеждения. Даже ценой жизни

ваться в стороне. В нем каким-то непостижимым образом уживались две, казалось бы, совершенно противоположные личности: идеалист-романтик с тонкой и ранимой душой и непримиримый борец, готовый любой ценой отстаивать свои убеждения. Даже ценой жизни.

В 1917–1919 годах писатель издавал газету «Новая жизнь», где в разделе «Несвоевременные мысли» публиковал свои статьи с размышлениями о политике и позволял себе

ников, спекулянтов, жуликов, а честные, умеющие работать люди, чтобы не умереть с голоду, торгуют на улицах газетами... и увеличивают массы безработных...»

По настоянию Г.Е. Зиновьева в июле 1918 года за критику власти газету Горького закрыли. Статьи из цикла «Несвоевременные мысли» в СССР не издавали до самой перестройки.

В своих статьях писатель отстаивал единство политики и нравственности, считая, что их разъединение

скажется самым пагубным образом на жизни народа и страны, поскольку «способствует внедрению антидемократических методов в политике, ведет к оправданию насилия, жестокости и террора, нарушению социальной справедливости». Да, Горький разделял идеи революции, но категорически отвергал формы и методы их воплощения.

В 1921 году он снова уехал за границу. Официальная причина — ухудшение здоровья. Основная причина — несогласие с режимом новой власти. Там он лечился, работал и активно общался с лучшими зарубежными литературными деятелями: состоял в переписке с Роменом Ролланом, Бернардом Шоу, Томасом Манном, Стефаном Цвейгом, Гербертом Уэллсом и другими. При этом продолжал внимательно следить за тем, что происходит на родине.

В 1924 году умер В.И. Ленин, и Горький, несмотря на разногласия с вождем, искренне оплакивал его смерть. Он, по его собственному признанию Стефану Цвейгу, «с гневом», но любил Ленина, не мог не признавать масштаба его личности и величия идей. Среди траурных венков на могиле Ленина был и венок от Горького с надписью: «Прощай, друг».

А страна тем временем вставала на ноги после Гражданской войны, крепла, росла, строилась. На смену Ленину пришел Сталин. И Горький вернулся обратно в Россию.

Сталину писатель был необходим в качестве политического союзника.

К тому времени, после двух лет массового террора, авторитет вождя заметно пошатнулся. Он это понимал и решил заручиться поддержкой Горького, которого знали и любили не только в России, но и во всем мире. Его не смущало, что у писателя была репутация неподкупного человека. Иосиф Виссарионович не верил в человеческую неподкупность и считал, что нужно просто правильно определить цену. Он решил, что цена Горького — это народная любовь. Нужно было показать писателю, как его любят в России. И в действие вступила программа всесторонней и целенаправленной «обработки». Горький знал, что на родине его ценят и что там его произведения регулярно издаются большими тиражами, но когда вдруг стал получать мешки писем от советских граждан с просьбами и мольбами вернуться на родину, был тронут до глубины души. Он не терпел славословия, сознательно отказывался от разных чинов и наград, объясняя это так: «Я имею уже высшую награду, о которой может мечтать литератор, — награду непосредственного общения с моими читателями». В этих письмах он видел только то, что необходим своей родине, и, естественно, не мог не вернуться.

Первый раз после долгой эмиграции писатель приехал в Советскую Россию в 1928 году, потом приезжал уже почти каждый год (в 29-м, 31-м, 32-м, 33-м гг.). Осень и зиму он для поправки здоровья проводил

в Италии в сопровождении двух советских врачей.

Сразу после возвращения Горького в Россию на него градом посыпались сталинские милости и дары. Ему и его семье (Горький к тому времени был женат) предоставили особняк в Москве и две комфортабельные дачи — в Крыму и Подмосковье. По указанию Сталина нарком внутренних дел Ягода на лету ловил малейшие желания писателя. Для поездок ему был выделен специальный железнодорожный вагон, вокруг дач были высажены его любимые цветы, которые специально привозили из-за границы. Если Алексею Максимовичу требовалась какая-нибудь книга, она тут же доставлялась из любой страны.

Сталинская «машина неслыханной щедрости» продолжала набирать обороты. Художественному театру присвоили имя Горького. Нижний Новгород переименовали в Горький. Главную улицу Москвы — Тверскую — переименовали в улицу Горького. Сам Алексей Максимович, противник восхвалений и излишней роскоши, неоднократно пытался против этого протестовать, но ему было сказано, что Максим Горький в стране один, и что это — воля народа.

Кроме того, необходимо было убедить Горького в том, что Сталин действительно строит настоящий социализм и ведет народ к новой и счастливой жизни. Ягода специально составлял для писателя до предела плотный рабочий график, что-

бы у Горького не было ни времени, ни возможности самостоятельно наблюдать, оценивать и делать объективные выводы. Но возможно ли человека полностью изолировать от общества? Можно ли в течение многих месяцев и лет выдавать неправду за истину, а желаемое за действительное так, чтобы он ничего не заметил и ни о чем не догадался? Тем более если дело касалось такого опытного, умного и дальновидного писателя как Максим Горький?

В 1929 году Горький посетил лагерь особого назначения на Соловецких островах. Его приезд на Соловки был не случаен. Несколько человек, бежавших из лагеря и скрывшихся в Финляндии, распространили порочащую советскую власть информацию о чрезвычайной жестокости по отношению к заключенным. Писатель должен был лично проверить достоверность этой информации и, в случае ее неподтвержденности, написать опровержение, чтобы успокоить общественность на Западе. Как уже говорилось, за границей Горький был в большом авторитете. Ему бы поверили. Точнее, именно ему готовы были поверить. С этой целью писатель и посетил самое мрачное место Соловецкого лагеря — карцер, именовавшийся Секиркой.

К приезду Горького готовились не только сотрудники лагеря, но и сами заключенные. Они жили радостной надеждой на то, что он-то «все увидит, все узнает». Однако в карцере, к удивлению писателя, оказались

весьма достойные условия содержания заключенных. Они сидели за большим столом (хотя ни стол, ни скамейки в карцере не полагались) и... читали газеты. Конечно, никто из них не посмел открыто пожаловаться на каторжные условия, но они «придумали держать газеты вверх ногами». Горький это заметил, подошел к одному из заключенных и перевернул газету. Как человек умный и проницательный, он наверняка понял смысл этого знака, но, вопреки ожиданиям заключенных, никак не отреагировал и ничего не сказал ни

лась хваленая бескомпромиссность писателя, его кристальная честность, его верность себе при любых обстоятельствах? Продал за благополучие, сытую и спокойную жизнь, за почести правящей власти и благосклонность товарища Сталина? Да, Горький не раз давал положительные оценки Сталину и его деятельности. Но писатель делал это не из корыстных побуждений и не из желания угодить вождю (дальнейшие события жизни Горького — прямое тому доказательство). Он понимал, как непросто создавать страну с нуля,

Несмотря на полную трудностей и лишений жизнь, Горький до последних своих дней занимался самообразованием, читал книги русских и зарубежных писателей, признавал огромную роль литературы в формировании человеческой личности, утверждал, что она учит понимать смысл жизни и истинные мотивы поступков людей

тогда, ни потом, а перед отъездом даже написал в «Книге отзывов» несколько лестных слов. В том же 1929 году Горький опубликовал очерк «Соловки», где отразил впечатления о своей поездке и констатировал, в частности, что условия содержания в лагере хорошие, а «заключенные эффективно перевоспитываются». Впоследствии многие за это упрекнули писателя в «нравственной деградации», и назвали его предателем.

Почему же Горький не высказался в защиту заключенных? Куда дева-

возродить ее, можно сказать, из пепла Первой мировой и Гражданской войн, продолжал верить в светлые идеи революции. Он видел, как вокруг изменилась жизнь. В практически полностью безграмотной России появились школы для детей и взрослых, рабфаки. Открывались библиотеки, фельдшерские пункты. Строились заводы, фабрики, развивалась тяжелая промышленность. Гордо поднимала голову первая в истории человечества советская республика, и на этом новом непростом, полном трудностей пути без

ошибок и перегибов обойтись было сложно. Поэтому Горький до определенного времени не высказывал сомнений и открыто не протестовал. Но ключевое выражение здесь — «до определенного времени», которое очень скоро наступило.

Гром грянул после того, как в стране вследствие сталинской коллективизации разразился страшный голод. В 1930 и 1931 годах в газетах появились сообщения о расстреле 48 человек, якобы виновных в том, что именно они своими преступными действиями организовали голод. Это сообщение вывело Горького из себя. Прямой и вспыльчивый писатель в жестком разговоре с Ягодой открыто обвинил правительство в расстреле невинных людей и в намерении свалить на них всю ответственность за голод и его страшные последствия. Но больше всего он страдал и терзался из-за того, что усилилась травля старых большевиков, многих из которых он лично знал еще с дореволюционных времен. В 1932 году он вступился за Каменева, и Каменева по приказу Сталина освободили. Можно привести немало случаев, когда вмешательство Горького спасло старых большевиков от тюрьмы и ссылки.

Сталина безмерно раздражали заступничества Горького, отношения между вождем и писателем резко испортились. К началу 1934 года стало окончательно ясно, что восхваляющей его книги Сталин не увидит никогда. Тогда он приказал Яго-

де поручить Горькому написать хотя бы статью для «Правды» под названием «Ленин и Сталин». Руководители НКВД были уверены, что уж в этом Горький не сможет отказать, но вновь споткнулись о гранитную принципиальность писателя.

Изоляция Горького стала еще более строгой. Писателя перестали выпускать за границу, хотя он остро нуждался в лечении из-за заметного ухудшения здоровья. Сталин опасался, что за границей Горький, чего доброго, действительно мог написать книгу, но совсем не ту, о которой мечтал вождь. Настолько опасным властям Горький еще не был никогда, потому и остался сталинским пленником до самой своей смерти, которая последовала скоро и неожиданно — в июне 1936 года.

1 июня Алексей Максимович заболел гриппом, который осложнился жестокой пневмонией и отеком легких. Болезнь развивалась стремительно, состояние здоровья Горького ухудшалось на глазах. Перед смертью больного навещил Сталин в сопровождении Молотова и Ворошилова. Впоследствии этот визит, напоминаящий, скорее, прощание, послужил поводом для слухов об отравлении Горького.

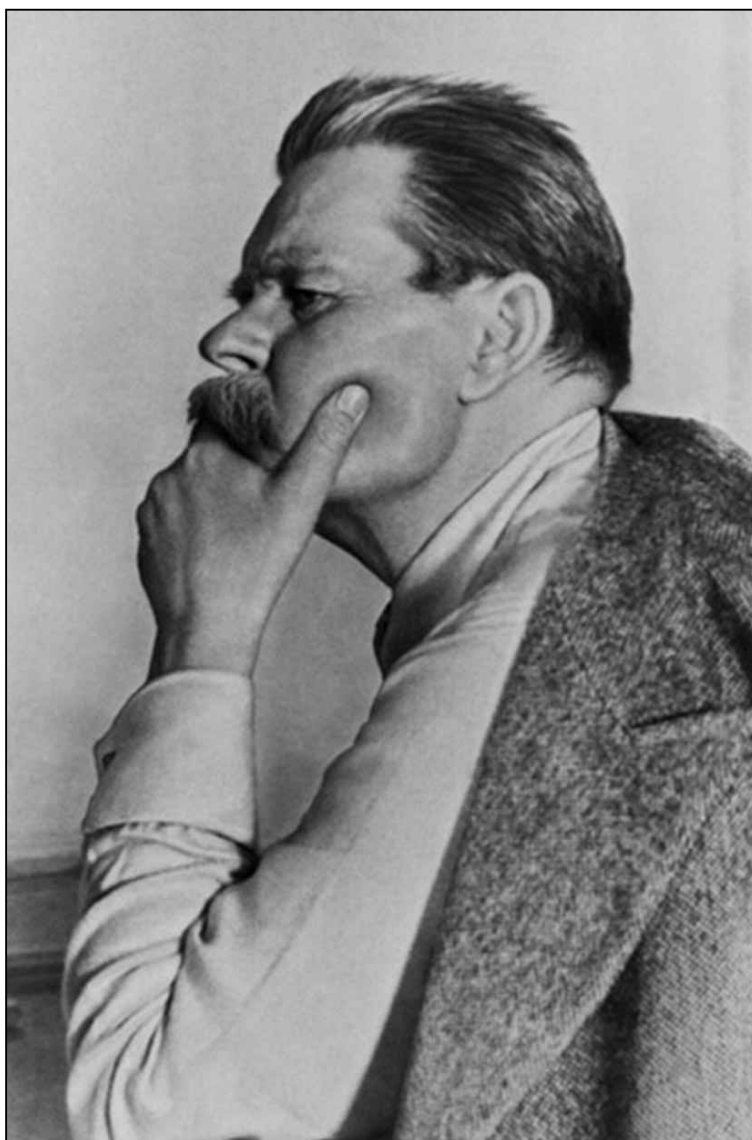
18 июня 1936 года не стало великого писателя Земли Русской. Тайна его смерти остается по-прежнему неразгаданной...

Писатель Максим Горький прожил 68 лет. Он оставил после себя

большое наследие: стихи, рассказы, очерки, хроники, пьесы. В своих произведениях он протестовал против мещанства и обывательства, мелких собственнических интересов человека, стремления жить только для себя. Основные ценности, которые писатель возвышал, — это любовь, свобода, справедливость, храбрость и самопожертвование, он считал, что для счастья людей можно и нужно отдать жизнь, если это потребуется.

Изучая биографию Горького, невольно ощущаешь гордость за то, что великую русскую литературу творили писатели, не только обладавшие блистательным, уникальным талантом, даром пророчества, умением видеть сквозь время и пространство, но и отличавшиеся незаурядными человеческими качествами. Это были Личности с большой буквы. И Максим Горький — яркий тому пример.

В заключение хочется привести цитаты из произведений и записок Горького, ставшие крылатыми. Они и сегодня не утратили своей актуальности:

Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми...

Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!

Не будьте равнодушными, ибо равнодушные смертоносно для души человека.

Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую. Мужественные и щедрые — вторую.

На день надо смотреть, как на маленькую жизнь.

*В жизни всегда есть место подвигу.
Безумству храбрых поем мы славу!.. □*

Георгий Каюров

Папа обязательно приедет!

Густой, тяжелый туман, наползший на село Н-ское, завис в эту осень надолго. Небо обратилось в холодный сырой покров, окутавший поля, дороги, околицу и скрывший крыши и без того не высоких домов. При этом на залитой грязью центральной улице все равно виднелись темные силуэты селян, спешащих на ферму, на ток, грузовые машины, разбрасывающие из-под колес грязные брызги...

Неожиданно в тумане выделился пробирающийся уверенной походкой по осенней слякоти военный. Туман не мешал ему найти ворота родного дома. Он по-хозяйски закинул руку поверх калитки и отодвинул засов. Уже из дома раздался радостный вопль разрыдавшихся матери и жены...

А в доме через несколько дворов Ольга, не отрывая взгляда от экрана телевизора, на котором отвечал на вопросы ее муж Андрей, торопливо сняла фартук, скинула домашний халат, выхватила с вешалки первое попавшееся платье, быстро переоделась, перевязала волосы и прижала их заколкой.

— Ма, — улыбнулась дочь Соня, тринадцатилетний подросток, наблюдая, как мать прихорашивается: — Он же в телевизоре, все равно не увидит.

— Вон какой бравый... — Ольга едва перевела взволнованное дыхание и продолжила: — Смотри, какие лица. Холодно, грязь по колена, а они себе поют, как ни в чем не бывало. Веселые ребята! Надежные, как и наш папка.

— Вот смотри! — неожиданно соскочила с дивана дочь и ткнула пальцем в экран: — На отца одноклассника похож!

— Ма! Смотри! Смотри! — снова восторженно закричала дочь: — Подарки получили. Может, и наши там есть?

— Так, все! Быстро вставай, — одернула ее Ольга: — Умываться, завтракать, и в школу. Проследи, чтобы Илюша до класса дошел. Учительница говорила мне — первоклассник, а опаздывает часто. — А сама глаз оторвать от экрана не могла, наблюдая, как муж достает из коробок подарки и раздает сослуживцам. Подарки переходили из рук в руки. Солдаты прижимали их к груди, разворачивали листки с детскими письмами и рисунками, и скупые слезы текли по их щекам, слова дрожали от раздирающего душу волнения, и их несколько не смущал направленный объектив камеры...

В минувшую ночь бабке Ульяне, Ольгиной свекрови, приснился странный сон: она видела сына Андрея в белых одеждах, с трудом пробирающегося сквозь туман, а когда присмотрелась, то туман оказался потоком нацистских отрядов. Сын пытался продрасться сквозь них, и вот уже все тело его покрылось сплошными кровавыми царапинами.

— Святая Богородица! Какие ужасы! — прошептала бабка Ульяна и снова погрузилась в сон, в котором волновался туман, небо сверкало от громовых молний, земля тряслась — такая шла битва! И вдруг сын исчез в тумане, потерялся...

Ульяна проснулась и окинула взглядом комнату. В доме было темно и тихо, лишь за окном редкие капли ударяли о жестяной подоконник.

— Так вот какая бывает битва! — переводя дыхание, проговорила она и трижды перекрестилась: — Господи, Иисусе Христе, помилуй нас! Святая Богородица, защити и спаси сына! Не оставь деток сиротами!

Больше она не смогла уснуть, изводя себя тяжелыми мыслями. А едва стрелка часов застыла на восьмерке, набрала номер телефона соседки:

— Михална, спишь? Что значит видеть во сне облако?

— Два есть облака, подруга, — сиплым спросонья голосом ответила соседка, привыкшая к столь ранним звонкам, — одно — к дождю, другое — к погоде. Ты какое видела?

Ульяна подробно, стараясь не пропустить мелочей, пересказала свой сон. В трубке воцарилось молчание — соседка никак не могла припомнить, чтобы в соннике говорилось о таком облаке, какое привиделось подруге. Догадавшись о тревогах матери, терпеливо ожидавшей ее ответ, она ободрительным тоном проговорила:

— Не беспокойся, сон хороший. Твое облако — к добру. Получишь письмо или какое другое известие от близкого человека или родственника.

— Ладно, спи дальше. — Лицо бабки Ульяны просветлело, и она с облегчением выдохнула.

Через шесть дней ей действительно передали письмо от сына Андрея. Завез его сослуживец из соседней роты, который проходил лечение в госпитале и проезжал через их село обратно на фронт. Ульяна побежала к сельской гадалке с просьбой сначала поворожить, что там в письме, а затем сели читать вместе.

«Пишу тебе, мама, это письмо, что я жив и здоров, и что мы побили бандеровских нацистов. Воюем со всем Западом! Но ты не сомневайся, Россия победит. Я здоров, и мое отделение все здорово, даже раненых нет. Ребята узнали, что я пишу тебе письмо, и попросили передать поклон и от них. Нацисты зверствуют. Бьют далеко, но не точно. Стреляют залпами, как попало, много гибнет мирных людей, но страх как боятся нас. Зайди к соседу Сашке и заberi мою дрель. Когда вернусь, надо будет стул отремонтировать, а без дрели не справиться. Моя зарплатная карточка у Ольги. Зайди к ней, она даст тебе немного денег. Трать без сожаления. Мне тут не на что тратить. Будь здорова, мама, и не ссорьтесь с Ольгой. Ей я написал письмо отдельно. Кланяюсь тебе низко. Твой покорный и любящий тебя сын Андрей».

— Сыночек мой, сыночек! — застонала старуха-мать. — Спаси тебя Бог, сыночек, — и она перекрестила дорогие сердцу строчки письма.

Обрадовалось материнское сердце, и она побежала поделиться добрыми вестями к соседке, которая накануне и наговорила ей добрую весть.

Едва вышла Ульяна на улицу, как на глаза ей попалась небольшая группа военных, проходившая контрольно-пропускной пункт. В первый момент ей даже показалось, что среди них ее сын Андрей — так похож был на него один из солдатиков. Но нет, это был не он. Она подошла ближе, собираясь расспросить о сыне, но ее внимание вдруг привлек строй пленных за решетчатыми воротами. Точно так же стояли пленные немцы в минувшую войну. Она была ребенком, но хорошо запомнила их изможденные, грязные лица, с растерянно блуждающими по сторонам глазами. Перед строем советский офицер проводил переключку, считывая немецкие фамилии с листка. Сейчас тоже стоял офицер и, как тогда, проводил переключку, а вот фамилии звучали все наши, русские.

— Господи Боже! — проговорила Ульяна, внимательно рассматривая пленных. — Разве такие нацисты? — В ее детской памяти застыли лица

тех, настоящих нацистов, и она никак не могла соединить их с этими: — Люди, настоящие русские люди! Ведь и у них есть матери... Может, ошибка какая? Погодите, ребятушки, погодите малость! — одними губами проговорила, словно сама себе отдала приказание, Ульяна, бросилась обратно к себе в дом, вынесла оттуда бутылку водки, большой каравай хлеба, совсем недавно ею испеченный, и поспешила к пленным, собираясь передать им гостинец.

Караульный усмехнулся:

— Не положено! — И уже добродушнее добавил: — Это пленные нацисты, они наших убивали.

— Они же русские, — пролепетала бабка Ульяна, недоверчивым взглядом уставившись на караульного. — Ведь ты совсем молодой, откуда тебе разобраться, кто есть кто?

— Не положено! — уже строже отчеканил солдат, заметив приближающегося к ним офицера.

— Что тут происходит? — Офицер внимательно осмотрел женщину с бутылкой водки и хлебом и перевел вопрошающий взгляд на караульного.

— Вот женщина пришла... местная жительница... я ее знаю, она вон из того дома... — Солдат замешкался, затем быстро отчеканил: — Ошиблась, думала, наши, но я ей пояснил, что это пленные нацисты.

Офицер медлил, пристальнее рассматривая стоящую перед ним женщину, и по его глазам было видно, он размышляет над неожиданно возникшей идеей.

— Идем, мать, — наконец сказал офицер и посторонился, пропуская Ульяну вперед.

Они миновали пропускник и подошли к строю пленных. Офицер остановился, не проронив ни слова, а бабка Ульяна, совсем забыв, кто перед ней, протянула бутылку водки и, пока пленные передавали ее друг другу, отламывала куски от каравая и клала по краюхе в протянутые руки.

— Спасибо, спасибо, — признательно говорили ей усталые пленники, с наслаждением пропуская в себя по глотку благодатной влаги и занюхивая ароматным домашним хлебом.

— Из-за чего деретесь, сынки? — спросила Ульяна, заглядывая каждому в глаза

— Так вот, мать... — только и нашелся что сказать стоявший рядом пленный и понуро опустил голову.

— Откуда будете? Из наших ли краев?

— Я из Коломыи, это западная Украина.

— Красиво у вас там... — лицо старухи-матери даже прояснилось: — Горы, леса, все чистенько, ухожено, и люди приветливые, добрые... — Что ж, и мы восстановим все. Тоже будет красиво, мирно, как и прежде. Ох, натворили вы дел...

— Все, мать! Уходи, — строго отчеканил наблюдавший со стороны офицер.

Уже немного отойдя от пропускника, бабка Ульяна обнаружила у себя в руках последний кусок хлеба.

— Ух-х! — в сердцах воскликнула она и едва не повернула обратно, печальным взглядом уставившись на шеренги военнопленных: — Остался кусочек. Не успела отдать...

С другого конца села по центру разбитой улицы приближалась группа военных. Старуха-мать долго всматривалась, стараясь разглядеть своего Андрея. Из разных дворов стали выходить люди и на ходу передавать солдатам все, чем могли поделиться. Те с благодарностью принимали, обнимали старух, пожимали сухие руки стариков. Из какого-то двора выбежала девушка с небольшим букетом высушенных цветов. Когда увидела пыльных, с усталыми лицами, но улыбающихся солдат, всплеснула руками, закрыла лицо передником и заплакала.

— Чего ревешь, дочка! — добродушно улыбнулся пожилой солдат: — Нам цветы?

Плача и расстраиваясь, что она вот такая бестолковая вышла с цветами, а не с чем-то нужным, полезным, девушка в ответ закивала.

— Спасибо тебе! — сказал солдат, принимая из ее рук букет, и поклонился ей.

Солдаты стали передавать букет из рук в руки, и каждый, кто проходил мимо девушки, говорил:

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — и лица солдат словно просветлялись от этого простенького букета высушенных полевых цветов.

Черноглазый, плотный молодец выскочил из строя, наскоро поцеловал руку бабки Ульяны, чмокнул в лоб девушку, прикрепил к груди Георгиевскую ленту, которую протянул ему кто-то из толпы, и бросился вдогонку за ушедшими вперед товарищами.

— Возвращайтесь!.. — только и смогла тихо проговорить одними губами вслед уходящим солдатам заплаканная девушка...

Вернувшись домой, бабка Ульяна открыла свой старый сундук, сняла лежавшие сверху рубахи и платья, вынула из самого дна заветные венечальные свечи, которые держала в неприкосновенности долгие годы, прилепила одну перед образом и начала читать молитву...

В это самое время где-то далеко под Кременной раздавались раскаты пушечных выстрелов. Артиллерия расчищала от нацистов укрепления, чтобы ее сын с однополчанами могли разгромить врага.

Шел ноябрь две тысячи двадцать второго года...

Время словно застыло. Власть объявила о временном прекращении боевых действий. Приближалось Рождество. Подоспел указ президента об отпусках, и солдаты потянулись домой в двухнедельный отпуск. В домах готовились застолья, чтобы хоть и тихо, но торжественно отметить короткую побывку своего защитника.

Прибывали и соседские мужики. Только Андрея, сына бабки Ульяны не было: и самого его не было, и никто ничего о нем не знал. Задумалась старуха-мать, забеспокоилась, дурные предчувствия ночами все чаще и настойчивее осаждали ее. Дни проходили за днями, при малейшем стуке она озиралась на дверь, гадая, не он ли?

Уже во многих дворах встретили своих сыновей и мужей, только они с Ольгой никак не могли дождаться своего Андрея, их единственной опоры.

— Ба, дядя Коля пришел! — вбегая в дом, выкрикнула внучка Соня: — Мамка уже там, может, он что и расскажет о папке?

— Николай пришел! — тяжело вздохнула Ульяна. — Может, и ваш папка скоро вернется, вроде вместе уходили.

— Нас по разным отделениям распределили, — сказал Николай, когда Ольга с дочерью и свекровью присели к столу. — Андрюху сразу в разведку, в штурмовики, а меня в артиллерию. Больше мы не виделись. Мы же в тылу, а они на передке. Ты, Ольга, не переживай так. Приедет. Жарко у них там сейчас. Вот остудят горячие головы нацистов, пообрубают их жала, и сразу приедет...

— Господи, Господи! — тяжело вздохнула бабка Ульяна: — Где же пропал мой сыночек? Может быть, он уже едет? Может, хочет прийти домой как раз к сочельнику? Впереди много времени, придет еще. Он знает, как его здесь ждут!

Возвращаясь домой, Ульяна повстречалась глазами с другой соседкой. Той нечем было утешить старуху-мать, у самой глаза полны слез. Мельком зыркнула на Ульяну и отвернулась. А бабка Ульяна понимающе покачала головой и прошептала: «Ее сын больше не вернется в отчий дом».

В надеждах и ожиданиях всех жителей села Н-ского, год, хоть и тяжело тянулся, но подошел к завершению. Рано утром накануне сочельника бабка Ульяна отправилась в церковь. У входа ее уже поджидала невестка

с внуками. Она накупила восковых свечей и поставила их перед всеми иконами у алтаря.

— Есть еще время, — повторяла про себя Ульяна, стоя перед иконой Богородицы: — Завтра сочельник! Святая Богородица, смилуйся надо мною, верни мне сыночка любимого, не дай умереть, не попросив у него прощения...

Помолившись, она вернулась домой, успокоенная, с прояснившимся лицом.

А Ольга с детьми остались до конца службы. В церкви было много народу, и среди них военные, прибывшие в отпуск.

Пока мать с сестрой молились перед образами, Илья незаметно отошел от них и отправился искать нужных ему людей.

— Дядя, вы моего папу не видели на войне? — обратился он к военному с перебинтованной рукой.

— Нет, не видел, — словно извиняясь, ответил тот: — Ты чей будешь?

— Мой папа — Андрей, — с гордостью в голосе сообщил Илюша и добавил: — Я уже первоклассник. Скоро вырасту и поеду папе помогать.

— Молодец! — похвалил его военный. — Твоему папе сейчас очень нужно, чтобы ты хорошо учился.

— Дядя, а вы моего папу не видели? — подошел к другому военному Илюша.

— Кто твой папа? — поинтересовался мужчина.

— Мой папа — разведчик, штурмовик! — с гордостью сообщил мальчишка: — Так дядя Коля сказал.

— Нет, не видел, — тихо ответил солдат и уверенным тоном добавил: — Твой папа обязательно вернется. Ты, главное, верь и жди. Ему это очень важно, чтобы его ждали.

— Дядя, а вы моего папу не видели? — переходил Илюша от одного военного к другому, и каждый в ответ молчаливо качал головой.

— Что ты тут делаешь? — вдруг схватила брата за руку Соня. — Мама уже обыскалась, думала, ты потерялся.

— Отстань от меня! — выпалил Илюша. — Я папу ищу!

— Нет здесь папы, — прошептала сестра, крепко удерживая его руку.

— Бабушка сказала, если у Бога попросить, то он все исполнит. Я несколько раз попросил. Он должен исполнить, какой-нибудь знак подать...

— Пошли домой, — настаивала сестра. — Все уже ушли, и мама, и бабушка.

— А еще бабушка сказала, что Бог исполняет все желания детей, — не унимался Илюша, вырывая руку и освобождаясь от цепкой хватки се-

стры. — Давай сходим на край села и посмотрим — вдруг он идет? Мы только одним глазком...

— Мамка будет ругаться, — тряхнула головой сестра, — и так вся извелась.

— Ну, Сонь, одним глазком...

— Ладно, — наконец согласилась она, зная, что младший брат так просто не отступит, чего доброго, сбежит по дороге, где его тогда искать, да еще при такой погоде. — Только туда и обратно. Холодно очень, и снег уже начинается.

Взявшись за руки, брат с сестрой направились к дороге, ведущей прямо к шоссе.

Холодный ветер усилился, вмиг все склоны, вся равнина — все побелело от снега. Небо низко нависло над землей. Черные вороны, еще пару часов назад летающие над дорогой, сидели группками на голых вершинах деревьев. Соня и Илья, подставляя спины ветру, продвигались к краю села.

— Представляешь, — Илюша старался перекричать ветер, — мы раньше всех увидим нашего папу. Я сразу его узнаю...

Пустая дорога вела в гору и терялась за подъемом. Впереди уже ничего не было видно. Соня и Илья поднялись до самого верха, где ветер был еще сильнее и с ног до головы облепил их снегом, норовя сбить с ног. Казалось, все вокруг превратилось в одно сплошное снежное месиво. И только очень зоркий путник мог рассмотреть в этой снежной кутерьме двух ребятишек, вышедших встречать своего папу.

Соня уже не торопилась, стойко перенося холод и крепко обнимая младшего брата. Илья промерз и начал дрожать всем телом, но они не спешили возвращаться домой.

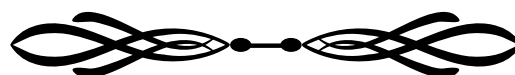
— Сонь! — дрожащими губами проговорил Илюша: — Ведь папа обязательно приедет? Правда?

Снежный ветер все крепчал и крепчал, унося слова мальчишки куда-то далеко. Он шел с запада, с поля битвы, где в Кременном лесу возле огромной воронки лежал засыпанный снегом их папа... □

Виктор Елисеев

Он верил в Россию

Сегодня имя С.С. Бехтеева незаслуженно забыто. А на самом деле он, современник Блока и Гумилева, вписал его в скрижали русской поэзии.

*Блажен, кто в дни борьбы
мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.
Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал
От повседневных искушений,
Умом и сердцем устоял.
Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница,
совесть
И веру дедов-стариков.
Блажен, кто Родину не предал,
Кто на царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведал,
Но малодушно не роптал.*

Эти строки Бехтеев написал в югославском Старом Футоге в мае 1921 года. На чужбине, далеко от России, от своей малой родины.

Он родился 7 апреля 1879 года в имении отца, находящегося в селе Липовка Елецкого уезда Орловской губернии. Через четыре дня младенца крестили в приходском храме Святого Сергея Радонежского, построенного еще его предками в далеком 1769 году. Восприемниками будущего поэта был его дед по линии отца, отставной капитан-лейтенант Сергей Сергеевич Бехтеев, и бабка по линии матери, Екатерина Лукинична Хвостова. Род Бехтеевых был одним из самых древнейших дворянских родов России, ведущий свое начало от некого Ворона, жившего во второй половине XV столетия. Бехтеевы служили при царском дворе стольниками, воеводами, стряпчи-

Справа наверху:
*Дом Бехтеевых
в Липовке*

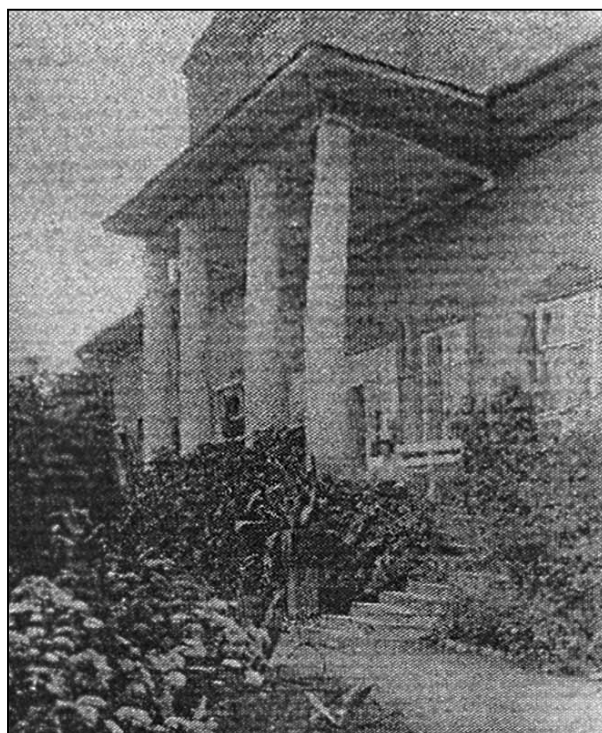
Справа внизу:
Село Липовка

ми. Самый известный из всех Бехтеевых, Федор Дмитриевич, был первым учителем великого князя Павла Петровича, будущего императора Павла I. Дед будущего поэта, капитан-лейтенант русского флота, участвовал в ряде морских сражений, а за Наваринскую баталию был награжден орденом Святого Георгия IV степени. А отец тоже свою жизнь связал с флотом, но служил недолго. Поселившись в родном имении, посвятил себя хозяйству и общественной деятельности. Он служил мировым судьей, земским гласным, а с 1879 года его избрали предводителем уездного дворянства. По его инициативе в древнем Ельце было открыто отделение государственного банка, а 1888 году начал работу первый в России элеватор. Бехтеев-старший заботился о развитии хлебной торговли, об

устройстве регулярного пароходства на Дону, об организации крестьянских переселений. В 1894 году служил в Министерстве земледелия, а в 1908 году был назначен членом Государственного совета. Скончался он в 1911 году в чине действительного статского советника, и похоронили его на старинном кладбище родного села Липовка.

Мать будущего поэта, Наталья Алексеевна, происходила из старинного дворянского рода Хвостовых, давших России видных государственных деятелей. В семье Бехтеевых маленького Сережу воспитывали на основах православия, верности идеалам русского царского самодержавия, которые позднее так явно сказались на творчестве поэта. Учился юный Сережа в прославленном Императорском Александров-

ском лицее в Царском Селе, в котором в свое время учился и А.С. Пушкин. Именно в стенах этого учебного заведения Сергей Бехтеев и впитывал любовь к словесности и поэзии. В 1903 году, по окончании лицея, он издал свой первый поэтический сборник, который посвятил вдовствующей императрице Марии Федоровне. Все средства, вырученные от продажи сборника, Бехтеев передал Царскосельскому ремесленному приюту, находящемуся под высочайшим покровительством матери тогдашнего императора Николая II. Следуя семейным традициям и верный долгу служения царю, 26 августа 1903 Сергей поступил на службу в Кавалергардский полк Ее Величества Императрицы Марии Федоровны на правах вольноопре-

деляющегося I разряда. Служил рядовым во Втором эскадроне, но уже в феврале 1904 года его произвели в унтер-офицеры, а в июле он успеш-

не увидеть России. Он нашел приют в Югославии: жил в небольших городах Старый Футог, Новый Футог, Осек. Он продолжал писать стихи, и в каждом из них звучала вера в воскрешение России. В 1923 году в Мюнхене вышел его сборник стихов «Песни русской скорби и печали». Через два года увидел свет его автобиографический роман в стихах «Два письма», в котором он постарался изложить причины поражения Белого движения.

Вскоре Бехтеев перебрался в Белград, где с 1926 года начал издавать газету «Русский стяг». Через год вышла новая книга его стихов «Песни сердца». А в 1929 году Сергей Сергеевич переехал в курортную Ниццу. Здесь находилась церковь во имя Державной иконы Божией Матери, и он стал ктитором этого храма. А еще был одним из инициаторов сбора средств на сооружение креста — памятника царской семье в парижском соборе Святого Александра Невского и по-прежнему продолжал писать стихи. В 1934 году увидел свет его сборник «Царский гуслиар». В 1945 году, в 1950-1952 годах Бехтеев выпустил еще четыре поэтических сборника «Святая Русь».

Умер он 4 мая 1954 года. И до конца своей жизни продолжал воспевать Россию:

*Я верю в Россию! — я верю
в народ!
Я верю в грядущее радостных
дней*

*Величья и славы отчизны моей!
Я верю, что годы страданий
пройдут,
Что люди свое окаянство поймут.
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменил взаимная наша любовь
Я верю, что в блеске воскресных
лучей
Заблещут кресты златоглавых
церквей.
И звон колокольный, как Божьи
уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель
Христа...*

Похоронили Сергея Сергеевича Бехтеева на русском православном кладбище Кокад в Ницце, где нашли свой последний приют многие русские эмигранты... □

Творческая биография Дианы Бориной началась со служения Терпсихоре, музе Танца. Однако после травмы, ей пришлось уйти из мира балета и начинать все заново, теперь уже на театральных подмостках. Так началась актерская судьба нашей героини. Балерина Диана Борина стала актрисой, служащей Мельпомене. Сейчас на ее счету порядка 20 ролей в театре, разнохарактерных и самобытных. О чем мечтает бывшая балерина, ныне актриса? Какие роли играет, и какой жребий выпадает играть ту или иную роль в театре? Об этом и многом другом в нашем интервью.

Диана Борина

*«Главное на сцене –
понимать, что ты делаешь...»*

Фото Елены Морозовой

Все фото предоставлены Театром Российской Армии

— Диана, чем запомнилось тебе обучение в хореографическом училище при Большом театре?

— Первое, что помню — как стою у станка, очень сильно стараюсь, а меня начинает ругать педагог. Для меня это тогда таким шоком стало, меня родители никогда не ругали, наоборот, хвалили, даже слишком. А в академии оказалось, что все девочки пришли подготовленные, а я ничего не умею... Нас учили дер-

жать спину прямо, объясняли, что мы должны быть как елочные игрушки, подвешенные за ниточку. Я тогда вся вытянулась, стою-радуюсь: вот сейчас точно скажут, что я молодец. А меня шлепнули по голове, потому что я голову задрала вверх, а надо было ее прямо держать. Вот про елочную игрушку до сих пор помню, и уже своим студентам рассказываю, как надо спину держать прямо (смеется).

И, конечно, как первый раз похвалили, запомнила в деталях. Пер-

вая моя похвала в академии хореографии звучала так: «Молодец, Диана! Уже не консерва, а ... полуфабрикат». После этого у меня все стало получаться, включились силы или мотивация, не знаю. Очень хотелось скорее из полуфабриката стать полноценным блюдом! А с педагогом, которая это мне сказала, мы до сих пор общаемся, и она мне очень помогает.

— Как ты пришла к решению поступать в театральный?

— После получения травмы не могла видеть сцену, думала, больше никогда не пойду в театр, не буду смотреть балет. Даже от классической музыки все внутри сжималось. И я сначала решила идти в вуз, совершенно не связанный с искусством. Поступила в Академию внешней торговли, пыталась учить экономику, и не понимала ничего. Там готовили день первокурсника или что-то такое, уже не помню, нас собрали на сцене, и мне впервые за несколько месяцев стало комфортно. Поняла, что, как бы пафосно это ни звучало, скучаю по запаху кулис, по софитам. Они пылью пахнут, конечно, но мне нравилось. И следующие несколько месяцев я все время проводила на репетициях.

Летом мы всей семьей отдыхали в Италии, сидели вечером на улице и зашли на сайт Академии внешней торговли, увидели результаты вступительных экзаменов, узнали, что я поступила. А на улице музыканты

играли, и меня какой-то пожилой итальянец пригласил танцевать. Я танцевала, веселилась, и тогда отец сказал, что лучше бы я поступала в театральный, а не обманывала себя, занимаясь экономикой. Для меня всегда безумно важно было мнение отца... В общем, тогда я поняла, что родители меня поддержат и в том случае, если я попробую поступать в театральный. Вернувшись после отдыха, я тут же забрала документы из Академии, пошла на подготовительные курсы, учила все эти басни, и в результате поступила к Сергею Ивановичу Яшину в ГИТИС.

— Как ты получила травму?

— Я тогда еще достаточно маленькой была. Мы с родителями пытались ее лечить всеми возможными способами, разве что только к гадалкам не ходили. Я знала изнутри все больницы в Москве, все виды уколов, физиотерапий, заморозок и всего остального. К боли привыкаешь, все артисты балета, спортсмены постоянно работают, испытывая, как минимум, дискомфорт. Было страшно, когда нога падала, например, ее поднимаешь в сторону, а она падает, и ее больше не чувствуешь. Вот это сильно пугало. Я могла полноценно работать только правой ногой, левую надо было беречь, соответственно, многие элементы я уже не могла выполнять, что-то пропускала, не могла стоять на пуантах. Это очень сильно давило, я злилась на себя, на травму, пыталась рабо-

тать левой ногой, становилось больнее, я еще сильнее злилась, и... получался какой-то замкнутый круг. Родители хотели взять меня в Германию на операцию, но из-за длительного восстановительного периода вообще было непонятно, в каком состоянии я вернусь, потому что мышцы же очень быстро выходят из формы...

Я не очень люблю говорить о моральной боли, потому что это звучит всегда, как будто жалуешься, но решение уйти из балета далось очень тяжело. В Академии хореографии мы заранее могли предполагать, где будем работать, что танцевать, кто-то даже знал уже, за кого замуж выйдет, а тут оказывается, что твоя жизнь точно сложится как-то иначе, а вот как — нет никакой ясности. У меня

очень мудрые родители, они все как-то очень тонко чувствовали и были все время рядом. Мама предлагала много вариантов, чем я могла бы заниматься, а отец чувствовал, когда он мне нужен, и просто подходил и обнимал. Я сейчас, уже взрослая, поняла одну вещь — на самом деле мне хотелось добиться, чтобы родители мной гордились, но танцевать всю жизнь никакого желания не было, хотя в этом я даже себе самой не могла признаться. И когда получила травму, это через слезы, но все-таки привело к тому, что мне действительно было нужно. И сейчас я именно там, где маленькая Диана и мечтала быть.

— Расскажи, пожалуйста, о своем обучении в ГИТИСе.

— Все четыре года я куда-то бежала (смеется). С репетиции на репетицию, на пару, на спектакль, на работу, и всегда в руках тяжеленные костюмы, тетради, сумки. И, конечно, сразу вспоминаешь мастера, потому что мы с ним прошли интересный путь развития от дикого страха до почти родственных чувств. У меня ноги немели, когда я только слышала кашель Сергея Ивановича Яшина на лестнице, а сейчас это очень близкий для меня человек, с которым я поддерживаю общение. Я же отучилась у него не только на актерском факультете в ГИТИСе, но еще и поступила к нему на ре-

жиссерский факультет в Театральный институт имени Бориса Щукина, сразу после окончания актерского. И больше всего я горжусь тем, что за восемь лет обучения у Яшина я так и остаюсь единственной студенткой, на которую он ни разу не накричал. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

— Что дало тебе второе высшее, режиссерское образование? Ты теперь под другим углом смотришь на свои работы?

— Режиссерское образование — это про умение организовывать, внятно формулировать свои мысли

Фото Анастасии Трошиной

и, наверное, уметь читать. Потому что читать нужно не буквы, а... причины их написания, как возник этот сюжет, а почему в этот период времени для героев важно то, а не другое, как это связано с историей, с ситуацией в мире и так далее. Мне кажется, если хочешь быть связанным с режиссурой — важно любить людей и жизнь, любые ее проявления, нужно быть очень заинтересованным в происходящем вокруг. Пока у меня было только актерское образование, я, наоборот, старалась создать свой маленький уютный мирок и оградиться от происходящего за его пределами, но тогда невозможно ставить спектакли. Как можно писать или ставить о том, чего не знаешь или не видел, или о том, что никак не волнует. Так что сейчас вплотную стараюсь изучать

жизнь, воспринимать ее «не со своей колокольни», а глазами других людей.

Обучение на режиссуре — один из самых тяжелых опытов для меня. Потому что ВСЕГДА, абсолютно каждый раз, как только у меня начинается сессия — в театре идет выпуск спектакля с моим участием, приходится это все совмещать еще и с преподавательской деятельностью, обучением во ВГИКе на сценарном.

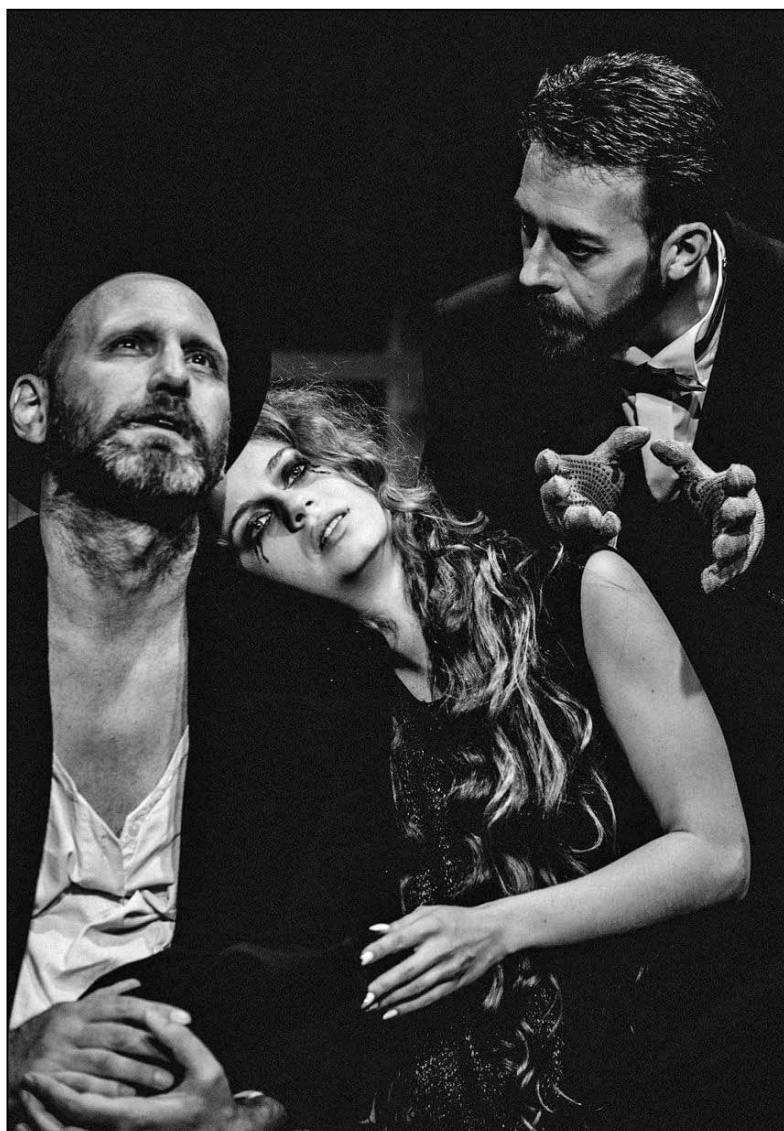
Бывает, за день я езжу из театра в Щукинское училище и обратно до пяти раз. На репетицию, потом на экзамен, на другую репетицию, на занятие по режиссуре и на вечерний спектакль. В одну из сессий, прогон пришлось даже сдавать онлайн в зуме в сценическом костюме проститутки!

— Помнишь ли, как попала в Театр Российской Армии?

— Конечно, помню. Мы с курсом ГИТИСа были на гастролях... в Ярославле, кажется. И мне позвонили с незнакомого номера, была ужасная связь, я разобрала какие-то слова «театр», «отрывок» и ничего не поняла, потом связь оборвалась, я подумала, что это была реклама, а потом меня дернуло — вдруг это по поводу показа в театре! Мы тогда обзванивали все театры, записывались на прослушивание и так далее. Я попыталась набрать тот номер, объяснить, кто я, что произошло, но связь опять прерывалась, и трубку клали... У меня было ощущение, что я упустила свой шанс, я об этом не стала никому рассказывать. И вдруг мне опять перезвонили!

Поступление было не из легких, я приезжала в театр несколько раз, у меня было несколько встреч с главным режиссером, должна была собраться коллегия, а потом потребовалась тан-

цующая актриса в один спектакль, затем надо было подменить в другом и... все само собой решилось. А в кабинете главного режиссера я так волновалась, что запинаясь, и когда он спросил, какие спектакли я смотрела в театре — у меня в голове все перепуталось, и я назвала спектакль, которого даже не было в репертуаре Театра Армии! Когда он об этом сказал мне, я решила, что лучше тогда сразу же умереть прямо в его кабинете!..

— Ты еще развиваешься не только как актриса, но и коуч по актерскому мастерству. Что дает тебе педагогическая практика?

— Актерские курсы, на которых я преподаю, — это моя любимая тема. Во-первых, это моя студия, которую я открыла сама. «Республика Театр» появилась из-за того, что актерская профессия очень зависимая, и я чувствовала себя бесконечно тревожно из-за того, что никогда не знала, какая зарплата мне придет в театре, дадут мне роль или не дадут... Нужно было нечто такое, где могла бы руководить я, некая «подушка безопасности», если можно так выразиться. Вообще, я с детства хотела преподавать, постоянно играла в семью и школу, так и получилось. Единственное правило — я преподаю только взрослым. На данный момент в «Республике Театр» планируются детские курсы, но я веду взрослую группу. Там завязываются интересные взаимоотношения. На

протяжении курса, допустим, в течение 3-х месяцев, мы с группой становимся, ну, если не семьей, то чем-то очень крепким. Я знаю очень много деталей о жизни каждого из студентов, мы переписываемся после занятий, все друг другу стараются помочь, ходят куда-то вместе, образуются пары. Я преподаю вместе с моим псом по кличке Трюфель. Вот его все тоже обожают, а он верно влюблен в одну из моих студенток. И на курсах я точно занимаюсь творчеством! Мы со студентами решаем, что им хотелось бы попробовать, и реализуем любые замыслы, не завися от «направления» театра, моды, правил. Стараемся делать то, что приносит удовольствие. Как результат, у нас есть наши любимые зрители, которые приходят на все постановки «Республики Театр»,

и это безумно приятно. Так что студия — это для меня и Трюфеля про получение огромного удовольствия от взаимодействия с людьми. Ты когда-нибудь заставляла прокурора отжиматься, например? А вот у меня занимается один военный, который пришел очень зажатый, а сейчас бросается во все авантюры, потому что, мне кажется, мы смогли с ним найти общий язык и добиться результата от актерских тренингов.

— Как собираешься перед выходом на сцену? О чем думаешь и как себя успокаиваешь, устраняешь волнение? Может быть, есть какой-то ритуал?

— Актерская профессия, мне кажется, предполагает, что ты должен «видеть» и «слышать» партнера на площадке и стараться с ним взаимодействовать по-настоящему. Это достигается путем практики и тренингов, и я пришла к выводу, что, вне зависимости от того, что ты делал перед спектаклем — настраивался или болтал в гримерке, главное, стараться на сцене быть осознанным и понимать, что делаешь. Вот такая я зануда (смеется). У меня есть приметы, в которые я верю еще с ГИТИСа, например, что нельзя выходить на сцену в уличной обуви, сцена «накажет», и это каждый раз работает! Обязательно что-то случится, если до этого прошелся хотя бы по краю...

Есть спектакль, где я перед началом второго акта обязательно про-

хожу все свои мизансцены и слушаю, как шумит зрительный зал в антракте, это успокаивает и придает уверенности. Есть спектакль, перед которым я всегда выглядываю и смотрю, сколько человек сидит в зале... Не знаю, зачем, но так уже повелось. А есть дурацкий ритуал еще перед одним спектаклем: пока закрыт занавес, мы все собираемся на сцене, и я всегда в шутку пытаюсь отнять фуражку у одного из героев, одетого в форму офицера. Это тоже своего

рода уже традиция. По поводу волнения, я считаю, что это хорошо. Если волнуешься, значит, спектакль важен, значит, там еще есть что делать, а вот когда абсолютно все равно перед выходом... Значит, либо ты стоишь третьей в левом углу... либо в правом. Когда играешь в массовых сценах — конечно, не трясешься перед выходом, хотя «в теории» даже этот подход неправильный. Еще мне очень нравится байка про Сару Бернар: к ней подошла молодая актриса и похвасталась, что совершенно перестала бояться выхода на сцену, на что Бернар ответила, что это признак бесталанности. Я себя этой историей как раз успо-

каиваю иногда за кулисами. Как у балерин говорят, если ничего не болит, значит, ты умерла, вот и у актеров, если есть волнение, значит, все нормально, есть еще что поиграть.

За кулисами может происходить с тобой что угодно — хоть головой можно биться об стену, а, выходя на сцену, надо уметь справиться с собой, со своим волнением...

— Расскажи, пожалуйста, о своем опыте в лаборатории «Достоевский рядом».

— Я узнала об этой лаборатории летом в конце сезона, потом прошел отпуск, и я была в предвкушении — очень интересно было поработать.

Я знала, что распределена в спектакль «Неточка Незванова», и думала, что буду играть подругу Неточки. И тут режиссер присылает в созданном для распределения ролей чате список, и... я вижу, что буду играть мать Неточки. Боже, я ужасно расстроилась, что уже подошла к этапу возрастных ролей (мне на тот момент было 23 года, кажется). Потом я прочла остальные распределения и увидела, что двум нашим потрясающим артистам достались роли «мыши, иногда хористы, иногда прохожие, а иногда просто мыши», не помню дословно, как было написано, но примерно вот так. И я подумала: «Мать — это все-таки лучше, чем просто мышь»...

— Твои любимые писатели, художники, композиторы — кем и чем ты вдохновляешься?

— Я очень давно и страстно люблю Кандинского. Видела его работы почти во всех музеях мира, кроме США, туда я так и не долетела. Вообще в искусстве самым интересным мне кажется начало XX века. Самым страшным, спорным, но... притягательным.

По поводу музыки — все сложно. Бывают моменты, когда я на повторе могу слушать что-то народное, я несколько месяцев жила в Италии, и вот там случилась такая ностальгия по России, что я шла по Флоренции и пела «Лети перышко, через полюшко». Бывает, что это, допустим, Прайснер, с его музыкой и вокализа-

ми, весь декабрь слушаю новогодний плейлист, а потом весь год запрещаю себе его открывать, чтобы не портить предвкушение праздника. А, отдавая дань балетному прошлому, испытываю огромные эмоции от музыки из балетов «Спартак», «Дон Кихот»... До мурашек.

Наверное, самые любимые писатели — Сартр, Фаулз и Михаил Булгаков. Вот такой набор. Я огромное количество раз перечитывала у Сартра все и безумно люблю его пьесу «Мертвые без погребения». Обычно, когда я кому-то про нее говорю, люди пожимают плечами. Но, представляешь... Я во ВГИКе познакомилась с режиссером, мы стали общаться, и на вопрос, какое твое любимое произведение, он назвал «Мертвые без погребения» Сартра. Я тут же влюбилась в него, теперь мы женаты.

— В этом сезоне в Театре Российской Армии состоялась премьера спектакля, посвященного СВО, режиссером которого ты выступила. Как пришла идея?

— В Театре Армии проходила лаборатория «Век Астафьева». За короткий срок несколько режиссеров делали эскиз спектакля, несколько сцен из пьесы, например, и показывали его коллегии. Пьеса «Данькина каска» возникла спонтанно, это, по сути, продолжение «Василия Теркина» Александра Твардовского, только теперь главного героя зовут Данила Гимнастеркин, и он продолжа-

ет ту войну, в которой участвовал Теркин. Мы с артистами собирались буквально пять раз, быстро сделали несколько сцен, придумали ход и показали. Руководство одобрило эскиз, и вот сейчас это переросло в полноценный спектакль на Большой сцене.

— Какими сценическими средствами решаете постановку?

— Мы сажаем зрителя прямо на сцену. Мне не хотелось, чтобы люди приходили в красивый зал Театра Армии и ждали «представления», мне хотелось добиться «эффекта соучастия», чтобы зритель находился практически в том же блиндаже, где сидят бойцы. В спектакле мы стараемся разделять этот эффект. Иногда артисты подходят близко, рассказывают свою историю зрителю, иногда возвращаются к декорации, и тогда уже создается ощущение как бы двух пространств — мира и войны, границы которых размыты. Я предложила артистам такую формулу: условное внешнее и безусловное внутреннее. Наша декорация, лестница, устремленная в небо, принимает форму блиндажа, полевой кухни, медсанбата, грузовика, леса и так далее, то есть декорация и решения сцен достаточно условны, а вот актерское подключение, как говорится, «по школе». Артисты работают очень честно, на репетициях предлагали много своих идей, рассказывали истории своих близких и друзей, которые сейчас воюют. Это

вообще довольно документальная история. Когда я начала готовиться к спектаклю, удалось пообщаться с бойцами, вернувшимися с СВО. Многие находки в спектакле — это истории, рассказанные очевидцами.

— Твоя любимая роль?

— Почему-то в голову приходят детские спектакли. Очень ценно, когда на поклоне на сцену поднимается крошечная девочка и дарит цветочек. То есть, когда это не знакомый человек, который дарит цветы, потому что я ему приглашительные сделала в театр, а просто ты искренне понравилась ребенку, и ему захотелось тебе подарить цветы. Вот из-за этого я люблю детские спектакли. В новогодние праздники мы каждый день по несколько спекта-

клей подряд играем для малышей. Мне еще очень нравится мысль, которую нам как-то озвучил режиссер: детские сказки ведь утром играют, иногда на утро первого января, второго бывает очень тяжело собраться, а режиссер нам говорил, что там, в зале, возможно, сидит маленький человек, который впервые пришел в театр, и может, сегодняшний спектакль отразится на нем. Это важные все вещи, мне кажется. Ну и еще я люблю детские спектакли потому, что взрослые артисты о-о-очень много импровизируют, вкладывают свои подтексты, «раскалывают друг друга», и все эти возможности пошалить тоже очень ценны для меня. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

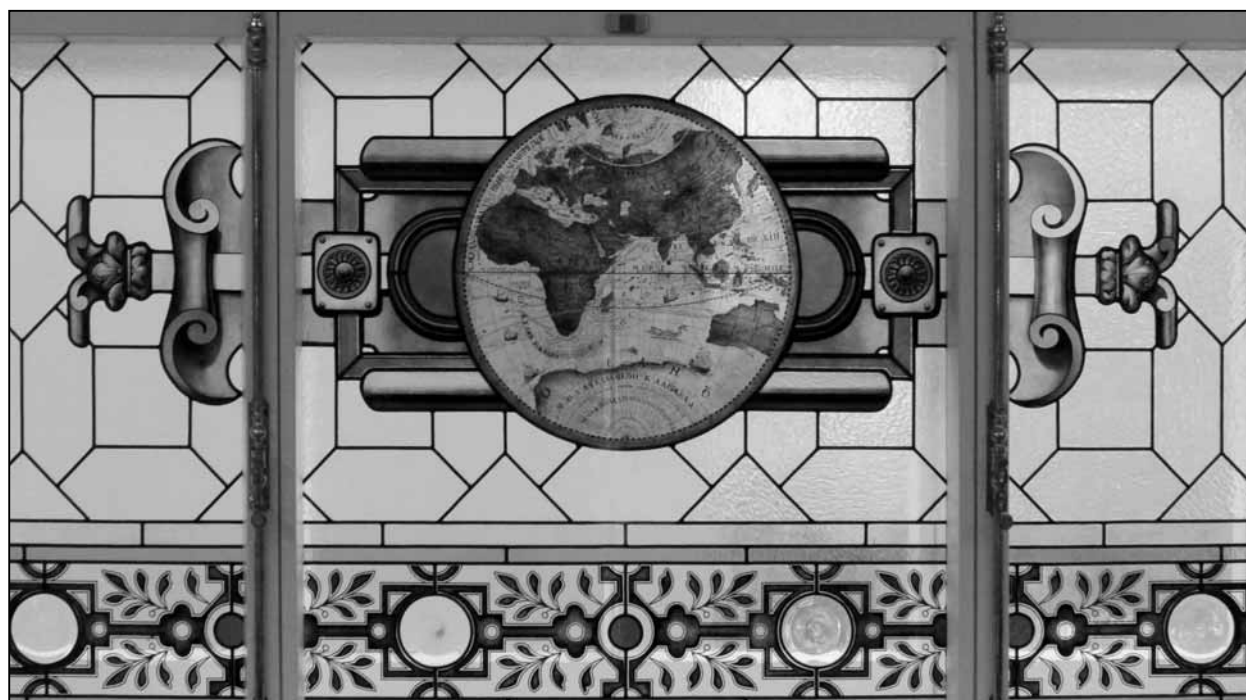

История Русского географического общества в России (РГО) началась в середине 19 века, когда географические открытия и научные изыскания последних «белых пятен планеты» были в самом разгаре. Правивший тогда Российской империей государь Николай I 6 (18) августа 1845 года подписал документ о создании РГО (этот день по новому стилю не так давно был объявлен в России профессиональным праздником — Днем географа), а 7 октября состоялось первое собрание, утвердившее руководящие органы общества. РГО стало четвертым географическим обществом подобного типа в мире и в наши дни является одним из старейших на планете после Парижского, Берлинского и Лондонского.

Обществом сразу же были поставлены перед собою амбициозные задачи изучения бескрайних просторов отечества. Именно так была сформулирована задача его вице-председателем, знаменитым путешественником и фактическим «министром географии» Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским: «привлечь к изучению родной земли и людей ее оби-

честь учреждения РГО, Литке произнес: «Наше отечество, простираясь по долготе более чем на полуокружность Земли, представляет само по себе особую часть света, со всеми свойственными такому огромному протяжению различиями в климатах, явлениях органической природы, и такие совершенно особые условия указывают прямо, что главным предметом Русского гео-

тающих все лучшие силы русской земли».

Идея Русского географического общества принадлежала прославленному мореплавателю, адмиралу Федору Петровичу Литке, который в будущем стал президентом Императорской академии наук. Открыв торжественное заседание в конференц-зале Академии наук и художеств в

графического общества должно быть возделывание географии России».

Уже с первых лет своего существования Русскому географическому обществу удалось объединить под своей эгидой лучших из лучших ученых-географов, военных моряков, естествоиспытателей и статистиков российского отечества, причем большинство из них были не просто видными

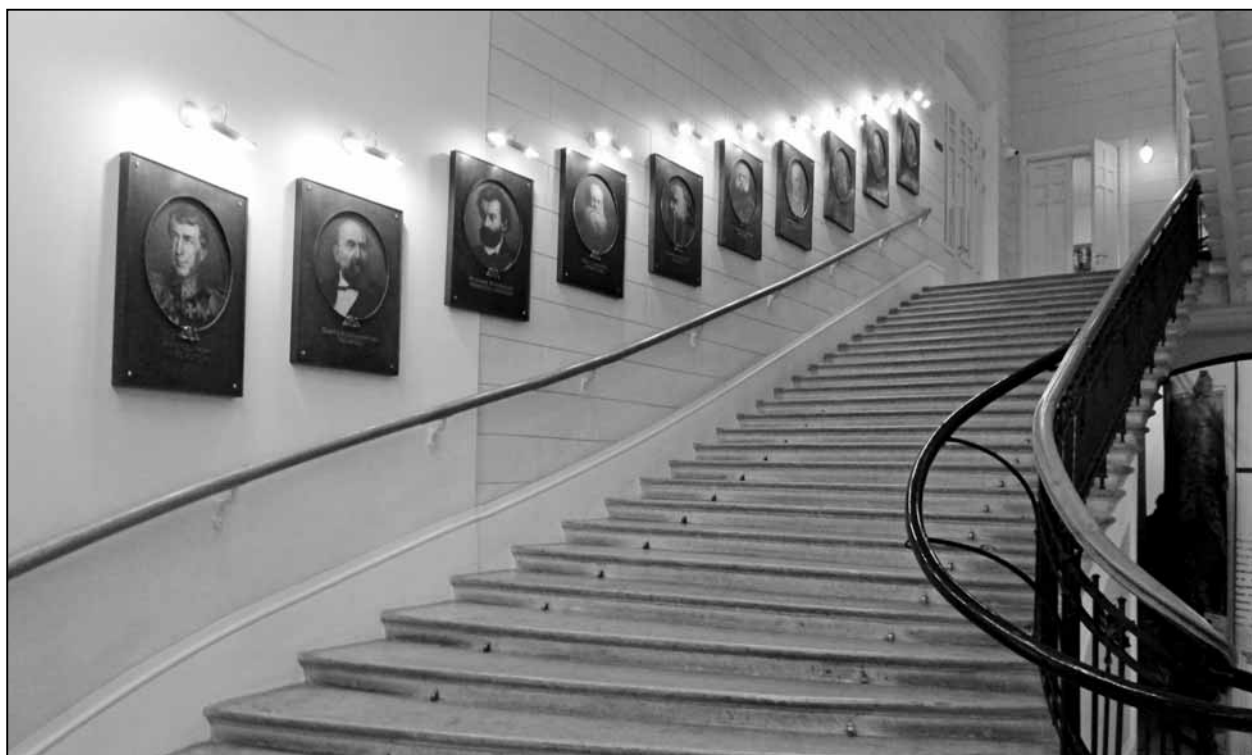
Гавриил Барановский, архитектор

кабинетными учеными, а исследователями-практиками, неутомимыми путешественниками и землеоткрывателями. Так, только среди членов-учредителей РГО (его первым руководителем стал великий князь Константин Николаевич) были: видный историк, географ и статистик, академик К.И. Арсеньев; Президент Русского

энтомологического общества академик К.М. Бэр, полярный исследователь, управляющий Морским министерством адмирал Ф.П. Врангель; востоковед, географ, военный топограф и геодезист, кадровый разведчик российской армии, прозаик и поэт-переводчик, генерал-майор М.П. Вронченко; основоположник русской школы геологической картографии, горный инженер, директор Горного института Г.П. Гельмерсен; этнограф, врач, писатель и лексикограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль; дипломат, писатель, кораблестроитель, государственный и общественный деятель П.И. Рикорд; астроном, основатель и первый директор Пулковской обсерватории В.Я. Струве и другие.

С самого начала своего существования Русское географическое общество развернуло невероятно об-

ширную и разнообразную экспедиционную деятельность. Именно РГО внесло поистине неоценимый вклад в дело изучения Европейской России, Урала, Сибири, Дальнего Востока, а также Средней и Центральной Азии, Кавказа, Ирана, Индии, Новой Гвинеи, полярных стран и других территорий. Эти исследования связаны с именами известных в России и в мире путешественников: П.А. Кропоткина, И.Д. Черского, Н.М. Пржевальского, Г.Е. и М.Е. Грумм-Гржимайло, П.П. Семенова-Тян-Шанского, В.А. Обручева, П.К. Козлова, Н.Н. Миклухо-Маклая, А.И. Воейкова, Ю.М. Шокальского, Ф.Ф. Берга. Очень тесно сотрудничали с РГО многие военные и гражданские чиновники Военно-топографического Депо Главного штаба российской императорской армии и Корпуса военных топографов. Другой важной традицией РГО была

связь с военно-морским флотом России — в общество входили многие видные мореплаватели: П.Ф. Анжу, В.С. Завойко, Л.А. Загоскин, П.Ю. Лисянский, Ф.Ф. Матюшкин, Г.И. Невельской, К.Н. Посьет, Е.В. Путятин и другие. Членами Русского географического общества были известные на весь мир художники — маринисты И.К. Айвазовский и военный баталист В.В. Верещагин.

Сфера деятельности и научные изыскания географического общества постоянно расширялись, росло число его членов (к началу 20 века — свыше 1000 человек), увеличивалось количество экспедиций, в орбиту интересов общества стали входить не только территории России, но и много других, интересных для географов, путешественников и исследователей отдаленных и труднодоступных уголков Земли. РГО почти каждый

*Члены-
учредители
Русского
географического
общества*

год снаряжало научные экспедиции, руководители которых и результаты их исследований зачастую становились известны всему научному миру. Отделения и филиалы появились в самых различных уголках необъятной Российской империи.

К началу XX-го столетия у РГО накопился уже довольно внушительный архив, поэтому ему банально стало не хватать места для более чем активной деятельности в тогдашнем помещении, расположенном в здании 6-й гимназии у Чернышева моста в Санкт-

Петербурге. Насущная необходимость в выделении собственного помещения для Русского географического общества стала в те годы более чем актуальной, и вот, в 1907–1909 годах архитектором Гавриилом Барановским в центре Санкт-Петербурга, в Демидовом (ныне — Гривцовом) переулке для штаб-квартиры РГО было выстроено новое, просторное здание. Инициатором строительства выступил тогда его многолетний вице-председатель Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский.

Склонный к мистике, увлекавшийся эзотерикой и тайными знаниями, в те же годы архитектор Барановский создал в граде на Неве дацан Гунзэчойнэй (культовый буддийский храм) и жилой дом при нем. Вне всякого сомнения, обстоятельные и разнообразные экспедиции Русского географического общества в дебри таинственного и загадочного Востока оказали влияние на талантливого зодчего при создании этого дома для РГО. В трехэтажном особняке, решенном в стиле модерн, архитектор предусмотрел Большой зал на 500 человек, библиотеку, книжный склад, два малых зала для рабочих заседаний, зал совета общества, кабинет секретаря и канцелярию.

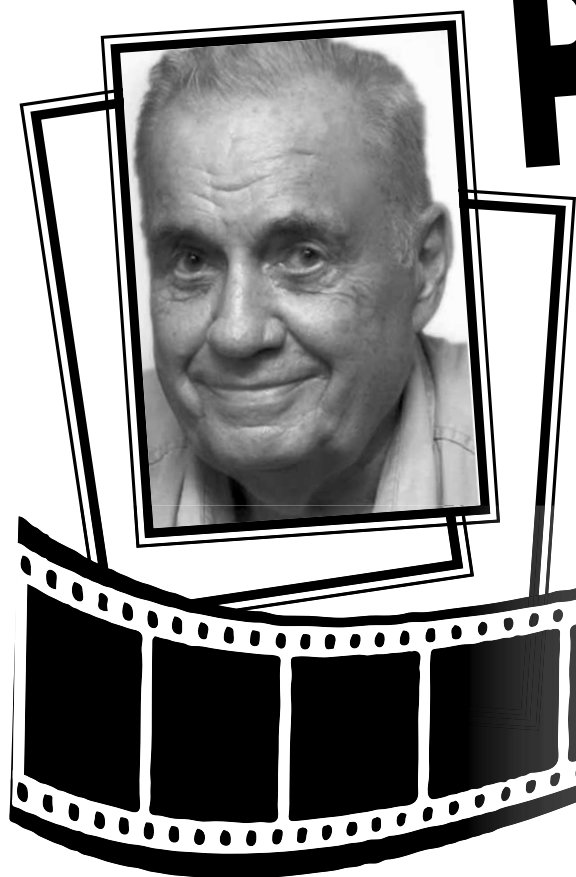
Тут надо отметить, что Гавриил Барановский был личностью более чем примечательной. Достойный ученик Павла Созюра, того самого, что построил знаменитый офис компании «Зингер» на Невском проспекте, известный вот уже более века как Дом книги, Барановский прославился как архитектор домов купцов Елисеевых, причем как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, которые по праву до сих пор остаются украшением обеих российских столиц.

Гордостью штаб-квартиры РГО стала обширная библиотека, насчитывавшая к моменту постройки здания около полумиллиона отечественных и зарубежных изданий по всем разделам науки о Земле и смежным дисциплинам, — это крупнейшее специализированное книжное собрание не только в России, но и в Европе. Для книг были специально спроектирова-

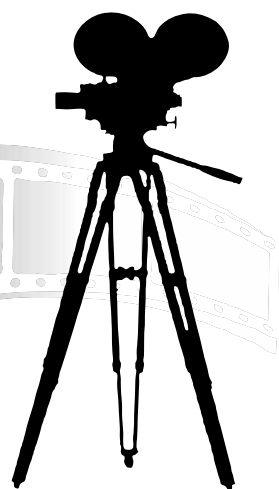
ны уникальные железные шкафы высотой в целых два этажа, причем они не стоят на полу, как могло бы показаться на первый взгляд, а вмонтированы прямо в фундамент и стены здания, образуя как бы его остов. Кроме того, в штаб-квартире имеется книжное хранилище в полуподвале с бетонными стенами — новейшее достижение инженерной мысли той эпохи. Пол в парадном вестибюле выложили двухцветной метлахской плиткой, а мраморная лестница получила кованую решетку, имитирующую лавровые ветви. «Сколько лет [дом] представлялся нам только землей обетованной. Уверен, что вы найдете эту обетованную землю вполне соответствующей тем славным традициям, которые были внесены не только в русскую географическую науку, но и в историю русского просвещения вашими коллективными трудами», — эти проникновенные слова произнес Петр Семенов-Тянь-Шанский на первом собрании в Большом зале Русского географического общества.

Остается добавить, что и в веке XXI актуальность, престиж и значимость деятельности РГО (в наши дни численность Общества составляет свыше 20 тысяч действительных членов) для России по-прежнему очень высоки и как никогда актуальны. Недаром в его руководстве состоят первые лица государства: председателем Попечительского совета общества является Владимир Владимирович Путин, а президентом РГО — Сергей Кожугетович Шойгу. □

Георгий Кричевский

Рыцарь КОМЕДИИ

Яркий, многогранный, сложный, неожиданный. Все эти эпитеты полностью применимы к кинорежиссеру Эльдару Александровичу Рязанову. А еще — всенародно любимый. Притом, что ведь очень трудно быть всенародно любимым, и таких совсем немного.

Кинорежиссер, драматург, поэт, публицист, телеведущий. И в каком бы амплуа ни выступал этот большой добродушно-«бегемотистый» человек, его искренность и непосредственность прокладывали ему дорогу к зрительским и читательским сердцам.

Рязанова нет с нами уже восемь лет, а, кажется, он не покидал свое режиссерское кресло, только отлучился куда-то ненадолго и сейчас, приветливо-сосредоточенный, выйдет на площадку, скамандует: «Мотор!» и вновь создаст чеканную формулу смеха, чтобы подарить миллионам людей очередной праздник своей комедией.

...Стареют и уходят из жизни рязановские актеры. Приходят амбициозные молодые режиссеры-комедиографы, но успеха Рязанова из них пока не достиг никто. А ведь Эльдару Александровичу достались в соперники по экрану такие корифеи, как Георгий Данелия и Леонид Гайдай. Место этой «великолепной тройки» в киноискусстве по-прежнему никем не занято. И мы по-прежнему с радостным волнением в сотый раз пересматриваем их нестареющие фильмы.

Он никогда не думал, что будет снимать комедии, да еще всенародно любимые. И вообще не думал о кино. У него в детстве и отрочестве были совершенно иные мечты и планы.

Эльдар Рязанов родился в Самаре, в ноябре 1927 года. Его отец, Александр Семенович Рязанов, человек героический — бывший комиссар дивизии, разведчик — служил в советском торгпредстве в Тегеране. Мать, Софья Михайловна (в девичестве Шустерман), вела домашнее хозяйство. Имя сыну родители дали восточное: в переводе с персидского оно означает «хозяин страны».

Отца будущего кинорежиссера перевели затем в Москву заведовать винным главком, и вскоре родители Эльдара расстались, ему тогда исполнилось три года. А в 1938-м Александра Рязанова арестовали и посадили.

Вторым мужем матери стал инженер Лев Копп, заменивший маленькому Эльдару отца. В автобиографии Эльдар Александрович писал: «...меня с семилетнего возраста воспитывал отчим. Это был совершенно потрясающий человек. У меня есть сводный брат, и никогда в жизни я не

чувствовал разницы отношений отчима к родному сыну и ко мне... Меня не пороли и не ставили в угол, но выговаривали так, чтобы я запоминал».

В начале войны семью эвакуировали в Куйбышев, где она ютилась в коммуналке у сестры матери. Отчим работал на оборонном заводе. В Куйбышеве Рязанов окончил семилетку, а летом 1942-го семья переехала в Нижний Тагил, куда направили на новую работу отчима.

«Мое тогдашнее бытие не представляло интереса — так я считал в то, военное, время. Длиннющие многочасовые очереди за иждивенческой нормой черного хлеба по карточкам; трудный быт эвакуации; прозябание в холодном бараке, где приходилось растапливать печку кусками резиновых шин, брошенных на свалке; охота на гигантских полуметровых крыс, шныряющих по бараку; умение готовить обед почти что из ничего; наука нянчить младшего брата — все это

*«Карнавальная
ночь»*

было буднями, прозой. А уж если писать, то о сильных характерах, экзотических далеких странах, о небывалых приключениях, больших страстях, думал я».

Он с детства читал взахлеб и мечтал стать писателем. Через год Льва Коппа вновь перевели в Москву, и там уже Эльдар экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости. С десятилеткой за плечами юноша посчитал, что, прежде чем начинать писать книги, надо приобрести жизненный опыт, и отправил документы в Одесское мореходное училище. Но оно находилось в эвакуации, и ответ ему не пришел.

Тогда за компанию с товарищем 16-летний Рязанов пошел на вступительные экзамены во ВГИК и совершенно неожиданно для себя был принят на ... режиссерский факультет. Да еще к самому Григорию Козинцеву, постановщику «С.В.Д.» и трилогии о Максиме, набравшему

тогда курс. Так распорядилась судьба. А она знает, что делает.

Когда человек попадает на свое место, в свою колею, все у него складывается как бы само собой. Студенческие годы промелькнули для Эльдара Рязанова счастливыми ступенями ученичества у большого мастера, постижением азов ремесла, а потом — секретов профессии. И все же снимать комедии (труднейший, штучный жанр!) будущий выдающийся комедиограф тогда даже не помышлял. Тем более что благосклонно был принят его документальный диплом о студентах под названием «Они учатся в Москве».

Соавтором выступила однокурсница и первая жена Рязанова Зоя Фомина. С ней он распределился на Центральную студию документальных фильмов (знаменитую ЦСДФ). Там молодые супруги успешно трудились, пополняли творческий ба-

«Гусарская баллада»

гаж, выросли. Вскоре у них родилась дочь.

Рязанов в те годы много колесил по стране. Снимал на Сахалине и Кубани трудовые будни, торжественные события и спортивные соревнования, сюжеты для новостных сборников. В книге «Неподведенные итоги» он писал: «Документальное кино тех лет не имело никакого отношения ни к жизни, ни к документу, ни к правде. Обожествлялся великий вождь, воспевалась зажиточная жизнь народа, всячески создавалось на экране ощущение постоянного всенародного праздника».

В 1955 году Эльдар Александрович перешел на «Мосфильм», чтобы снимать игровые фильмы. Наступала пора XX съезда партии, осудившего культ личности Сталина. Наступала легендарная хрущевская «оттепель». Тогдашнего директора «Мосфильма» крупного режиссера

И. Пырьева, который его поддержал и выделил, Рязанов назовет своим третьим учителем — после Козинцева и Эйзенштейна, читавшего во ВГИКе теорию кинорежиссуры.

С подачи Пырьева и в соавторстве с С. Гуровым начинающий комедиограф снял первый советский фильм-ревю (один из жанров музыкального кино) «Весенние голоса». Пырьев, мэтр экранной комедии («Свинарка и пастух», «Трактористы»), тут же стал настойчиво предлагать Рязанову взяться за уже утвержденный сценарий «Карнавальная ночь». Однако дебютант начал отказываться, упирая на то, что хотел заниматься «серьезным» кино. Пырьев же продолжал настаивать: мелодрамы, мол, снимают многие, а снять хорошую комедию способны единицы... И под напором всесильного директора главной киностудии страны Рязанов сдался.

«Берегись
автомобиля»

Работа над картиной шла трудно, порой «на ощупь». Еще бы! Такой смелой и раскованной новогодней феерии у нас в стране еще никто не снимал. Отпущенные деньги заканчивались, сроки поджимали, производство и группа буквально испытывали режиссера на прочность. На худсовете Рязанов показал черновую сборку примерно половины фильма. «Среди членов художественного совета, — пишет он, — не обнаружилось никого, кто в своей жизни поставил бы хотя бы одну комедию». Мнение собравшихся было единодушным: «материал серый, скучный и бездарный» (!)

После премьеры «Карнавальная ночь» на Рязанова и исполнительницу главной роли Людмилу Гурченко обрушилась всесоюзная слава. И Эльдар Александрович уже уверенно продолжил работать в комедийном жанре, который он нашел «хрупким и беззащитным». В 1957 году вышла на

экраны рязановская «Девушка без адреса». За ней последовали «Человек ниоткуда» (1961) и «Дайте жалобную книгу» (1965), где Рязанов сыграл небольшую роль главного редактора газеты. Впоследствии он нередко будет оставлять подобные «автографы» в своих классических лентах.

Названные выше фильмы были достаточно удачны и пользовались успехом у зрителей. Но по-настоящему судьбоносный взлет ждал режиссера впереди. Им стала культовая картина «Берегись автомобиля».

В 1963 году Эльдар Рязанов и драматург Эмиль Брагинский, ставший с тех пор его постоянным соавтором, написали сценарий «Угнали машину». Но снимать фильм Госкино не разрешило — вор Деточкин не мог выступать положительным героем. Авторы переработали сценарий в повесть, и журнал «Мо-

лодая гвардия» опубликовал ее под названием «Берегись автомобиля». Перенести сценарий на экран режиссеру удалось лишь три года спустя. Причем главную роль должен был играть Юрий Никулин, но тот уехал с цирком на гастроли, и Рязанов настоял на кандидатуре Смоктуновского.

Даже если бы режиссер снял одну лишь эту картину, он, несомненно, вошел бы в число классиков советской кинокомедии. К счастью, за фильмом «Берегись автомобиля» последовали другие рязановские шедевры, расширившие горизонты комедийного жанра отечественного киноискусства, показавшие возможности умной народной комедии. А то, что Рязанов создавал именно народные комедии, близкие и понятные всем и каждому, очевидно. Он утверждал, что для него «всегда на первом месте — реальность», и придерживался откровен-

ного демократизма в своем творчестве. Как бывший документалист Рязанов стремился к максимальной достоверности в каждом кадре. Он исповедовал принципы так называемого «актерского кинематографа», отдавая исполнителю на экране безусловный приоритет перед камерой, цветом, светом. Ему были чужды «красивость», зализанность, граничащая с легковесностью. При этом он считал, что комедия должна быть «без зауми, с легкой поступью».

Развлекая зрителя, режиссер не боялся затрагивать в своих комедиях острые социальные темы, из-за чего каждая новая рязановская лента рисковала оказаться под запретом. Так было не только с «Берегись автомобиля», «Зигзагом удачи», «Гаражом», «Небесами обетованными», но даже с таким чистым образцом героической комедии, как «Гусар-

ская баллада» (1962), в которой роль Кутузова досталась замечательно-му комику Игорю Ильинскому — Огурцову из «Карнавальная ночь». В этом чиновники усмотрели издевательство над отечественной историей.

Еще в 60-е годы вокруг Эльдара Рязанова стала складываться команда единомышленников. Помимо драматурга Э. Брагинского в нее вошли композитор А. Петров, операторы В. Алисов и В. Нахабцев, художник А. Борисов. Ну и, конечно, любимые рязановские актеры: Л. Гурченко, А. Фрейндлих, С. Немоляева, В. Талызина, О. Басилашвили, А. Миронов, А. Папанов, А. Мягков и другие.

С ними в конце 60-х мастер создал поистине бессмертный хит — двухсерийный телефильм «Ирония судьбы, или С легким паром!», без которого и поныне не обходится на голубом экране ни один предново-

гогодний и новогодний вечер. Сегодня трудно поверить в то, что этой чудесной картины, наполненной юмором, мягким лиризмом и задушевыми песнями композитора М. Таривердиева на стихи Цветаевой, Пастернака, Ахмадулиной, могло бы и не быть, поскольку все те же бдительные чиновники от кино углядели в сценарии пропаганду пьянства...

С «Иронией судьбы...» связано немало курьезов. Так, Мягкову не сразу досталась роль Жени Лукашина. Первоначально на нее рассматривали Андрея Миронова, но решили, что зрители не поверят в фиаско такого мужчины у женского пола. Сперва в образе Ипполита начинал сниматься Олег Басилашвили, однако кончина отца вынудила его покинуть проект и уступить роль Юрию Яковлеву. А вот в роли Нади режиссер-постановщик видел только Барбару Брыльску и не дрогнул даже перед ее польским акцентом, который многих руководи-

*«Небеса
обетованные»*

телей смущал. В результате, героиню озвучивала Валентина Талызина, сыгравшая также подругу Нади. Сам Эльдар Александрович, как обычно, довольствовался в картине эпизодическим персонажем в самолете, на которого постоянно наваливается спящий Лукашин.

И еще. Комичную сцену в бане снимали в холодном павильоне, и, чтобы согреться, актеры в одних простынях прикладывались к настоящей бутылке водки, которой втихаря заменили бутафорскую, так что к третьему дублю их опьянение было вполне заметно. Хотели переснять сцену на следующий день, но так достоверно не получилось, и оставили дубли, снятые в первый день.

После «Иронии судьбы...» удерживать столь высоко поднятую планку было непросто. Рязанову это удалось спустя почти десять лет в лирической комедии на производственную тему «Служебный роман». Надо

заметить, что от картины к картине режиссер опробывал все новые грани комедийного жанра, придавал ему философичное звучание, экспериментировал. Менялось время, менялся он сам: грустнел, глубже уходил в себя. Откровенный смех и буффонада (как, например, в «Необыкновенных приключениях итальянцев в России») сменялись острой социальной сатирой фильма «Гараж» (1979) и грустной иронией таких лент, как «О бедном гусаре замолвите слово» (1980), «Вокзал для двоих» (1982), «Забывтая мелодия для флейты» (1987).

Комедию «Гараж» сняли за рекордные 24 смены водной локации. Снимали сразу тремя камерами, поэтому все актеры постоянно находились в кадре, то есть в непрерывном напряжении. Это было очень нелегко, но результат оказался блестящим, хотя картину долго не хотели выпускать в прокат, и зрители могли

*«Забывшая
мелодия
для флейты»*

увидеть ее лишь после очередного съезда КПСС, на котором Л.И. Брежнев призвал смелее «критиковать недостатки в обществе».

Еще до начала перестройки Эльдар Александрович обращался для экранизации к литературным произведениям отнюдь не комедийной направленности. В 1982 году его впечатлила пьеса Л. Разумовской «Дорогая Елена Сергеевна». Трагическую историю о крушении идеалов шестидесятников, к которым принадлежит и учительница Елена Сергеевна, мэтру долго не удавалось перенести на экран, но в 1988 году он все же пробыл постановку и не прогадал.

А вот разрешения снимать булгаковского «Мастера и Маргариту», «Самоубийцу» Н. Эрдмана, «Чонкина» В. Войновича, «Дракона» Е. Шварца Эльдар Александрович так и не получил. Последние две экранизации осуществят затем другие

его коллеги по цеху. Удался зато яркий проект с «Бесприданницей» А. Островского. Фильм по этой пьесе «Жестокий романс» вошел в число любимых картин советских зрителей, открыв беспорное дарование начинающей актрисы Ларисы Гузеевой.

28 августа 1991 года, через неделю после антиправительственного путча, в зале Государственной Думы состоялся просмотр для депутатов парламента новой картины Э. Рязанова «Небеса обетованные», которой суждено было стать определенным символом постсоветской эпохи.

Тот день прославленный режиссер называл едва ли не лучшим в своей творческой биографии. Еще бы! «Зал наэлектризован. Фильм смотрели бурно, возбужденно, — вспоминал мастер. — Зрительские реакции выражались криками, смехом, аплодисментами». Год спустя

на международном кинофестивале в Мадриде «Небеса обетованные» получили Гран-при за... «лучший фантастический фильм». Эльдар Александрович с горечью говорил об этом казусе: «Картина... рассказывающая о наших бедах, о тяжелой жизни, о нищих, об обиженных системой людях, была воспринята на Западе как элегантная фантазия русского режиссера».

В «лихие» 90-е отечественное кино переживало тяжелые времена. Государство фактически бросило его на произвол судьбы. На экране — засилье коммерческой «развлекухи», откровенной низкопробной халтуры. Через кино «отмывали» деньги теневые дельцы, криминал всех мастей. Редкие достойные фильмы с трудом добирались до экрана.

В эти трудные для страны годы Эльдар Рязанов возобновил работу на теперь уже независимом ТВ (в 80-е он вел в «Останкино» «Кинопанораму»), вернул популярнейшую телепередачу, снимал увлекательные телеинтервью со «звездами», авторские программы. А еще издал свои пьесы, стихи, художественную прозу... Но без режиссерского творчества для него жизни не было. И он не покидал съемочной площадки, тем более что спонсоры охотно вкладывали средства в рязановские картины.

Эмоциональный, лирический настрой лучших фильмов «зрелого» Рязанова, начиная с «Иронии судь-

бы...», во многом шел от его счастливой любви во втором браке с мосфильмовским редактором Ниной Скуйбиной. Они познакомились в начале семидесятых, и у них быстро вспыхнул очень красивый роман. Близкие замечали, что эти двое просто светились счастьем! Будучи опытным редактором, Нина Григорьевна помогала мужу в работе над фильмами, ездила с ним в съемочные экспедиции. В 1994-м ее не стало...

Эльдар Александрович очень горевал, соблюдал траур и на новый брак решился не сразу. Со своей третьей женой, киножурналисткой Эммой Абайдуллиной, достаточно долго встречался, прежде чем решился соединить их жизни. На титрах очаровательной поздней комедии положений «Ключ от спальни» (2003), снятой Рязановым легко, весело, словно на одном дыхании, Эмма Валериановна фигурирует в качестве редактора картины. Такое взаимопонимание между мужем и женой, какое было у них, случается не часто. Каждый день совместной, в сущности, недолгой, но такой наполненной любовью, трудом и событиями жизни она открывала для себя нового Рязанова, о чем написала искренне и проникновенно.

«...Я открываю большого, талантливого, надежного, сердечного человека. Мужчину... Легко ли рядом с Рязановым? Отнюдь. Он слишком требователен к себе, а, значит, и к другим. Слишком обязателен и от-

*«Ирония
судьбы,
или
С легким
паром!»*

ветственен. Слишком работоспособен и неумен. Слишком честен, а потому многим приходится выслушивать от него нелюбезную правду. Словом, ему все время надо соответствовать, а это, поверьте, нелегко».

Известно, что на площадке с ним случались приступы бешенства. Как-то на съемках «Гаража», во время никак не дававшейся сложной сцены, когда по ходу действия героиня Немоляевой теряет рассудок, кто-то тихо бубнил что-то за декорацией... Рязанов не выдержал, ринулся туда, сшиб всем телом декорацию и разразился страшной руганью. На следующий день у него температура подскочила аж до 40 градусов...

Из ответов Рязанова на журналистскую анкету:

— *Основная черта вашего характера?*

— *Ненасытность во всех смыслах.*

— *Если бы могли изменить в себе что-либо, что бы вы выбрали?*

— *Я бы изменил свою полноватую фигуру на стройную.*

— *Что вы считаете главным достижением в жизни?*

— *Остаться, несмотря ни на что, самим собой.*

— *Как и где вы хотели бы умереть?*

— *Мгновенно. На Родине.*

...Его не стало на исходе ноября 2015-го, смерть наступила в результате сердечной недостаточности. Слишком много печалей и тревог вместило в себя большое сердце замечательного кинорежиссера, подлинного рыцаря комедии, очень любившего людей и животных, в защиту которых он неизменно выступал. Рязанов ушел, унося свой девиз, позаимствованный им у Марка Твена: «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей». □

Лариса Адамова

Волшебный кисель

Андрей вышел из освещенного здания в декабрьскую серость, поежился от налетевшего ветра, но даже не подумал поднять воротник куртки, только ссутулился, опустил глаза и засунул руки в карманы, нащупав монетку-талисман с дырочкой для шнурка. Верин талисман, который вот уже три месяца Андрей перекладывал из кармана пиджака в куртку.

По дороге к садику он все больше замедлял шаг, шаркая ногами, как столетний старик. Предстояла ежедневная пытка: любопытными, притворно жалеющими взглядами и нарочито скорбными словами воспитателей, нянечек, знакомых мам и бабушек. И огромные печальные глаза дочери, которая теперь не бросалась к нему, как бывало раньше, а лишь брала отца за руку и подводила к шкафчику с одеждой, где был нарисован радостный лисенок. Вера нарисовала его во время ремонта, сказав, что он здорово похож на их дочку, рыженькую хохотушку Анютку.

Хохотать Анютка перестала три месяца назад, когда внезапно, от остановки сердца, умерла Вера. Она тогда уже почти оправилась от болезни, вышла на работу, перестала принимать бесконечные таблетки, стала радоваться летнему солнышку. И ушла в одночасье, оставив их с Анюткой одних. Совсем одних...

Андрей жил на автопилоте: покупал продукты, из которых потом пожилая соседка готовила еду для них с Анюткой, стирал, убирал, водил дочку в садик, читал ей по вечерам, забивал выходные походами в цирк и зоопарк, лишь бы не оставаться дома, там, где все дышало Верой и их недолгим счастьем.

Анютка почти не плакала, не звала маму ночами, каждый вечер она усаживалась перед маминой фотографией и подробно рассказывала ей, как прошел день, кто из мальчишек подрался, почему она теперь не дружит с прежней подружкой, а дружит с новой, и какую куклу ей купил папа.

Андрей не выдерживал, трусливо прятался на кухне, открывал окно и жадно, со всхлипом, дышал, чтобы не рыдать. «Ведь мальчишки не плачут», — твердо запомнил он еще в далеком детстве, когда бабушка, строгая и невозмутимая завуч в школе, презрительно сощутив глаза, вбила эту истину ему, рыдавшему над погибшим под колесами грузовика любимым щенком, в голову, как гвоздь, по самую шляпку.

Он больше никогда не плакал. Ни тогда, когда, один за одним, ушли мать и отец, ни когда хоронили бабушку-завуча, ни когда стоял у гроба, обезумевший от потери Веры...

Пытка садиком сегодня продлилась недолго. Он все-таки опоздал, была пятница, укороченный рабочий день, и почти всех детей уже забрали. Анютка, полностью одетая, сжимая в руке потрепанного зайца, стояла под козырьком здания вместе с дежурной нянечкой, осуждающе встречающей припозднившегося папашу.

Пробормотав «извините, пробки» и пряча глаза, Андрей взял Анюткину теплую ручку в свою и зашагал к воротам.

По дороге домой Анютка что-то говорила, Андрей кивал и угукал, снова замедляя шаг, чтобы отсрочить момент, когда нужно будет переступить порог и войти в ставшую неприветливой, темной и какой-то тусклой, квартиру. «Почему она раньше мне казалась светлой? Может быть, деревья выросли и стали загораживать свет?» — мрачно размышлял Андрей.

— Пап, а давай в нашем дворе на качелях покатаемся? — дернула его за руку Анютка

— На качелях? Дочь, так ведь холодно, ты замерзнешь, — вяло сопротивлялся Андрей, а в душе радовался, воспринимая эту передышку как временное спасение от одиночества в квартире.

— А у меня брюки теплые и куртка длинная, — деловито сообщила Анютка и потащила отца напрямиком к любимым детворой их двора качелям.

Андрей механически раскачивал их, с трудом вслушиваясь в щебетание дочери и мрачней с каждой минутой — передышка заканчивалась, и, рано или поздно, они поднимутся на третий этаж, но не позвонят, как раньше, в дверь, а откроют ее и войдут в темноту прихожей.

— Пап, ты где? Ты меня совсем не слушаешь! — выдернул Андрея из горестных мыслей огорченный голосок дочки.

— Я здесь, Анют, я здесь.

— Останови, я накаталась, — обиженно попросила дочка.

— Не обижайся, Анютка, я просто задумался немного.

— Ты все время думаешь, а на меня не смотришь, — покатались из светлых глаз дочери слезы-горошинки.

— Что ты, что ты, малыш! — Андрей присел на корточки перед расстроенной дочкой. — Я здесь, с тобой. Ну, прости меня... — Он смахнул теплые слезинки с похудевших щечек и прижал к себе девочку. — А хочешь, я тебе пюре сделаю и какао сварю?

Андрей вглядывался в родное личико с надеждой: пюре и какао были, пожалуй, единственными съедобными детскими блюдами в его кулинарном арсенале кроме различных каш. Но не кашей же, и без того, приевшейся дочке, заглаживать вину?

— Хочу! И пюре хочу, и какао! — звонко ответила Анютка и потащила отца к подъезду.

Вечер прошел, на удивление, если не весело, как бывало раньше, то уж точно не мрачно. Андрей быстро управился с приготовлением пюре, сварил большую кружку какао, и они с Анюткой целый час провели за столом в кухне, где обычно любили сидеть всей семьей по вечерам в то счастливое время, когда их было трое... Анютка уминала пюре за обе щеки, хвалила какао и выглядела абсолютно довольной.

Уложив дочку, прочитав непременно сказку, на этот раз про Винни Пуха, Андрей вымыл посуду и вышел на балкон. «Сейчас бы закурить, может, полегче станет», — подумал он, но решительно прогнал малодушную мысль. Он бросил курить в тот день, когда Вера на крыльях прилетела из женской консультации с новостью о долгожданной беременности, пообещав жене отказаться от вредной привычки, и больше ни разу не закурил. Даже на похоронах.

Уставившись в темное небо, Андрей закрыл глаза: где-то там его Вера, его любовь, единственная женщина, с которой он хотел встретить старость. Вера часто приходит к нему во сне, а иногда он как наяву видит жену там, среди облаков, до боли в покрасневших глазах вглядываясь в темноту ночи.

«Анютка терпеть не может какао, — вдруг откуда-то из памяти всплыл разговор с Верой, — Я пыталась и так, и этак. Даже зажмурившись не пьет. Ни дома, ни в садике. Говорит, что на эту пенку ей смотреть грустно. Зато обожает кисель. Готова пить его три раза в день».

«Кисель! — Андрей вздрогнул, как будто ледяной пузырь попал ему под свитер, лопнул и разлился по спине. — Конечно, кисель! Как я забыл, отец, называется! — Он с досадой стукнул себя по голове. — Анютка ведь ненавидит какао, а я ей двойную порцию сварил. Тогда, получается, она пила его ради меня? И говорила, что ей вкусно, чтобы меня порадовать, выдержать из моего панциря? Господи, какой же я осел! Моя пятилетняя дочка взяла себя в маленькие ручки и, хоть и горюет по любимой маме, находит силы поддержать никчемного отца. Моя девочка, моя маленькая доченька, прости меня! И ты, Верочка, прости, я осел, но я исправлюсь», — шеп-

тал в ночи Андрей, съезжившись на стылом балконе, не замечая, как хлынули из глаз так долго сдерживаемые слезы, слезы боли, отчаяния, страха и потери. «Мальчишки не плачут», — услышал он в голове холодный и надменный голос бабушки, но не испугался, а громко выкрикнул в ночную тишину: «Плачут! Еще как плачут!»

...Андрей помешивал кисель в кастрюле, так тщательно вглядываясь в возможные комочки, как будто от этого зависела вся его жизнь.

— Пап, ты что делаешь? Как вкусно пахнет!

Заспанная, взлохмаченная, неловко переступающая в длинных пижамных штанах Анютка, сонно потирая глазки, стояла на пороге кухни.

— Это кисель, заяц, — смущенно пробормотал Андрей. Клюквенный. Будешь?

— Кисель? Настоящий? Правда?!

Анютка распахнула глазки в рыжих пушистых ресницах, недоверчиво поморгала и со счастливым визгом бросилась отцу на шею.

— Папочка! Ты мой самый лучший!

— Потому что сварил кисель? — сквозь вновь набежавшие слезы облегчения прошептал Андрей, изо всех сил прижимая к себе сокровище, которое он чуть было не потерял в своем горе.

— Потому что ты рядом... — Тонкий звонкий голосок что-то еще говорил, детские ладошки гладили по волосам, и Андрей оттаивал, возвращался, оживал...

«Мои любимые, — шептала где-то высоко в облаках Вера, — вы справились, вы нашли дверцу к любви. А я всегда буду рядом с вами...» — Постепенно голос становился все тише, а облик — все прозрачней....

*За окном негромкий скрип качелей.
Двое в темноте — отец и дочь.
Стылый вечер, вздох столетних елей.
Кроме них им некому помочь...*

*За окошком первый снег кружится.
Двое вместе. Так в беде теплей.
Улетела мать-жена, как птица.
Их осталось двое на земле...*

*За окном намек нет на чудо...
Двое в горе. Некому помочь.
«Дочка, потерпи, мы точно будем
Чуть счастливей», — шепчет папа в ночь. □*

Светлана Марлинская

Мода умерла... Да здравствует мода!

Российские модельеры и Дома Высокой моды известны значительно меньше, чем французские или итальянские. Но если бы не случилось Первой мировой войны, лидерство в мире моды, безусловно, перешло бы к России. К этому были все предпосылки: талантливые мастера, умело используемый национальный колорит, огромное количество потенциальных клиентов.

Увы, история не приемлет сослагательного наклонения.

Прекрасная эпоха оставила в истории следы небывалой роскоши, ослепительного блеска редчайших драгоценностей и полета творческой мысли. Мода, архитектура, живопись и скульптура того времени до сих пор заставляет трепетать сердца. Пишут, что в России сохранилось не более 5 платьев, сшитых Домом моды «Бризак». Так ли это на самом деле, к сожалению, теперь не узнать.

Известен этот Дом тем, что его услугами пользовалась семья последнего русского царя и императорского двора. Открыт он был супругами-французами в 1855 году в Санкт-Петербурге, впоследствии управление его делами перешло к их сыну Альберу, или, как его называли в России, Августу Лазаревичу и его супруге. Основатели Дома Высокой моды «Бризак», передав дело сыну, прожили остаток своих дней во Франции в поместье Шато де Вилар в Сен-Марселин.

Именно Альбер Бризак сделал Дом Высокой моды крупнейшим в Петербурге и поднял на еще более высокую планку дизайн одежды, сшитой для царских особ. По высочайшему повелению Дом «Бризак» мог обслуживать только двух клиентов, не принадлежащих ко двору — любимых публикой артисток Анну Павлову и Анастасию Вяльцеву.

С 1911 года Домом моды управлял сын Альбера — Рене. Влюбленный в автомобили, моторы, скорость, талантливый инженер так пишет об этом в своем дневнике:

«Я не без сожаления расстался с автомобилем и принял предложение моих родителей принять руководство нашим Домом моделей, владельцами которого они стали после смерти моего дедушки Бризака. Наш Дом моделей был довольно крупным, в нем работало около двухсот служащих и рабочих, и весь персонал питался в Доме. Большинство рабочих и служащих трудились в Доме в течение многих лет, с тех пор, когда я родился, и носили меня на руках».

В 1909 году Рене женился на Ядвиге Трейден, старшей дочери крупнейшего ювелира в Санкт-Петербурге Александра Адольфовича Трейдена, казначея Общества ювелиров, золотых, серебряных дел мастеров и торговцев, многие годы сотрудничавшего с Фаберже. В начале Первой мировой войны, в 1914 году, Рене покинул Россию и вернулся во Францию, передав управление Домом моды Ядвиге.

24 декабря 1916 года в Петербурге скончался Альбер Бризак. Тот, чье имя навсегда вошло в историю моды, кто отдал России свой талант и силы, был похоронен в общей могиле, куда новая власть сбросила тела из захоронений в католической церкви Петербурга.

Слова из дневника Рене Бризака: *«Уход моего отца... оставил большое пустое пространство в нашем доме. Он очень любил Францию и оставался большим патриотом, несмотря на долгое пребывание в России. Он был весьма озабочен перед кончи-*

*Императрица
Александра
Федоровна*

ной, чтобы не быть похороненным на иностранной земле. Не раз перед смертью он просил мою мать не хоронить его в России, а вернуть его тело во Францию... В тот момент мы с моей матерью уже покинули Петроград. Но мы смогли узнать из писем наших бывших служащих, что произошло после нашего отъезда... Тело моего бедного отца... было перевезено на загородное кладбище и похоронено в общей яме, на которой не было ни креста, ни надписи. Тем не менее, мы надеялись в то время, что наступит день, когда мы вернемся в Россию и найдем эту могилу по тому чертежу, который нам прислали. К сожалению, события, которые затем произошли, помешали нам осуществить эти планы. Таким образом, мой бедный отец нашел вечный покой в общей яме на чужой земле, вдали от своей дорогой страны, которую он так горячо любил».

Мы редко заглядываем в историю человеческих судеб, рассматривая прекрасные творения, поэтому так сложно искать материалы об этих людях. Пара скупых строк в блогах, абзац в книгах по истории моды — это все, на что можно рассчитывать. Но что же было дальше? Какова судьба столь известного Дома Высокой моды? Что стало с великими кутюрье?

После смерти Альбера Бризака уже мало что можно было сделать в модном деле в России — шла война, за которой последовала революция. Неудивительно, что новая власть

одним из первых декретов национализировала (или попросту ограбила) Дом моды «Бризак»: после расстрела царской семьи нужно было вытравить все, что так или иначе о ней напоминало.

Обратимся снова к воспоминаниям Рене:

«Новое правительство было у власти еще только неделю, когда к нам прибыли три делегата местных профсоюзов, чтобы информировать нас о том, что, согласно решению, принятому Петроградским советом, нам надо в будущем проконсультироваться и договориться с товарищем Ивановым по поводу руководства нашим Домом моделей.»

Иванов не был для нас неизвестным, напротив, мы знали его более восемнадцати лет, так как он был нашим лучшим закройщиком. Он работал в фирме с 1899 года, с того времени, как мы открыли это новое ателье. По про-

Дом моды «Бризак»

шествии еще нескольких дней новая делегация сообщила нам, что наши счета в банке заблокированы, и что в дальнейшем мы не можем распоряжаться нашим фондом без согласования с товарищем Ивановым. Все наши чеки, чтобы быть действительными, должны были предоставляться на подпись товарищу Иванову. С этого дня наш портной стал ответственным перед Петроградским советом, за все то, чем мы владели, как за наш банк, так и за наш Дом моделей. Разумеется, нам было категорически запрещено пересылать за границу и деньги, и товар.

Мы больше не были хозяевами своего дела, а товарищ Иванов, закройщик, стал нашим патроном. Чем больше проходило дней, тем больше возникало трудностей, и тем более сложной становилась жизнь для тех, кто имел в России деньги, и кто был в контакте с императорской семьей. Контроль нашего дела и наших денег ускользали от нас, мы полностью отдавали себе в этом отчет, моя мать и я, все шло к тому, что мы должны были потерять в России прибыль за тридцать рабочих лет, и в таких условиях предпочтительнее было закрыть наш дом и вернуться во Францию.

Закрывать фирму в нормальное время является очень простой вещью, особенно, если она не имеет долгов. Но закрыть фирму при Советском режиме — это совсем другое дело. Это даже становится совсем невозможным, если захочется попытаться спасти хоть часть своего состояния. Мы с моей матерью могли отдавать себе в этом отчет и приняли решение закрыть наше дело. Это произошло только после долгих дискуссий и торгов с Местными Советами, а, главным образом, благодаря доброжелательному содействию наших бывших служащих, преданного персонала, большинство которых видело меня еще с моего рождения.

Договоренность была достигнута, и, несмотря на вмешательство персонала, нам была назначена цена!!! Мы оставляли нашему персоналу недвижимость, которой мы обладали уже более сорока лет, все товары, находившиеся в Доме моделей, включая склад с прекраснейшими мехами — шиншиллы, соболи, горностаи, не говоря уже об остальных, очень ценный комплект настоящих кружев, большое количество тканей, среди которых были многочисленные отрезы великолепных лионских броше, которые сегодня стоили сотню франков за метр, и которые заказывались для придворных выездов и для пошива стильных платьев. Кроме того, мы

обязывались выплатить авансом каждому из наших рабочих и служащих, каковых было в то время около двухсот человек, полностью годовую зарплату».

В 1930 году не стало и мадам Бризак.

«Моя бедная матушка, прибыв в Россию в возрасте двадцати лет, сразу после своего замужества, разделила свою жизнь между заботой и работой. С осознанным чувством долга, она прожила, как святая. Будучи очень юной, она потеряла свою мать и несла на себе ответственность за своих восьмерых братьев и сестер. В двадцать шесть лет на нее легли заботы уже о своих четверых детях в чужой стране, языка которой она не знала. Разорившись после тридцати лет работы во время русской революции, она не щадила себя; она страдала в жизни и страдала при смерти. Упокоившись, она отдыхает теперь на кладбище Монпарнас

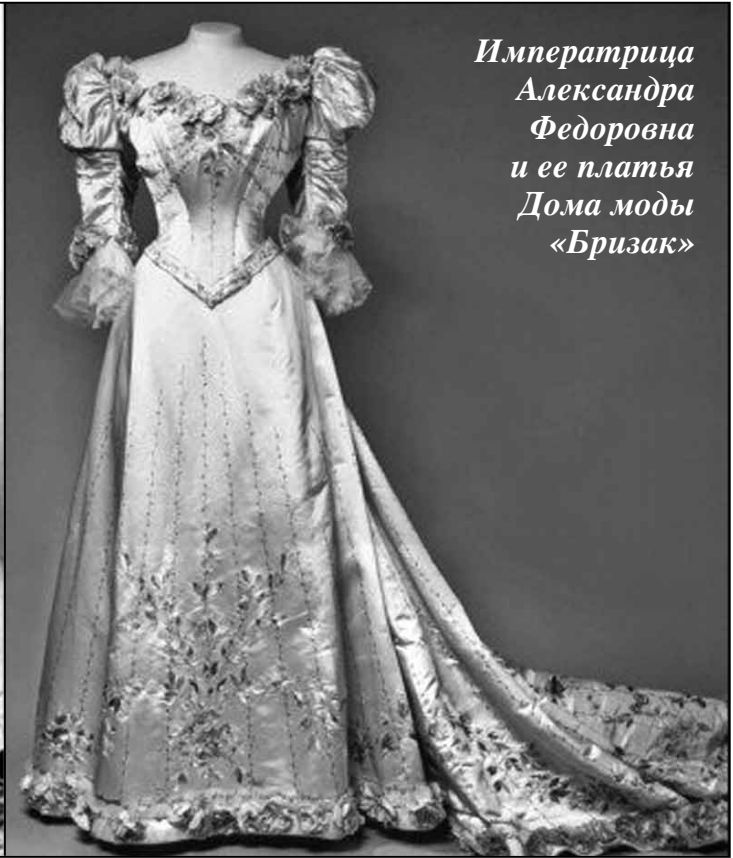
в той же могиле, что и мой дедушка Бризак». (Дневник Р. Бризака).

Так закончилась история первого в России Дома Высокой моды. Одним из последних, кто разговаривал с русской императрицей перед расстрелом царской семьи, был Рене Бризак. 17 июля 1918 года Александра Федоровна Романова была в лиловом платье дома «Бризак».

А мы можем любоваться тем немногим, что осталось от бывшего величия и роскоши.

История российской Высокой моды закончилась, едва начавшись. Да, был Дом моды в Москве и несколько других, поменьше, в крупных городах. Но они предлагали, в основном, модели повседневной одежды: спроса на вечерние платья попросту не было — а ведь известно, что именно они составляют основу любой коллекции.

Куда более популярными в СССР были импортные изделия обычной

*Императрица
Александра
Федоровна
и ее платье
Дома моды
«Бризак»*

моды — джинсы, платья мини и макси, трикотаж. Дипломаты, спортсмены и артисты, которых выпускали в другие страны, могли сами купить уникальные вещи. Иногда такая привилегия распространялась на командированных врачей, инженеров, переводчиков или журналистов.

Однако снабжали рынок советской роскоши, в основном, фарцовщики. Чаще всего ими были те же переводчики или таксисты со знанием иностранного языка — они общались с гостями с Запада и налаживали связи с «поставщиками». Однако это был незаконный бизнес, поэтому все товары распространялись подпольно.

Альтернативой зарубежным привалам стали магазины из социалистических стран. Польская «Ванда»,

немецкий «Лейпциг», сербский «Белград» — здесь продавались и одежда, и косметика, о которых мечтали все советские женщины. Однако доступ к таким магазинам с югославскими дубленками и кожаными сапогами из ГДР имели преимущественно выходцы из элитных кругов.

Основной принцип дамской моды в советское время — подчеркнутая женственность. При этом на сексуальность накладывалось строгое табу: глубокие декольте, высокие разрезы на юбках и слишком облегающие модели платьев обществом порицались. Зато приветствовались отрезные модели с подчеркнутой талией, красиво облегающие лифы, разнообразные оборки, рюши и воланы. Строгие однотонные костюмы из неярких «мужских» тканей носили

только номенклатурные дамы. Их подчиненные предпочитали платья, юбки с блузками или трикотажными кофточками, туфли на изящных каблучках. Все, что было слишком эпатажным, броским, мужественным или скучным, обществом отвергалось.

СССР распался, «железный занавес» исчез еще раньше. Но никто не ожидал, что одновременно исчезнет и понятие «модно одетый». А именно это и произошло на протяжении целого поколения. Дубленки отошли в историю вместе с меховыми шапками — на улицах преобладают темные куртки с капюшонами. Джинсы стали просто одним из видов брюк, причем не самым удобным.

Если бы Бризак мог увидеть современных россиян, он схватился бы за голову или застрелился. Порой не всегда удается с первого взгляда определить пол: на всех мешковатые штаны, толстовки, рубашки, которые — самое важное — не нужно гладить.

Но пройдет время, и мода вернет себе утраченные позиции. Так уже было не раз. Нужно только подождать... □

ГУСТАВ КЛИМТ и его верная подруга Эмилия Флёге

Густав Климт

В жизни Густава Климта было много женщин, и многие из них запечатлены на его полотнах: обольстительные, чувственные красавицы — возбуждающие, чарующие, притягательные, греховные... Кого-то из них он любил — и это нельзя не почувствовать, глядя на картины, кого-то просто писал на заказ, за деньги. Он так и не женился, несмотря на свою славу, обеспеченность, успех, которые делают мужчину еще более привлекательным в глазах самых разных дам. Он легко влюблялся и так же легко расставался, но была в его судьбе одна женщина, с которой он прожил рядом почти всю свою жизнь. Нет, она не стала его супругой, но зато стала близким другом, и именно ей он завещал все свои картины и именно ее имя он произнес в последнюю минуту перед смертью...

В 1891 году Эрнст Климт, младший брат Густава, женился. Его избранницей стала Хелена Флёге, дочь венского фабриканта Германа Флёге. На его фабриках производились курительные трубки. Дело приносило неплохой доход, и семейство Флёге ни в чем не нуждалось. У Хелены была младшая сестра Эмилия, милая, улыбчивая девушка 17 лет, и тридцатилетний Густав с удовольствием стал писать ее портрет. За время сеансов они тесно сблизились, и Густав даже согласился изучать вместе с Эмилией французский язык, дабы иметь возможность об-

щаться с ней почаще. (В 1893 году он написал еще один ее портрет — тут она уже повзрослевшая, но такая же милая и очаровательная.)

Не прошло и полутора лет со дня свадьбы Эрнста и Хелены и чуть меньше года с появления их дочери Хелены-Луизы, как в семью пришла страшная беда — Эрнст скончался от инфаркта!

Густав тяжело переживал потерю брата — они были очень близки, к тому же совсем недавно умер и их отец. Густав чувствовал себя ответственным за вдову и дочь Эрнста и на похоронах брата говорил

Хелене, что никогда не оставит их без своей заботы. С тех пор сестры Флэге стали его лучшими друзьями, которым он помогал и которые помогали ему переживать его неудачи и искренне радовались его успехам.

В конце 1890-х годов Густав и Эмилия все больше и больше времени проводили вместе — ходили в театры, летом жили на вилле Флэге. А когда Климт уезжал в свои путешествия — к примеру, в Италию, он писал ей длинные письма, в которых рассказывал о том, что видел, о том, что производило на него сильное впечатление, о том, как хороши дворцы и соборы в этой стране, как великолепны сияющие золотом византийские мозаики в Равенне.

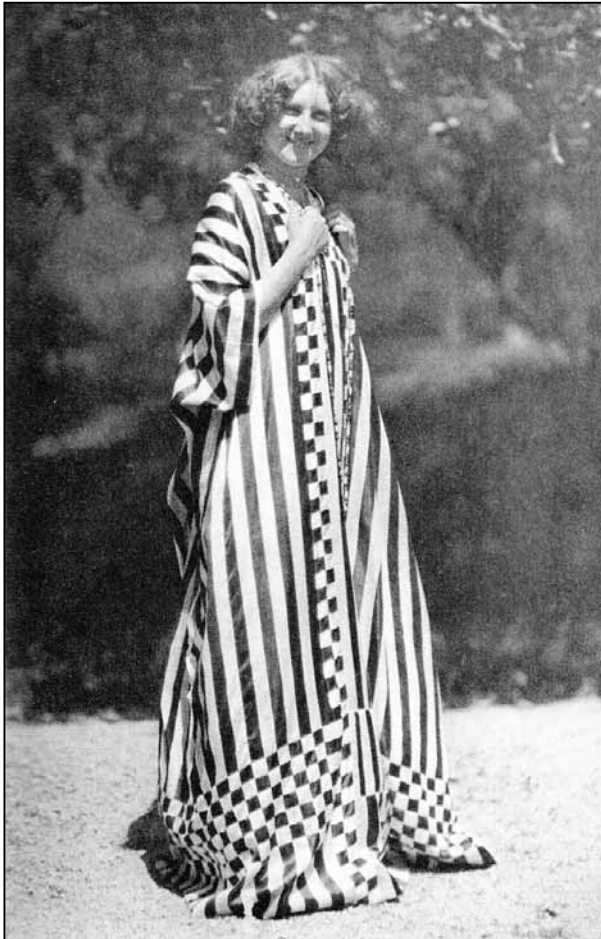
А Эмилия тем временем тоже не сидела без дела. Она жила в свободной Вене, чувствовала себя свободной женщиной и желала проявлять свои способности, которых у нее было в избытке. Энергичная, предприимчивая, с чувством стиля, понимавшая, что нужно современной женщине, 1 июля 1904 года она вместе с сестрами Хеленой и Полин открыла модный салон. Заведение так и называлось — «Сестры Флэге». Несколько лет перед этим Эмилия осваивала портновское искусство и хорошо понимала, что такое изысканность и изящество туалета. Деньги сестрам на первые нужды дал их младший брат, и дело пошло.

Портрет Эмили Флэге

Помещение для салона нашли на первом этаже модного кафе «Cassa-riccolo», располагавшегося на Мариенхильфештрассе. Кафе это было выбрано не случайно — его стены украшали росписи Климта и его приятелей по объединению «Сецессион», союзу художников нового направления, отвергавших все классическое и, как они утверждали, отжившее свое.

Эмилия выбирала ткани и придумывала фасоны, Хелена непосредственно контактировала с заказчицами, которых исправно поставлял сестрам Климт (благо,

вокруг него всегда было много дам, способных хорошо платить за свои туалеты и жаждавших выглядеть модно и элегантно), а Полин отвечала за пошив — организовывала производственный процесс. Сестры всегда «держали руку на пульсе» — Эмилия по несколько раз в году ездила в столицу моды, Париж — узнать о новых тенденциях, прикупить новые ткани. Когда она уезжала, Клинт слал ей открытки, в которых требовал, чтобы она писала ему письма с подробными описаниями всех своих впечатлений и приключений, и очень обижался, когда какое-то время ничего от нее не получал.

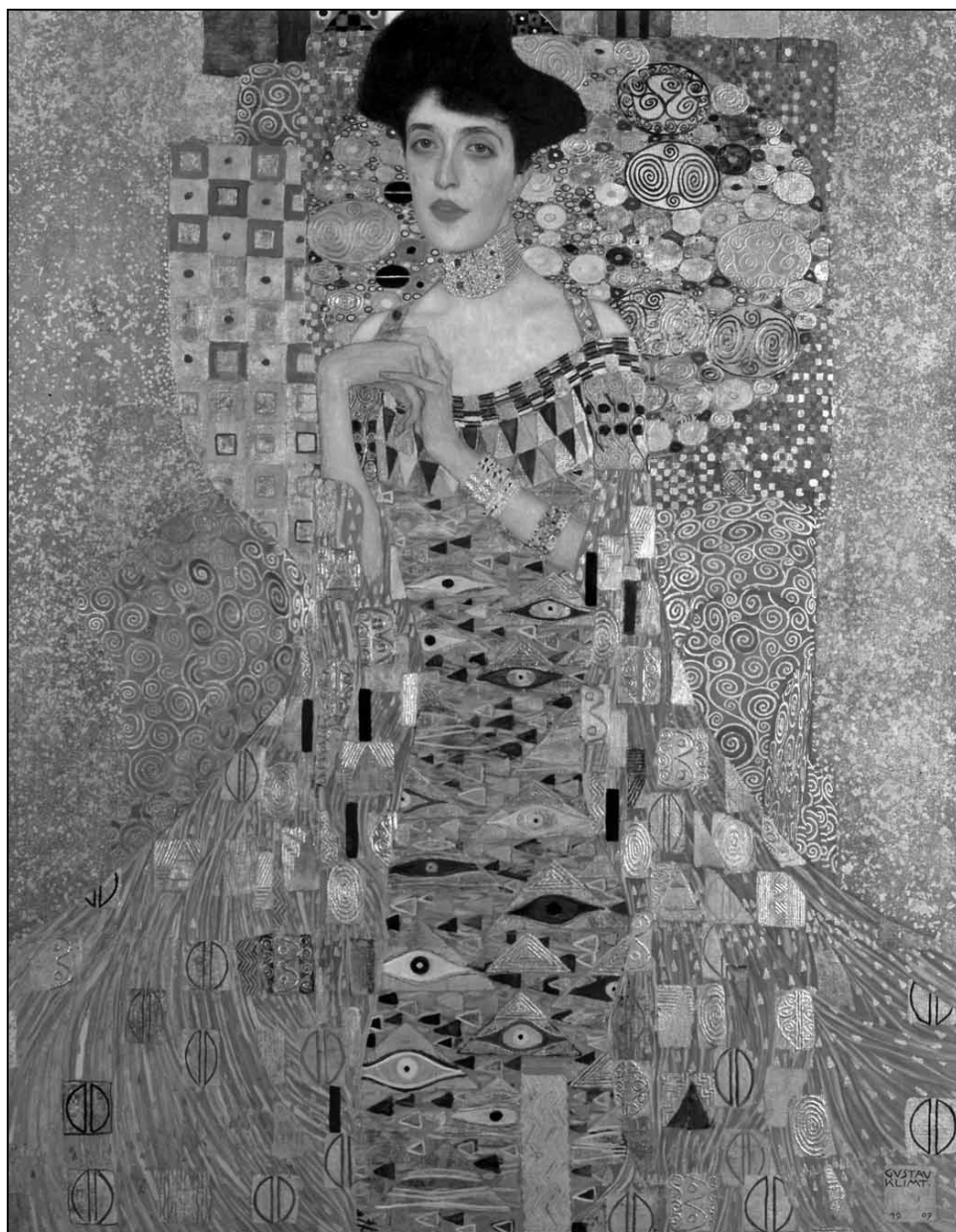

А когда он сам поехал в Париж, то писал Эмилии о своих впечатлениях: «Париж часто приукрашивают, он не столь элегантен, как о нем говорят». А еще с удовольствием замечал в своем стиле: «Хорошеньких женщин я видел совсем немного — в первую очередь на Монмартре (конечно, это оказались кокетки), но, по крайней мере, тут меньше старых развалин». А вот так он писал из Мадрида, где восторгался работами Эль Греко: «Вчерашний день — в Прадо. И несколько частных коллекций. Думаю, я многое узнал, но все равно, вернувшись домой, превращусь в обезьяну. Слишком я склонен к

Слева:

*Эмилия Флэге
в реформенном
платье
в «шашечку».*

*В платье
дизайна
Густава
Климта*

*Портрет
Адели
Блох-Бауэр*

унынию». Порой Климт отправлял Эмилии по 8 открыток в день! Уж очень ему хотелось поделиться с ней всем, что он видел, что переживал. (Таких открыток сохранилось более четырехсот!)

В 1902–1904 годах Климт снова написал портрет своей подруги — теперь это уже не такая неопытная девушка, что была на его прошлых портретах Эмилии. Перед нами уверенная в себе стройная дама

в роскошном сине-голубом платье, левая рука на талии, правая спокойно опущена вдоль тела. Увлекавшийся в то время восточным искусством художник оформил свою подпись в правом углу картины в виде китайской печати.

Говорили, что портрет Эмилии не понравился, но так ли это, доказательств нет. Зато он пользовался успехом у публики, его показали на нескольких выставках, а в 1908 году

картину купил венский Художественно-исторический музей за 12 тысяч крон.

Пока Klimt творил в своей мастерской и путешествовал, его подруга увлеченно трудилась в своем салоне, завоевывая души и кошельки венских модниц. Модные идеи

Эмилиии отражали ее представления о свободной, творческой личности, о том, как должна быть одета мыслящая, без предрассудков, независимая женщина. Она смело отбрасывала тесные, не дающие дышать корсеты и надевала на дам струящиеся платья свободного покроя, подчеркивавшие формы и линии их фигуры. Эти платья назывались «реформаторскими». В начале XX века в Австрии появились группы художников и интеллектуалов (их называли «реформаторами»), проповедовавшие свободную жизнь, лишённую всяческого давления со стороны общества, и свободные отношения между мужчиной и женщиной — без верности и ревности. А еще они говорили, что человек должен жить на природе, на свежем воздухе, под открытым небом, чувствовать солнечное тепло, есть простую пищу, лечиться натуральными средствами и носить правильную, не сковывающую тело одежду. Klimt и Эмилия свято следовали этим «реформаторским» принципам — так они строили свои отношения, ну и носили соответствующие одеяния: Klimt любил длинные свободные рубашки, а Эмилия — свободные платья, не мешавшие движениям. Они с удовольствием фотографировались в этих туалетах на фоне природного ландшафта на озере Аттерзе, указывая таким образом на естественность и свободу своего бытия.

Климт всегда старался быть рядом со своей подругой Эмилией, а потому помогал ей в работе и тоже участвовал в творческом процессе создания новых моделей — ему нравилось одевать своих натурщиц в платья Эмилии, а иногда он подсказывал ей какие-то идеи.

И Эмилия, и Густав собирали коллекции восточного и европейского искусства. Климт увлекался японской гравюрой, а Эмилия собирала ткани, кружева и вышивки, изделия народного творчества стран Центральной Европы. Жемчужины коллекции она выставляла в витрине своего салона. Эти произведения прикладного народного творчества дарили ей новые, как сказали бы сегодня, фишки и новые направления, новые цветовые сочетания. Все это тогда было очень свежо и воспринималось как новаторство, ведь в начале XX века народные промыслы еще не казались чем-то имеющим художественную ценность. (Сегодня коллек-

ция Эмилии — около 370 образцов вышивки и текстиля — хранится в Венском музее прикладного искусства.)

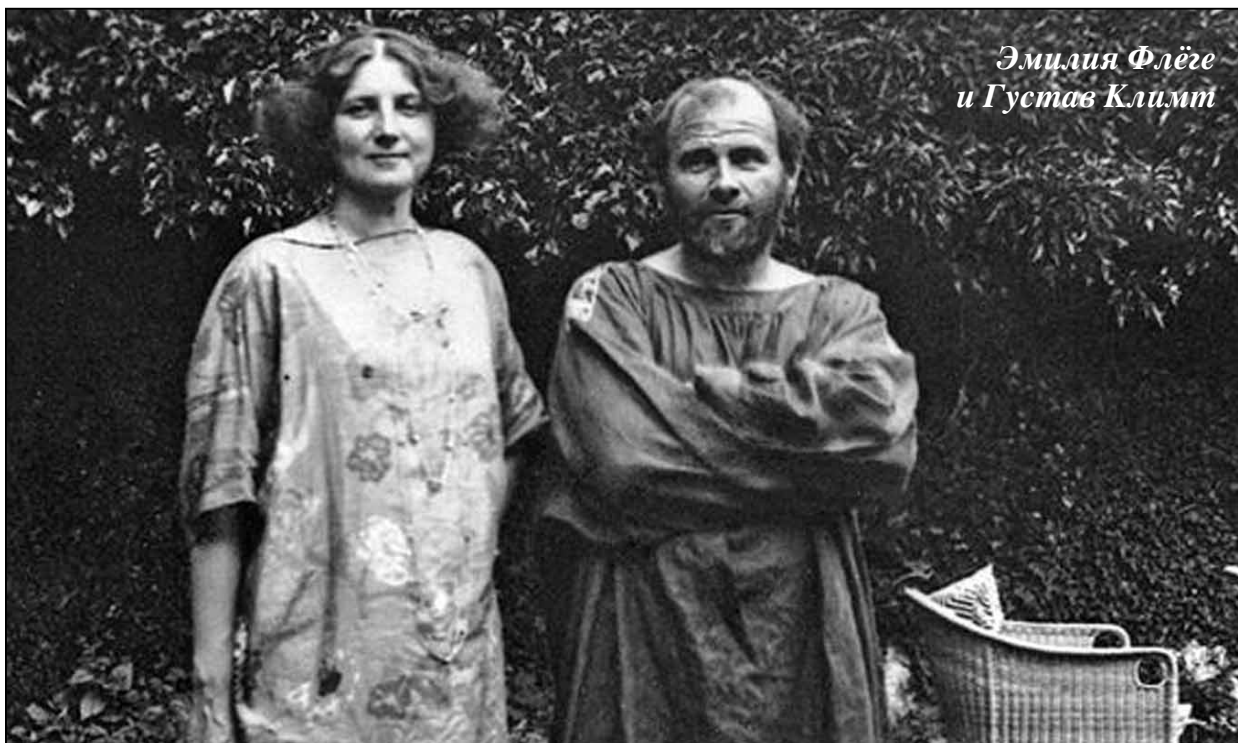
У художника и его подруги была еще одна общая страсть — к ювелирным украшениям. Климт любил изображать своих красавиц с украшениями, а Эмилия любила их носить. И Густав, зная эту слабость Эмилии, частенько дарил ей изде-

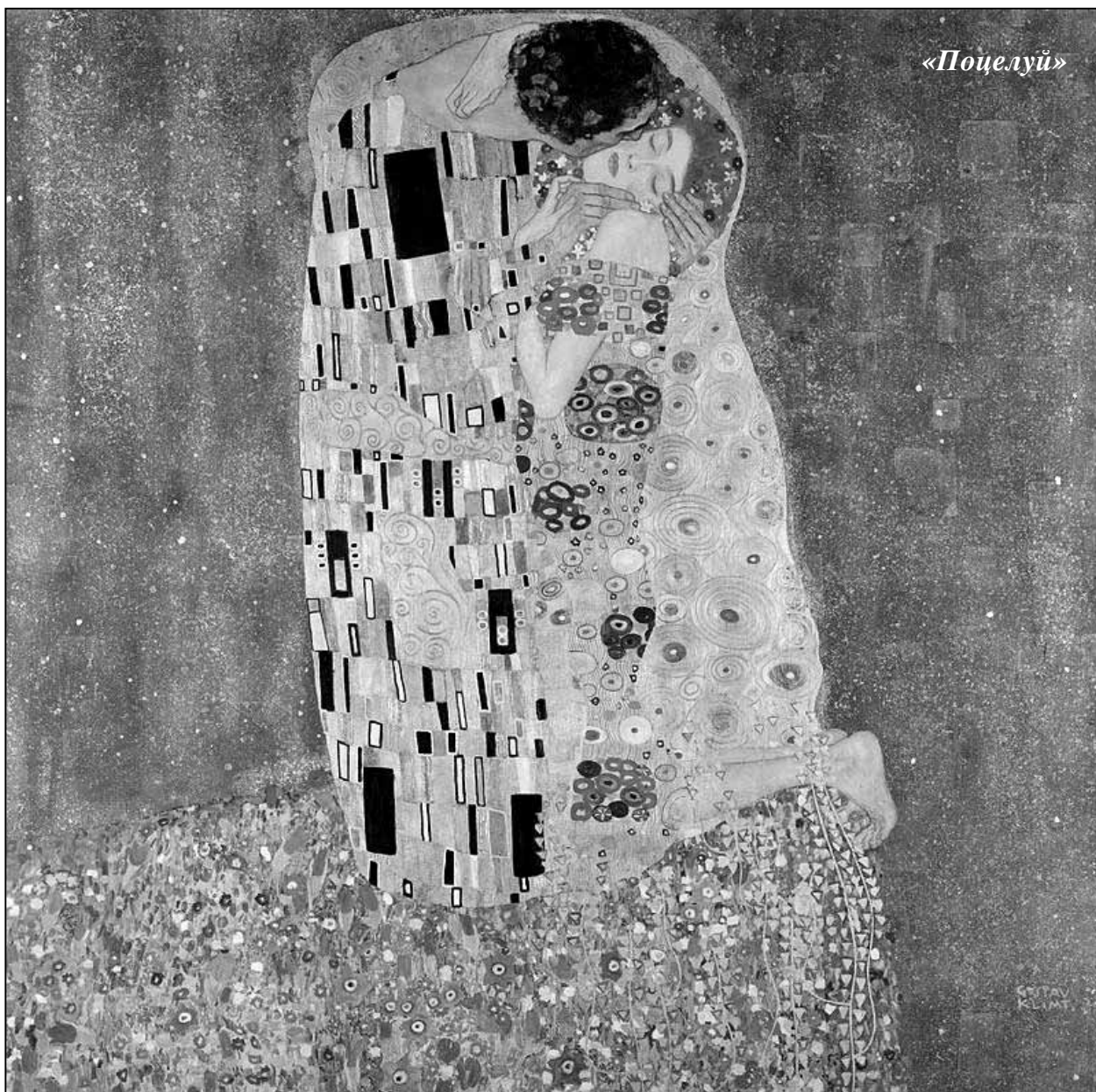
лия популярной в Вене фирмы «Wiener Werkst Ktte» («Венские мастерские»), где делались изящные украшения из полудрагоценных камней в стиле модерн.

К сожалению, не все венцы в то время были способны воспринимать революционные идеи кутюрье Эмилии Флэге. Справедливо полагая, что свобода в стиле несет за собой и свободу мысли, а вот это уже было совсем нежелательно. Вот почему сестрам Флэге частенько приходилось, чтобы не прогореть, делать то, что было угодно их клиенткам.

Еще начиная с 1898 года Густав любил проводить летние месяцы на берегах озера Аттерзе в Верхней Австрии — поначалу на семейной вилле Флэге недалеко от деревни Вайсенбах, позже — на вилле «Оле-

андр», которую Эмилия и Климт снимали вместе. Душевное тепло и забота Эмилии, чудесные пейзажи делали свое дело, и страсти в душе пылкого художника, которые мучили его, мешали работать, понемногу затихали. Он надевал синюю хлопковую рубашку-балахон с вышивкой на плечах, а Эмилия — одно из своих любимых шелковых струящихся «реформаторских» платьев, и они отправлялись в долгие пешие прогулки по окрестностям, совершали восхождения на гору Гах или садились в лодку и плавали по тихим водам озера. И им никто больше не был нужен — так хорошо и спокойно было им друг с другом. А потом он, вдохновленный всей этой красотой и покоем, разлитым вокруг, брал в руки кисти и краски и писал восхитительные пейзажи —

только природа, и ни одного человека...

В 1908 году на Венской художественной выставке Климт представил на суд публики картину «Поцелуй» — золотой гимн любви, нежности, страсти. Мы не видим лица мужчины, он стоит к нам спиной, а вот лицо женщины обращено к нам, и многие увидели в нем черты Эмилии Флёге. Однако, скорее всего, образ возлюбленной стал не-

ким обобщенным образом Женщины, полностью отдающей себя Мужчине, сильному, пылкому, способному защитить ее от всех бед и невзгод, уберечь в своих объятиях от горя и несчастий. Но даже если Эмилия и не позировала для этой картины (сегодня одной из самых известных и самых тиражируемых), она была рядом с художником, когда он создавал этот шедевр на все времена.

Климт умер 6 февраля 1918 году, перенеся инсульт, а потом — испанку, унесшую жизни миллионов человек по всей Европе. Последние его слова были: «Эмилия должна прийти».

Похоронили художника на венском Хитцингском кладбище.

После его смерти было оглашено его завещание. Оказалось, все свои картины Климт завещал ей, Эмилии Флёге. По-видимому, он действительно считал ее своим самым близким человеком. А спустя несколько дней Эмилия, как рассказывала ее племянница Хелена Доннер, сожгла все свои письма к нему (зачем она это сделала, что было такого в этих посланиях, о чем не должны были знать потомки?), зато сберегла «комнату Климта» в «Casariccio», превратив ее в музей: там хранились мольберт, одежда, рисунки и мебель художника.

Какие все-таки отношения связывали этих двух ярких людей? Одна из знакомых Эмилии, Хедвига Лангер, утверждала, что это была чистая и верная дружба. «Эмилия и Густав никогда не были любовниками, у них не было сексуальных отношений. Никогда!», — писала она. Другая современница Климта, Альма Малер, жена знаменитого композитора, была уверена, что они любили друг друга. Так или иначе, несомненно одно: этих двух людей связывали глубокие чувства близости, и душевной,

и интеллектуальной. Они прекрасно понимали друг друга...

В середине марта 1938 года Австрия вошла в состав Германии. Аншлюс резко изменил жизнь в австрийской столице. Все словно замерли, ожидая беды, которая не заставила себя ждать. Последовали аресты, и среди арестованных было много клиентов сестер Флёге. Модный салон пришлось закрыть.

Эмилия жила замкнуто, одиноко. Главным ее делом, ее служением стало сохранение наследия ее великого друга. Густав Климт остался для нее единственным мужчиной в жизни — она так и не вышла замуж.

Скончалась Эмилия Флёге 26 мая 1952 года. Ей было 77 лет.

Сегодня Густав Климт — признанный классик, его картины украшают лучшие галереи мира и стоят баснословные деньги на аукционах. Но не забыты и достижения его верной подруги: ее художественные идеи не так давно снова стали актуальными и их с увлечением подхватили кутюрье нового времени — итальянец Валентино и другие творцы моды. Эмилия Флёге живет в культуре (о ней пишут романы, она неперемнная героиня фильмов о Климте) не только как муза и модель выдающегося австрийского художника, но и как самостоятельная творческая личность, много сделавшая для развития моды. □

«Комета дивной красоты»

Об этой удивительной женщине можно написать многое, она не только не исчезла из памяти своих земляков, но, напротив, продолжает в ней жить, вдохновляет на создание новых и новых очерков, статей...

В Российском государственном архиве литературы и искусства есть фонд под названием «Кадмина Евлалия Павловна (1853-1881) — артистка, певица», в который входит 31 единица хранения за 1873-1980-й годы! Согласитесь, это много! Есть здесь ее фотографии в сценических образах, статьи и воспоминания о ней, даже справка из Государственного архива Калужской области о рождении певицы, а, кроме того, программа спектакля Русской драматической труппы Харькова «Преступление и наказание» с ее участием; некрологи, биографическая статья замечательного исследователя Бориса Савельевича Яголима «Кадмина Евлалия Павловна» для энциклопедии.

Мы еще будем говорить о том, что жизненный путь этой невероятной по

силе темперамента и таланта женщины оставил свой след в истории музыкального искусства и литературной жизни России. А вот ее родиной была тихая, патриархальная Калуга, славившаяся своими купцами, миллионерами и благотворителями!

19 сентября 1853 года у «калужского купеческого сына» Павла Максимова и его законной супруги Анны Николаевны (урожденной Маликовой) родилась третья дочь. Ее крестили в их приходской церкви Святых жен-мироносиц, которая и ныне служит украшением улицы Кирова, что в середине XIX века носила название «Большая Садовая». Напротив храма и в наши дни можно увидеть дом, куда принесли после совершения таинства крещения маленькую

прихожанку Влашу Кадмину. Должно быть, тогда стояла теплая калужская осень, и листья с деревьев летели вслед девочке, осыпая ее своим золотом, как знамение будущей земной, недолговечной славы... Давно это было... Вот уже 170 лет миновало!

Калуга второй половины теперь уже позапрошлого столетия не оставалась в стороне от развития музыкальной жизни. Вот, например, газета «Калужские губернские ведомости» за 1860-й год в своем выпуске от 10 апреля сообщала, что в зале Дворянского собрания был представлен литературно-музыкальный вечер «в пользу бедных города», однако его музыкальный отдел был «необширен»! И все-таки подобный публичный вечер стал «совершенно новым явлением в умственной жизни Калуги», да и посетителей разных сословий на нем было «довольно». А почему бы не отправиться туда и семейству Кадминых, не послушать арию из оперы «Лукреция Борджиа» Гаэтано Доницетти? Да и дома, скорее всего, пели, ведь для того, чтобы развить талант, им необходимо обладать.

Но бриллианту нужна огранка, и он получил ее. Сначала в стенах Московского училища Ордена Святой Екатерины (Московский Екатерининский институт, куда с 1840-х годов начали принимать не только представительниц «недостаточного дворянства», но и дочерей купцов первой гильдии, правда, предпочтение отдавалось жительницам Московской губернии), где в шестидесятих годах училась

Влаша. В институте было два класса (младший и старший), в которых преподавали Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, а также пение и танцы. Воспитанницы должны были оставаться в стенах своего учебного заведения до окончания его курса или того срока, на который их определили родители, но не имели ни каникул, ни возможности выехать домой на праздники. Только в начале 1860-х годов стали давать отпуск на летнее время. Главная задача института состояла в том, чтобы хорошо обучить девочек, которые после выпуска могли стать гувернантками. Для нас же важно, что музыкальное образование воспитанниц Екатерининского института было настолько хорошо поставлено, что его развитие можно проследить в «трех главных периодах», второй из которых заключался в введении всеобщего обучения музыке и, в первую очередь, игре на фортепиано. Он продлился с 1846 до конца 1880-х годов. На это время пришлось и обучение Евлалии. Три раза в год для учениц устраивались проверочные экзамены. А один раз в год — большой музыкальный вечер... Кто знает, может быть, именно на таком вечере услышал пение Кадминой сам основатель Московской консерватории Николай Григорьевич Рубинштейн и пригласил ее продолжить образование в стенах своего учебного заведения. Ведь Евлалия так и не окончила Екатерининский институт, ее нет в списках его

выпускниц. Однако сохранилась запись в главе «Сведения об окончивших курс воспитанницах училища Ордена Св. Екатерины» исторического очерка «Московское училище Ордена Св. Екатерины, 1803-1903 г.» о том, что Евлалия Павловна Кадмина (по мужу — Форпони) воспитывалась в училище в шестидесятые годы XIX века, потом получила извест-

вперед, следует отметить, что жители Харькова, где Евлалия Павловна Кадмина умерла и была похоронена, собрали по подписке в память о ней капитал в 4000 рублей для учреждения в Московской консерватории именной стипендии! И эта стипендия имени Кадминой была учреждена в 1887 году. Это ли не признание ее таланта и прекрасных душевных качеств?

Ж

изненный путь этой невероятной по силе темперамента и таланта женщины оставил глубокий след в истории музыкального искусства и литературной жизни России. Анатолий Васильевич Луначарский дал очень верную характеристику ее творческому пути: «Появилась и промелькнула комета дивной красоты, удивительная Кадмина». О ней писали, что она умела одним взглядом, одним словом зажечь тысячную толпу, что ее молодость, редкий драматический талант и загадочная, мистическая красота создавали «ореол поэзии». Поэт Сергей Андреевский посвятил ей стихотворение «Певица», в котором есть такие строки: «Таился в ней тот голос дивный, который за сердце берет своею гибкостью отзывной и дрожью задушевных нот...

ность как певица (контральто) и драматическая артистка, а уже после ее смерти в сборнике «Помощь братьям», изданном в 1884 году, был напечатан отрывок из неоконченной повести «Диана Эмбриако», автором которой была... Евлалия Кадмина. Недюжинный талант!

Итак, в 1870-м году юная певица поступила в Московскую консерваторию (по классу пения Александры Дормидонтовны Александровой) и окончила ее в 1873-м году с дипломом и серебряной медалью. Забегая

О ней в историческом очерке «Первое двадцатипятилетие Московской консерватории» 1891 года издания Николай Дмитриевич Кашкин написал: «Кадмина была в замечательной степени одарена сценическим талантом и принадлежала к числу лучших русских оперных артисток». А в книге «Очерки истории русской музыки» отметил, что после окончания консерватории Евлалия поступила на сцену Большого театра и пела с большим успехом, продолжила свой творческий путь в Санкт-Петербурге, потом —

в провинции, и, «рано потеряв голос», стала драматической актрисой, пользуясь большим успехом и в этой сфере сценического искусства.

Будучи студенткой консерватории, Евлалия участвовала в представлении оперы Кристофа Глюка «Орфей» в сольной партии главного героя. К числу преподавателей консерватории принадлежал и сам Петр Ильич Чайковский, который еще в 1873 году отмечал, что на сцене Большого театра, «за исключением Кадминой», не видел «хороших исполнителей!» В том же году шла подготовка премьерного показа оперы «Снегурочка» по сказке Александра Николаевича Островского, музыку к которой Чайковский написал за три недели. В роли пастуха Леля — «красавица Кадмина». В 1874 году, при подготовке оперы «Опричник» на сцене Большого театра, Петр

Ильич негодовал на то, что «певцы кроме Кадминой отвратительны!» И именно ей он посвятил романс «Страшная минута» («Ты внимаешь»), который написал, что особенно дорого, на свои собственные стихи. Там есть такие строки: «<...> я приговор твой жду, я жду решенья — иль нож ты мне в сердце вонзишь, иль рай мне откроешь <...>» А далее автор вопрошает: «Отчего же робкое признание в сердце так тебе запало глубоко? Ты вздыхаешь, ты дрожишь и плачешь, — иль слова любви в устах твоих немеют, или ты меня жалеешь, не любишь?» Он говорит о любви! Он ждет «решения», от которого зависит сама его жизнь — райская или погибающая! Не скрывалась ли в этих стихах любовь великого композитора к певице, любовь, выразившаяся в столь экспрессивных, исполненных отчаяния стихах? Как знать? Может быть, она оставалась безответной и причиняла боль их автору?

В сентябре 1874 года композитор писал, что «г-жа Кадмина из талантливой молодой дебютантки с большими надеждами уже сделалась настоящей артисткой и нельзя не пожелать, чтоб эта артистка продолжала совершенствоваться и неуклонно стремиться к своему идеалу, до которого хотя и далеко, но можно достигнуть».

В 1875 году певица уехала в Санкт-Петербург, выступала на сцене Мариинского театра, затем отправилась в Италию, где пела в Неаполе, Турине, Флоренции, Милане. Успех! Везде — успех! Но в одном из своих писем

друзьям она признавалась, что более полугодом не имела вестей из России и не знала, что творится в «родной» консерватории, кто жив и кто умер, даже не знала, где находятся ее мама и сестры. Она очень страдала и, конечно, не могла не желать возвращения на Родину. В 1878 году Евлалия переехала в Киев, затем, в 1880-м году, — в Харьков...

Развязка нашей истории уже близка... Последний раз Евлалия вышла на сцену в ноябре 1881 года в роли Василисы Мелентьевой одноименной пьесы Александра Николаевича Островского... И это был бы очередной триумф, но... Уже после первого акта спектакля случилась трагедия, исход которой закончился смертью нашей героини...

10 ноября (22 ноября по новому стилю) 1881 года Евлалия Павловна Кадмина ушла из жизни... Пусть ее мучительная смерть останется за пределами этого повествования... Слишком тяжела утрата. Скажем только, что это была гибель из-за несчастной любви практически на сцене театра.

В статье Владимира Васильевича Уманова-Каплуновского «Из воспоминаний о Е.П. Кадминой», опубликованной в журнале «Исторический вестник» за 1905 год (102-й номер), можно прочитать о том, как Харьков прощался с Евлалией Павловной, имя которой «пользуется легендарной славой» даже после ее смерти, служа предметом поклонения, «когда-то почти граничившего с культом». Она умела «одним взглядом, одним словом зажи-

гать тысячную толпу». Ее боготворили... Голос певицы «грудного регистра, не столько обработанный, сколько поражающий особенными задушевными нотами»; ее «редкий драматический талант»; «молодость» и «загадочная, мистическая» красота создавали вокруг «ореол поэзии». Известие о ее смерти было «равносильно громовому удару». Из гостиницы «Европейской», где Евлалия Павловна жила в Харькове, ее тело перевезли в «роскошно убранный цветами» кафедральный собор, а погребение состоялось 13 ноября на большом городском кладбище. Соборный священник, отец Симеон Илларионов, прочитал перед выносом тела надгробную проповедь. Ее не считали самоубийцей! В последний путь Евлалию Павловну провожала многотысячная толпа, ее серебряный гроб с тяжелыми кистями тонул «в рядах голов». А спустя некоторое время у памятника на могиле Евлалии Павловны Кадминой появился большой образ святой Евлалии, в лике которой находили сходство с чертами лица самой артистки. Позже образ был снят, но еще долго «чья-то неизвестная рука» продолжала украшать могилу живыми цветами...

Поэт Сергей Аркадьевич Андреевский посвятил Кадминой стихотворение «Певица», в котором есть такие строки: «Таился в ней тот голос дивный, который за сердце берет своею гибкостью отзывной и дрожью задушевных нот», но «в нашем небе мутно-сером зажглась на миг ее звезда». Публике пришлось навсегда про-

ститься с этим уникальным дарованием...

Анатолий Васильевич Луначарский дал очень верную характеристику ее творческому пути: «Появилась и промелькнула комета дивной красоты, удивительная Кадмина».

Трагедия ее ухода потрясла многих русских литераторов. Так, например, последнее произведение Ивана Сергеевича Тургенева, повесть «Клара Милич» (настоящее имя героини повести — Екатерина Семеновна Миллодова), возникло как отклик души

нее было «очень выразительное лицо». А в письме от 17 октября 1882 года сообщал Полонской, что его повесть «После смерти» (вышла она под заглавием «Клара Милич») должны были напечатать в январской книжке журнала «Вестник Европы»! Тургенев признавался, что «мысль этой повести явилась» после того, как Жозефина Антоновна рассказала ему о Кадминой. В письме же от 19 января 1883 года к доктору Льву Бернардовичу Бертенсону Тургенев признавался, что с прототипом своей героини

Б

риллианту нужна была огранка, и Евлалия поступила в Московскую консерваторию, к числу преподавателей которой принадлежал сам Петр Ильич Чайковский. Он писал, что «г-жа Кадмина из талантливой молодой дебютантки с большими надеждами уже сделалась настоящей артисткой, и нельзя не пожелать, чтоб она продолжала совершенствоваться и неуклонно стремиться к своему идеалу...»

замечательного классика русской литературы на весть о неожиданной и такой трагичной кончине Евлалии Павловны. Еще в письме от 20 декабря 1881 года, адресованном скульптору Жозефине Антоновне Полонской, Тургенев упоминал «презамечательный психологический факт» — «посмертную влюбленность», из которого можно «сделать полуфантастический рассказ в роде Эдгара По». Писатель видел Евлалию Павловну на сцене, когда та была еще оперной певицей, и заметил, что у

лично знаком не был, а «история» Евлалии Кадминой послужила «только толчком к написанию» повести «Клара Милич», чью биографию он выдумал. Обратимся же к произведению писателя, в котором сохранились черты нашей удивительной оперной дивы: «<...> Это была девушка лет девятнадцати, высокая, несколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейского, не то цыганского типа, глаза небольшие, черные, под густыми, почти сросшимися бровями, нос прямой,

слегка вздернутый, тонкие губы с красивым, но резким выгибом, громадная черная коса, тяжелая даже на вид, низкий, неподвижный, точно каменный лоб, крошечные уши <...>» Ее «лицо задумчивое, почти суровое», а «натура страстная, своевольная», однако, «едва ли добрая, едва ли очень умная», но «даровитая — сказывалась во всем». Писатель назвал свою Клару и Рашелью, и Виардо, «потому что она и поет превосходно, и декламирует, и играет».

Иван Сергеевич работал над последней повестью в октябре 1882 года, в Буживале. Менее чем через год его не стало. В главе «Умиравший Тургенев» из «Книги отражений» Иннокентий Федорович Анненский описал фотографический портрет Евлалии Павловны Кадминой, говоря, что перед ним — портрет Клары Милич, «разве что чуть постарше Тургеневской». Снят он был в Киеве, и на нем предстала перед зрителем девушка «сильного сложения с покатыми плечами», стянутыми в атлас, «кажется», белого цвета, «по-видимому», оперного костюма. Волосы ее закрыты, но «постав головы на тонкой и царственной шее заставляет думать, что это именно они несколько оттягивают назад голову». Ее лоб, такой же «неподвижный» и «каменный», как у героини Тургенева, а брови — «черные и почти сросшиеся прямой линией идут над небольшими», как и у Клары Милич, глазами, чернее которых автор не видел нигде. Он назвал их «глазами-зрачками», «трагически-

ми и самоосужденными», а их обладательницу — наделенной «упрямой волей» и «страстным желанием». И все ее лицо соответствовало описанию образа Клары Милич.

Были и другие произведения, на создание которых их авторов вдохновила трагедия нашей знаменитой калужанки. Это и рассказ Николая Семеновича Лескова «Театральный характер» (1884 год); и первая опубликованная работа Александра Ивановича Куприна — рассказ «Последний дебют» (1889 год) об актрисе Лидии

Николаевне Гольской, которую называли «классической богиней», ибо ее «тонкие правильные черты лица, классический профиль и будто мраморная, прозрачно-матовая бледность лица <...> позволяли дать ей это название»; и пьеса Алексея Сергеевича Суворина «Татьяна Репина» (1886 год), в которой играла знаменитая актриса Мария Николаевна Ермолова, в 1873 году выходявшая на сцену Большого театра вместе с Евлалией Павловной в постановке спектакля «Снегурочка»; а в качестве «эпилога» к пьесе Антон Павлович Чехов подарил Суворину свою «Татьяну Репину», которая не предназначалась для печати, но была преподнесена автором в рукописном варианте, Суворин же издал ее в двух экземплярах. В письме от 18 ноября 1888 года Чехов просил Суворина сообщить ему, когда состоится первое представление «Татьяны Репиной» (речь идет о пьесе Алексея Сергеевича), и рассказывал, что «от скуки» на него «нашла блажь», что ему «надоела золотая середина»: «я всюду слоняюсь и жалуясь, что нет оригинальных, бешеных женщин», но все «в один голос» твердят ему о Кадминой, которую он «мало-помалу изучает» и, «прислушиваясь к разговорам, находит», что та и «в самом деле была недюжинной натурой». Конечно, Антон Павлович обладал редким чувством юмора и его драма в одном действии «Татьяна Репина» содержит немало ироничных замечаний: «с легкой руки Репиной это уж четвертая отравляется», «сколько психопаток

этих развелось, ужас!», «Репина свою смертью отравила воздух», поэтому «все барыни заразились и помешались на том, что они оскорблены». В финале же отравившаяся «из ненависти» женщина призывает всех к тому же, однако, погибая, просит спасти себя, а после: «Занавес, а все остальное предоставляю фантазии А.С. Суворина»! Ах, если бы знал великий писатель, какая душа была у этой женщины, как она, будучи столь даровитым, тонко чувствующим созданием, а ведь без этого не может быть настоящего художника, артиста, остро переживала боль и обиду. Если бы знал... Он написал бы тогда совсем иное произведение. Интересно, что пьеса Суворина «Татьяна Репина» шла на сцене Калужского театра в октябре 1892 года и об этом писала газета «Калужские губернские ведомости» в статье «Ивана-Энского», посвященной бенефису артистки М.А. Красовской-Мокур.

Калужане и сегодня помнят Евлалию Павловну Кадмину. В ноябре 2019 года на стене здания Центра развития творчества детей и юношества «Созвездие» города Калуги появился интерактивный музыкальный арт-объект «Комета дивной красоты», посвященный знаменитой певице и драматической актрисе, чей творческий путь осветил русскую музыкальную и театральную культуру, зажег сердца самых известных представителей русской литературы. Пусть калужская «комета» только «промелькнула», но ее светлый след остался навсегда! □

Русский художник, любимец Парижа...

У талантливых людей часто бывает множество имен. Рождаются они с одним, выбранным им родителями, с возрастом как-то адаптируют это семейное имя под среду, в которой растут, а будучи взрослыми, выбирают уже что-то свое, отображающее внутреннее состояние.

У человека, которого мы знаем как Леона Бакста, при рождении было другое имя. Он родился в 1866 году в еврейской семье в городе Гродно как Лейб-Хаим Розенберг. Когда родители перебрались в Петербург, из Лейба он стал Львом, выбрав имя, более привычное русскому уху. И, уже став знаменитым художником, стал называть себя на французский манер — Леоном.

В Петербурге мальчик стал часто бывать у деда. Тот поселился в огромной квартире в центре города, и квартира эта была обставлена со всем парижским шиком. У деда можно было много читать, ставить кукольные спектакли, рисовать...

Талант ребенка заметили, когда ему было 12 лет. Произошло это

так: в гимназии, где учился мальчик, готовились к празднованию столетия со дня рождения Василия Жуковского и организовали конкурс на лучший портрет поэта. Розенберг взял за основу гравюру с изображением Жуковского и через несколько дней принес свою работу судьям. Портрет признали лучшим и повесили в гимнастическом зале.

Поначалу увлечение живописью не казалось родителям Льва (будем называть его теперь так) занятием достойным и потенциально прибыльным, но дед предложил показать работы внука скульптору Марку Антокольскому. Тот сказал, что у ребенка, несомненно, есть талант. Тогда было решено обучать Льва искусству живописи.

По окончании школы Лев решил поступать в Академию художеств, но на экзамене провалился. В течение всего следующего года он учился писать с натуры, и со второго раза его допустили к занятиям. Однако окончить Академию юноша не смог, и виной тому стал скандал: он был отчислен после представления на экзамене картины «Оплакивание Христа» с формулировкой: «за слишком реалистическое изображение», а ведь ученик лишь изобразил Мадонну старой жен-

щиной с растрепанными волосами. Позже он учился у Александра Бенуа, попутно зарабатывая иллюстрированием детских книг.

В 1889 году состоялась первая выставка его работ. Тогда Лейб-Хаим Розенберг и превратился в Леона Бакста. Фамилию он взял себе у материнской родни, сократив ее — от Бакстер до Бакст.

Через несколько лет после первой выставки, в 1893 году, Леон Бакст уехал в Париж, чтобы продолжить свое обучение. Жил он на средства от проданных картин, правда, считал, что цену за них дают недостаточную. В письме к другу он писал: «Продавец картин нахально забирает за гроши мои лучшие этюды».

Время от времени он приезжал в Петербург. Во время одного из приездов Бакст познакомился с «Невскими пиквикианцами». Это был кружок самообразования, организованный Александром Бенуа. В кружок входили Константин Сомов, Дмитрий Философов, Сергей Дягилев и некоторые другие художники, искусствоведы и литераторы, образовавшие со временем знаменитое художе-

ственное объединение «Мир искусства». Вскоре они стали выпускать свой журнал, и Бакст был приглашен возглавить художественный отдел. Заработок его в этот момент был весьма оригинальным — великий князь Владимир Александрович пригласил художника давать уроки рисования своим детям.

Художник считался одним из лучших портретистов своего времени. Его перу принадлежат портреты Зинаиды Гиппиус, Жана Кокто, Сергея Дягилева, Айседоры Дункан, Андрея Белого. Последний вспоминал о своей работе с Бакстом: «Рыжий, румяный умница Бакст отказался писать меня просто, ему нужно было, чтобы я был оживлен до экстаза! Для этого он привозил

из редакции журнала «Мир искусства» своего приятеля, съевшего десять собак по части умения оживать и рассказывать умные истории и анекдоты, тогда хищный тигр Бакст, вспыхивая глазами, подкрадывался ко мне, схватившись за кисть».

Но все же мы знаем художника больше как сценографа, оформителя спектаклей и члена труппы Сергея Дягилева. К основателю «Русских сезонов» Бакст, однако, попал не сразу. Первым опытом работы на сцене стал для него заказ братьев-балетмейстеров Легатов — Сергея и Николая — на оформление балета «Фея кукол». Александр Бенуа позже писал об этом: «С первых шагов Бакст занял прямо-таки доминирующее положение и с тех пор так

и остался единственным и непревзойденным». Действительно, сцена словно была создана для его работ: ярких, объемных, в чем-то карнавальных и бесконечно живых.

Сам он так говорил о своей работе с цветом: «В каждом цвете существуют оттенки, выражающие иногда искренность и целомудрие, иногда чувственность и даже зверство, иногда гордость, иногда отчаяние. Это может быть... передано публике... Именно это я пытался сделать в «Шахерезаде». На печальный зеленый я кладу синий, полный отчаяния... Есть красные тона торжественные и красные, которые убивают... Художник, умеющий извлекать

пользу из этих свойств, подобен дирижеру...»

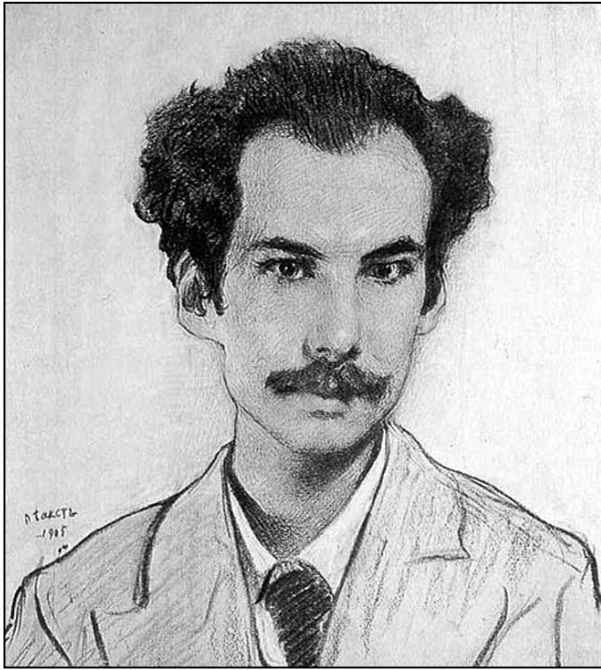
В 1903 году Леон Бакст женился. Его избранницей стала вдова художника Гриценко Любовь Павловна. Она же — дочь одного из первых и главных русских коллекционеров искусства Павла Третьякова. Они познакомились, когда элегантная, с парижским шиком одетая дама пришла в редакцию журнала «Мир искусств». В Петербург из Парижа она приехала, чтобы организовать посмертную выставку своего супруга, и при первой же встрече очень понравилась художнику, между ними завязалась переписка.

В архиве Третьяковской галереи хранится 527 писем Леона Бакста жене, из них около 200 — периода сватовства и первого года супружества, в которых Бакст сравнивал ее с Манон и Брунгильдой, уподоблял иконе и сфинксу.

Любовь Павловна поначалу не очень верила в пылкость возлюбленного, к тому же она была женщиной не просто чрезвычайно практичной и богатой, и друзья предупреждали Бакста, что на почве денег могут возникнуть осложнения — ведь она богата, а он — нет. Но Бакст лишь отмахивался — деньги ему неинтересны, единственное его желание — стать великим художником. И жениться на любимой, разумеется.

В этот период художник начал довольно много зарабатывать: за «Эдипа в Колоне», оформленного для Мариинского театра, он получил 2,5 тысячи рублей. Это были очень большие деньги.

Портрет Андрея Белого
работы Леона Бакста

Но и Бакст был транжирой: любил красиво одеваться, обедал в дорогих ресторанах. Он занял такую же сумму у невесты, и есть письмо, где Любовь Павловна спрашивает, сможет ли он выплачивать долг регулярными суммами ежемесячно. Бакст отвечает, что ежемесячно не сможет, но за год обязательно выплатит. Не выплачивал, разумеется.

В ноябре 1903 года Леон Бакст и Любовь Гриценко поженились. А вот финансовые трудности никуда не исчезли. Любовь Павловна жаловалась Бенуа, что супруг злоупотребляет ее помощью: «Как я его убеждала, что он должен больше работать, чтобы не быть от меня зависимым». Финансовая независимость пришла к Баксту в 1909 году, после триумфа дягилевской балетной труппы в Париже.

Этот брак продержался несколько лет, у супругов родился сын Андрей.

Но развод все равно был не за горами. Бакст особо не переживал из-за разлада в семье, вместе с другом — художником Валентином Серовым — отправился в Грецию, где написал немало этюдов средиземноморских пейзажей и зарисовок, которые легли в основу многих будущих спектаклей. В 1914 году его избрали членом Академии художеств, но он еще раньше уже сделал свой выбор — в 1910 году переехал жить в Париж, где стал плотно сотрудничать с Сергеем Дягилевым и его «Русскими сезонами». Париж был покорен работами Бакста, волшебными, сказочными, многослойными и яркими. Среди балетов, оформленных для дягилевской труппы, — «Клеопатра», «Шехеразада», «Карнавал», «Нарцисс».

По выражению театрального критика Андрея Левинсона, «Париж подлинно пьян Бакстом». И «пьяность» эта выплеснулась за пределы театральной сцены. Столицу Франции охватила мода на все восточное и русское: тюрбаны и парики, шали и платья, напоминавшие костюмы актеров. После «Русских сезонов» во французских магазинах стали продаваться ткани «Одалиска» и «Шахерезада». Для кутюрье Поля Пуаре художник создал оригинальные орнаменты и узоры. Ткани его были популярны не только в Европе, но и в Америке.

Помимо одежды Бакст работал над дизайном интерьеров и аксессуаров, мебели и посуды, украшений и даже автомобилей. Максимилиан Волошин писал о нем: «Бакст сумел ухватить тот неуловимый нерв Па-

рижа, который правит модой, и его влияние в настоящую минуту сказывается везде в Париже — как в дамских платьях, так и на картинных выставках». Вышла и книга о творчестве Бакста, а правительство Франции наградило его орденом Почетного легиона. Он, можно сказать, был везде: публиковал статьи о современном искусстве, фотографировал, написал автобиографический роман и выступал с лекциями о современном искусстве в России, Америке и Европе.

В 1916 году Бакст задумался об открытии собственного Дома моды, где бы он мог соединить разные направления дизайна. Однако планам не суждено было сбыться: художник серьезно заболел. В 1923 году к нему приехали из России жена и сын. На недолгое время семья воссоединилась.

В 1918 году Бакст покинул труппу Дягилева. Причин было несколько: тут и Первая мировая война, и географический «разлом»

(труппа была в Париже, а Бакст находился в Швейцарии), но главное — разногласия с Дягилевым, непримиримые противоречия между двумя великими людьми. Дягилев был диктатором. Еще задолго до «Русских сезонов», работая над портретом Дягилева, Бакст жаловался, что тот абсолютно не умеет позировать, следит буквально за каждым мазком, и требует, чтобы на портрете он выглядел красивее, чем в жизни. Для художника Бакста работать «под диктовку» было невозможно.

Последним спектаклем, который Бакст оформил для Сергея Дягилева, стал балет «Спящая красавица» на музыку Петра Чайковского. Это было в 1921 году. Через три года художника не стало — он умер во время работы над спектаклем «Истар» Иды Рубинштейн. Похоронили Леона Бакста на парижском кладбище Батиньоль. □

Твой друг робот

С незапамятных времен лучшие умы человечества пытались создать механического спутника-помощника — попросту говоря, робота. На эту тему написаны десятки, если не более научно-популярных книг, сотни статей. В нашу с вами реальность активно внедряются технологии искусственного интеллекта с его невообразимыми, поистине фантастическими возможностями, которые многих даже, признаемся откровенно, и пугают. А как обстояло дело с роботами в советскую эпоху?

В прошлом столетии, в 1967 году, во Дворце культуры автозавода имени Лихачева, прошел финал Всесоюзного конкурса на лучшую конструкцию человекоподобного робота.

Организатором необычного конкурса выступил популярный журнал «Техника — молодежи». Победителем конкурса стал робот «Нептун», собранный группой учащихся калининградского ПТУ-9 под руководством инженера-электротехника Бориса Василенко. Помимо всех прочих своих уникальных умений робот «Нептун» виртуозно... танцевал, чем наповал сразил строгое жюри. А были еще созданные талантливым калининградским изобретателем вместе со своими учениками похожий на «Нептуна» робот «Электрон», робот-экскурсовод «Сепулька», миниатюрный роботы-ребенок «Андрюша». Прогуливаясь со своими механическими питомцами по улицам Калининграда, Борис Василенко неизменно собирал толпы удивленных и восхищенных зевак.

Передвигались роботы с весьма большой для роботов того времени скоростью — от двух до пяти км/час. Программы их поведения записывались на магнитную ленту. Чаще всего применялся двухдорожечный магнитофон АФП-1. На первой звуковой дорожке записывалась речь робота, на второй — командно-управляющие импульсы. Через реле, установленное в магнитофоне, импульсы управляли движением шагового искателя, к которому были подключены все остальные механизмы. Питание робота

осуществлялось аккумуляторами типа 12 АСАМ-28, а запаса энергии хватало на 8 суток (!) полностью автономной работы.

Своим внешним видом роботы «Нептун» и «Электрон» (рост 210 см с антенной, вес 196 кг) напоминали то ли скафандр космонавта, то ли водолазный костюм. И действительно, они создавались из корпуса списанного водолазного костюма для глубоководных работ. На шлеме вместо иллюминатора инженер Василенко вставил оргстекло, а внутри механической «головы» разместил «органы чувств». Помимо привычных для обычного человека зрения и слуха «Электрон» мог распознавать радиоактивный фон, а также реагировать на его повышение звуковыми и световыми сигналами (напомним, тогда всего лишь несколько лет назад для человечества миновала угроза глобальной ядерной войны из-за Карибского кризиса). Всего было создано порядка двух десятков роботов подобных типов.

Невероятно, но факт: в том же 1967 году на страницах другого популярного советского журнала «Моделист-конструктор» были опубликованы снимки робота-гаишника, которым планировалось в обозримом будущем (!) заменить инспекторов столичного ГАИ с целью создания городской автоматизированной системы управления дорожным движением. Как сообщал тогда журнал, робот должен был выполнять порядка 80 команд и управляться дистанционно.

Время стремительно меняет наш мир, и то, что более полувека назад казалось абсолютной фантастикой, стало обыденной реальностью наших дней. Правда, в несколько ином виде. Человекоподобные роботы-гаишники на московских улицах так и не появились, да и, понятное дело, уже никогда не появятся. Зато вместо них в массовом порядке на улицах не только Москвы, но и многих других российских городов появились компактные, бесшумные автоматические видеокамеры, способные эффективно работать днем и ночью, в любую погоду и время года, а главное, с каждым годом распознающие и фиксирующие все больше и больше видов и типов правонарушений дорожного движения.

Одинокий кабан

Майор в штатском приблизился к металлической калитке в кирпичной стене. Потопал ногами, сбивая приставший к обуви снег, и нажал на кнопку домофона.

— Кто там? — спросили из динамика.

— Пятачков, — представился майор. — Мне назначено.

После небольшой паузы из домофона донеслось:

— Проходите.

Лязгнул засов, и калитка открылась.

Майор шагнул на прилегающую к особняку территорию. Возле калитки стояли двое. Судя по тому, как они сноровисто обыскали майора на предмет наличия оружия при нем, — охранники.

— Вам сюда, — сказали они и проводили майора до слегка припорошенного пургой трехэтажного домика-виллы.

В просторном кабинете Иван Михайлович Крендель целился кием в шар на бильярдном столе.

Войдя в кабинет, майор остановился. Замерли и охранники на некотором расстоянии за его спиной.

Крендель, наконец, ткнул кием в шар, смачно загнав его в лузу, и взял с журнального столика бокал с соком. Сделав затяжной глоток, он произнес, продолжая сохранять каменное выражение на своем лице:

— Оставьте нас.

Охранники молчаливо удалились.

А Крендель обратился к майору:

— Вижу, вы обдумали мое предложение и сделали правильный выбор.

— Да. — Майор слегка качнул серебристым кейсом и протянул его Кренделю со словами: — Здесь вся сумма.

Тот небрежно махнул бокалом в направлении журнального столика:

— Положите туда.

Майор подошел к журнальному столику и открыл кейс.

Крендель бросил на него оценивающий взгляд и, довольно кивнув, сказал:
— Выгружайте!

Майор выложил из кейса толстые пачки купюр с видами Хабаровска и, прихлопнув ладонью последнюю из них, посмотрел на Кренделя:

— Как договаривались.

Крендель поставил бокал рядом с кейсом и взял из стопки одну пачку:

— Какой завораживающий момент! Никак не могу просто перенести его, так и тянет растянуть до бесконечности.

— А у меня для вас новость, — внезапно сообщил майор. — Поглядите в окно.

Крендель повернулся к окну и сильно удивился. Ворота усадьбы вдруг взорвались, коряво распахнувшись, и сквозь них во двор въехал темный микроавтобус. Притормозил. Из его раскрывшейся дверцы гурьбой высыпались люди в масках, касках, бронежилетах и с автоматами наперевес. Двумя расходящимися цепочками они двинулись к дому.

— Похоже на спецназ, — индифферентно произнес Крендель.

— Спецназ и есть, — подтвердил майор.

Через десять секунд бойцы проникли в кабинет. Еще через пять секунд Крендель лежал щекой на ворсистом ковре, запястья его были скованы наручниками, в бок ему упирался ствол автомата.

— Гражданин Крендель, — сказал майор, — вы задержаны за получение взятки в особо крупных размерах.

— А нельзя было ворота не уродовать? — криво усмехнулся задержанный.

— Нельзя, — покачал головой майор. — Вы должны прочувствовать всю глубину вашего фиаско.

— Ну, прочувствовал. И что дальше?

— Дальше? — пристально посмотрел на него майор. — Дальше все зависит от вас. Никакого кейса с взяткой. Никакого спецназа. Никаких наручников. Все это словно никогда и не было. Но это лишь при условии, что вы подпишете один приказ.

— Приказ? — В голосе Кренделя послышались нотки упования на соломинку, за которую надо хвататься.

— Ну да, — кивнул майор и подошел к письменному столу в торце кабинета: — Где же он, где же он? Ах, да, вот он где, ноутбук искомый.

Кренделя подняли и подвели к ноутбуку.

— Предупреждаю сразу, — снова заговорил майор, — никаких выкрутасов, иначе сильно об этом пожалеете.

— Да, да, никаких, — согласно кивнул Крендель. — Что надо делать?

Майор погладил ноутбук и слегка улыбнулся:

— Данный приказ уже находится во входящих вашей электронной почты. Вам необходимо лишь завизировать его своей голосовой подписью.

— И все?

— Ну, разумеется. — Майор ободряюще похлопал Кренделя по плечу и добавил: — Тогда вся ваша теперешняя неудача окажется где-то там, — махнул он рукой в направлении надира, — в нигде.

— Я подпишу, — торопливо проговорил Крендель и нажал несколько кнопочек в ноутбуке.

Пробежав глазами текст, он удивленно вскинул брови:

— Настоящим приказом по ведомству предписано изъять со свиноферм всех поросят и направить их на обучение в полицию для дальнейшего использования в качестве ищеек. Что искать собираетесь?

— Наркотики, взрывчатку, — объяснил майор.

— Вы это серьезно? — зыркнул по сторонам Крендель.

— Более чем, — моргнул майор. — Можете ставить в микрофон свою голосовую подпись.

— Ну ладно. Все равно у меня нет иного выбора, — вздохнул Крендель и произнес в микрофон кодовое слово.

— Что правда, то правда — выбора у вас нет, — подтвердил майор. — Спасибо за сотрудничество.

— Пожалуйста, — процедил Крендель. — Может, уже снимете с меня наручники?

Майор щелкнул пальцами:

— А никаких наручников и нету, — щелкнул пальцами майор. — Как нет и спецназа, и кейса с взяткой.

Крендель ошалело окинул взором кабинет. На самом деле — ни наручников, ни бойцов спецназа, ни стопки банкнот на журнальном столике.

— Как же так? — недоуменно протянул он.

— Обратите внимание, — махнул рукой в сторону окна майор, — ваши ворота опять в целости и сохранности.

— Да, — кивнул Крендель и повторил: — Как же так?

— Все очень просто, — усмехнулся майор. — Это был гипноз. Я внушил вам, будто принес кейс с деньгами. Затем внушил, что прибыл спецназ. Про наручники, кстати, тоже внушил. И как? Я имею в виду наручники. Правда, было ощущение, что они действительно на вас?

— Не то слово! — Крендель принялся разминать запястья. — До сих пор как-то не верится, что их на мне уже нет.

— Еще бы, достоверность стопроцентная. Если я внушаю, что, дескать, примчался спецназ, то будут наблюдаться даже его следы на снегу. И ворота будут казаться покореженными. И, конечно же, вы не сможете развести руки, якобы связанные наручниками. До тех пор, естественно, пока я не сниму установку на внушение. Но вот я ее снял. И что? Охранники

будут недоумевать, куда подевался фургончик спецназа? Нет. Они совершенно забудут, как спецназ их упаковывал.

— А зачем вы мне это рассказываете? — спохватился Крендель.

— А затем, чтобы у вас не возник соблазн отменить только что подписанный вами приказ. Как только вы вознамеритесь это сделать, это послужит сигналом для начала нового внушения. И внушение данное, можете не сомневаться, будет покруче наручников.

— Покруче?! — тихо проговорил Крендель с отвисшей челюстью.

— Да. Хотите проверить?

— Нет, нет! — торопливо замотал головой Крендель.

— А я повелеваю вам вознамериться! — свирепо произнес майор.

— Ну ладно, только если вы просите, — кивнул Крендель и подался к ноутбуку...

В этот момент из-за биллиардного стола вылез... тигр. Крупный, лохматый тигр! Он широко зевнул, облизнулся и решительно направился к Кренделю.

Тот взвизгнул, юркнул за майора и дико завопил:

— Никакой отмены приказа! Никакой отмены приказа! Уберите тигра! Я вас очень прошу!

— Очень? — Майор потрепал тигра за шерсть.

— Весьма! — пропищал Крендель. — Неимоверно как!

— Ну что ж, как скажете. — Майор ткнул указательным пальцем вверх, и тигр мгновенно исчез. — Надеюсь, вы не будете пробовать гладить тигра, который появится сразу же после, сами знаете, чего.

— Знаю, знаю! — затрепал Крендель. — Никаких тигров, в смысле, никаких поползновений на поросят! Уж не ведаю, зачем вам их спасать.

— А я могу рассказать, — пристально посмотрел на него майор. — Я затеял эту операцию под названием, скажем, «Хрюндель» потому, что те поросята — мои братья меньшие. В том смысле, что я сам — кабан. Секач. Вепрь. Необычный кабан, конечно, результат мутации. У меня голова устроена так, что я могу мыслить как человек. Вдобавок, обладаю невероятной силой внушения. Таким вот образом я иду по жизни, внушая всем, будто я — майор полиции Пятачков, который что-то там делает и что-то там говорит.

— Кабан Пятак, — нервно хихикнул Крендель.

— Можно и так... — Майор пробарабанил пальцами по крышке ноутбука, потом предупреждающе добавил: — Но если вы только вознамеритесь проболтаться об этой моей тайне кому-нибудь, то...

— Знаю! Знаю! — затряс подбородком Крендель. — Тогда — сразу тигр!

— Ничего-то вы не знаете. Тигр — это всего лишь детский лепет по сравнению с новейшими инновациями гипноза. А что вы скажете, например, насчет инопланетян с бластерами? — усмехнулся майор и твердой походкой направился к выходу. □

Галина Дубинина

В чулане тазик старый — в пыли,
Он помнит плеск от рук ребенка,
Из ночи в день мы вместе плыли
Под белым парусом пеленки.
И вот: сын — вырос. Ты — ушел.
Я у разбитого корыта
Смотрю на тазик небольшой,
В который жизнь водою смыта...

Роз седеющее скерцо,
Море Черное, Балканы,
Аромат цветов жжет сердце,
Словно соль живые раны.

Белоснежность орхидеи
В завершенности искусной,
Только чувство, леденя,
Не зажжет собой искусства.

Соль морская жметя в ноги,
Уходя с волной сквозь пальцы...
От разлук и от дороги
Вышью вязь судьбы на пальцах:

Голос звездного Орфея,
Роз сверкающее скерцо,
Свет, струящийся в аллее
К близнецам с единым сердцем.

*Экипажу танка «Алеша»
И сестрам, молящимся
за русское воинство*

Не белеет мирная пороша,
В поле смерти ураганный вой.
Ты стоишь ли в Пловдиве, Алеша?
Русского бессмертья часовой.
Устоять ли, если враг снова
На Россию движется ордой,
Из гранита в сталь выходит Слово,
Именем твоим вступаю в бой.

И несется связью глас в народе
Через внука к прадедам своим:
«Танк прикройте сверху, он выходит
На колонну в третий раз один».
Дьявольская прет на Русь зараза,
Наши бронь Европы рвут на хлам,
Не видать якутских вам алмазов,
Лишь кресты по выжженным полям.
Экипажа триедина сила,
Что за други возвращает в бой.
Мать одна у нас, одна — Россия,
И вскормила грудью нас одной.
Помним мы, как закалялись в стали,
Отливались как в ковидной тьме,
И стоят теперь на пьедестале
Русский и якут — родные мне.
Судьбы их сошлись на битве с ложью
Мировой. Алеша, крепче бей!
Воинство щитом прикроют божьим,
Сестры из святых монастырей.

*Алексею Волкову
Воину-поэту*

Сраму мертвые неймут,
Победителей не судят.
Есть в России божье имя,
Что разит из всех орудий.
Имя это, вы заметьте,
Нес, как флаг, сыночек рыжий
В черно-белой киноленте,
Из которой вечность выжиг.
Дух его объял Балканы,
Имя выжило в граните,
Мир храня в окрестных странах,
Что закрыли нам границы.
Не померкнет русских слава,
Память мы предать не можем.
Танк «Алеша», наш красава,
Бьет «тевтонцев» в Запорожье.
И пока солдат, читая
Стих свой, истекает кровью,
Никакая тьма глухая
Свет не скроет в изголовье!

Прошивает выжженную тогу
Снова кровью русская земля.
Не судите, предки, вы нас строго,
Что из пепла зиждется заря.
Жизнь и смерть схватились в поединке,
В божьей правде сыщется ответ.
На отцом протоптанной тропинке
Тьма преображает Подвиг — в Свет!

РУССКИЙ РУБЕЖ

*В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!*
Николай Рубцов.

Через сердце проходит этот русский рубеж,
Пролегая рубцом горя, боли, надежд
По артериям кровным без начал и концов,
По аорте духовной связью с вышним Отцом.

В наших безднах незрячих, в оккупации лжи,
В скольких точках горячих пролегли рубежи.
Где предатель родное перерезал ножом,
Небо с кровью живою запеклось рубежом,
И блиндаж отделил вечность колкою кромкой...
Гимн победы оставят поэты потомкам.
Воспоют героизм, дело правое воинства
Из земного замеса долга, чести, достоинства.

В точке сбора Руси, на меже языка,
Ярко молния Слова пронзает века.
Наш российский народ многолик и един —
Это русский рубеж, мы его не сдадим!

Сумерки богинь

Кисловодск — курортная гордость Российской империи. Здесь все наполняет сердце россиянина гордостью, уносит печали, утешает в страданиях.

Кисловодск всегда прекрасен, но в сентябре 1910 года он был особенно великолепен.

Жизнь бурлит в этом райском уголке, все счастливы или скоро будут счастливы... А может, это только кажется?

На чистом небе ни облачка до самого горизонта. И завтра будет так же. И не только завтра — так будет всегда.

Ах, какая опасная иллюзия, притупляющая страх! Можно ли забыть, что в этом мире зло всегда найдет себе местечко, тихо притаится, а потом... Потом оно начнет отвоевывать себе жизненное пространство. И тот, кто попадет в его жернова, берегись!

Никому не захочется в такой день думать о зле и его последствиях. Но оно придет, оно уже здесь, готовьтесь, спасайтесь, еще есть время...

Прекрасная Эпоха не догадывается, что дни ее сочтены, и время для первой кровавой жертвы уже пришло.

ГЛАВА 1

Поезд, гремя и отфыркиваясь, обдал паром стоящих на перроне людей и остановился, лязгая железом. Вокзал тут же накрыл хаос: встречающие бросились к вагонам, носильщики метались по перрону, люди махали платками, перекрикивали друг друга.

Посреди суеты выход солидного господина в английском пальто из вагона первого класса выглядел величественно. На платформе ему подал

руку пожилой мужчина, почтительно снявший шляпу и согнувшийся в поклоне.

— С приездом, Валериан Анатольевич. Как изволил доехать, голубчик?

— Отвратительно. Меню в ресторане ужасное. Здравствуй, Серж. — Мужчина оглядел встречающего и поморщился: — Не мог привести себя в порядок?

В проеме тамбура показалась дама с саквояжем. Поджав губы, она осторожно спустилась на платформу, придерживая подол дорожного платья. Глаза буравили того, кого ее спутник с презрением назвал Сержем.

— Где носильщик?

— Здесь, сестрица, ждет-с. И коляску я заранее нанял.

Пока носильщик собирал многочисленные чемоданы, к солидному господину подскочил бойкого вида юнец:

— Господин Мерцалов? Вы не скажете несколько слов представителю прессы?

Валериан Мерцалов страдальчески вздохнул:

— Покоя от вас нет! Я устал с дороги. Ну, что ж, извольте.

— Что привело вас в Кисловодск? Вы приехали лечиться?

— Хотел поменять климат — осень в Петербурге наводит скуку.

— Это правда, что вам рекомендовал покинуть столицу полицейский департамент после вашего выступления в Летнем саду?

— Ничего подобного! — лицо Мерцалова исказила возмущенная гримаса. — Если жалкие обыватели считают, что я нарушаю общественный порядок, то на их мнение я плюю! Да-да, господин писака — плюю! Именно так и печатайте! Поэзия — это птица, и ее нельзя посадить в клетку ханжеской морали! — Он отвернулся от репортера и бросил Сержу: — Где ты нашел этого идиота? Да еще мальчишку! Не мог нанять кого-то поприличнее?

— Батенька мой, так ведь все за Станиславским гонялись. Константин Сергеевич болен-с, в бреду лежит-с.

Мерцалов передернул плечами, а дама нежно провела пальцами по плечу поэта. Не оборачиваясь к Сержу, она сердито бросила:

— Ты видишь, Валериан еле на ногах держится! Ничего поручить нельзя, все наперекосяк. Надеюсь, номера хотя бы без клопов?

— Что ты, сестрица! «Гранд-отель»! Помилуй, какие клопы?

Лицо Валериана Мерцалова, петербургского поэта со скандальной известностью, разгладилось. Смотрелся он весьма авантажно, в свои сорок четыре года отличался холемостью, и дамы находили его привлекательным. А репутация разрушителя устоев и борца с отжившими взглядами притягивала к нему людей самого разного пошиба: от впавших в блажь аристократов до радикально настроенной студенческой молодежи.

Вновь прибывшие размещались по гостиницам и пансионатам Кисловодска, которые выросли как грибы после дождя — с октября должен был начаться первый круглогодичный курортный сезон.

Во второй половине дня Курортный бульвар представлял собой увлекательное зрелище для исследователей человеческой натуры. Обязательный променад перед вечерним приемом минеральной воды совершали практически все. Здесь можно было возобновить старые знакомства, завести новые, просто поглазеть на людей и, разумеется, себя показать.

Последним как раз и занимался Валериан Мерцалов. Убедившись, что его апартаменты просторны и удобны, отдохнув с дороги и вкусив от даров кухни «Гранд-отеля», он решил, что пора предстать во всей красе перед публикой и потенциальными поклонниками.

В центре бульвара красовалась аллея, усаженная яркими хризантемами. Отдыхающие фланировали по обеим ее сторонам, совершая променад по кругу. Некоторые заняли позиции на верандах кафе, расположенных вдоль бульвара.

На одной такой веранде разместилась компания молодых людей, чья внешность позволяла отнести их к представителям пестрого сообщества, принятого называть «богемой».

— О, какая пикантная птаха! — довольно громко произнес статный красавец лет тридцати с растрепанной русой шевелюрой и разметавшейся бородой. — Неплохо бы познакомиться.

— Не стоит, Борей, ее честь сторожат папаша с мамашей. Причем папенька, обрати внимание, армейский генерал, — процедил благообразный господин в котелке и довольно потертым пальто, — лучше выпей еще вина.

Тот, кого называли Бореем, тряхнул головой и протянул бокал товарищу.

— Давайте все выпьем. Адам, Петро, веселей!

За столиком сидели четверо: кроме Борей и господина в котелке, аристократичного вида молодой человек с томными карими глазами, и скромный юноша лет двадцати. Выступлению каждого из старших друзей он внимал, не всегда поспевая за их дискуссией, а потому лишь беззвучно шевелил иногда губами.

— Давайте выпьем за красоту! — предложил тост Борей.

— И за любовь! — не так громко, но не менее значительно добавил его кареглазый товарищ.

— Тебе, Адам, впору о любви думать! — рассмеялся господин в котелке. — Разве только о любви к искусству.

— Нет, я говорил о любви к женщине — прекраснейшему созданию на земле, — улыбнулся Адам.

— Любовь к прекраснейшему созданию на земле должна быть подкреплена презренной материей. Дамы — они летят на блеск золота, а не на трели соловья.

— Ты, Алкамен, грубый материалист, — обиделся Адам, — это потому, что скульптор. А я — поэт, мое дело — идеальная красота.

В спор вмешался Борей — лидер их небольшой компании:

— Друзья мои, мы приехали сюда наслаждаться жизнью и работать, а не вести скучные споры.

Юный Петя так и не нашелся, что добавить, но нахмурил брови, надеясь, что это выглядит хоть сколько-нибудь солидно.

Адам отвернулся и, потягивая вино, рассматривал отдыхающих на бульваре. Вдруг он вскочил, выплеснув рубиновую жидкость на белоснежную скатерть — будто кровь пролилась.

— Он здесь! Этот негодяй здесь! Убью мерзавца! — Перескочив через ограду веранды, Адам побежал, пугая прохожих разметавшейся шевелюрой и горящими глазами.

— Что случилось? — удивился Борей, оглянувшись на Петро и Алкамена. Те растерянно пожали плечами.

— Посмотрим, — сказал он, и все трое, поднявшись, тоже быстро покинули веранду.

На бульваре же разыгралась интересная сцена: там, где дорожка поворачивала в другую сторону, на друзей натолкнулся Мерцалов, прогуливающийся под руку с дамой. Рядом семенил Серж. Занятый только собой, Валериан, наверное, не заметил бы Адама, но тот, подойдя близко к поэту, преградил ему путь и выплеснул прямо ему в лицо:

— Самовлюбленная жирная свинья!

— А-а-а, это тот самый Адам, которому никогда не стать Мицкевичем, — презрительно бросил Валериан, поскольку молодой человек не оставил ему возможности игнорировать себя.

Серж и его сестрица замерли в немом негодовании за спиной Мерцалова, а Борей скрестил руки на могучей груди и с явным удовольствием ожидал продолжения спектакля. К нему присоединились Алкамен и Петруша.

— Да, мне далеко до моего великого соотечественника, но, по крайней мере, я не позорю само предназначение поэта, как ты, ничтожество, — процедил Адам.

— Я — ничтожество? — гордо выпрямился Мерцалов. — И кто это говорит? Рифмоплетиска, чьи жалкие вирши не принял ни один журнал.

— Ложь! — выкрикнул Адам. — Ты прекрасно знаешь, что мои стихи печатались. И мне за них платили! Печатали бы и дальше, но тут появился

ты и предложил деньги за свои пошлые стишки. Конечно, они погнались за наживой. Печататься за плату! Какое падение!

Мерцалов огляделся по сторонам, словно ища поддержки у зрителей, и высокомерно произнес:

— Зато для моих выступлений приходится арендовать огромные залы. А кто слушает тебя? Горстка таких же неудачников! Вот они, все здесь. Ах, да, что-то не вижу Кору. Надеюсь, она вняла моим советам и бросила вашу гнилую шайку.

— Наша Кора упорхнула на Парнас за очередной порцией вдохновения, — усмехнулся Борей и тут же добавил: — Зато никто из нас не может похвастаться, что живет за счет женщин!

На секунду воцарилась тишина, а потом Мерцалов рванулся к противникам. Борей закатал рукава выдавшего вида сюртука, Адам издал фамильный боевой клич и замахнулся на Валериана. В него вцепилась дама, колотя по голове молодого поэта ридикюлем. Серж метался от одного к другому, умоляя остановиться...

Неизвестно, как события развивались бы дальше, если бы ряды зевак не были смяты подоспевшими полицейскими, которых возглавлял пристав. Рослый, одетый в строгую черкеску, пристав Шахмурзиев представлял собой внушительную персону, а слегка посеребренные усы и виски придавали ему элегантность. Весь вид его говорил о том, что шутить он не любит, а порядок и покой в городе будет блюсти, невзирая на лица и чины.

— Так-так, господа художники, снова скандал учиняете? Господин Бобров, а ведь давеча я вас предупреждал. Ну, вот, все в сборе: и пан Желевский, и господин Кондратьев. А вы, молодой человек, — повернулся пристав к Петруше, — ай-яй-яй! Маменька, небось, и не знает, как ее сынок время проводит.

— Ах, так вы — здешний пристав! — Мерцалов выступил вперед, выкатив грудь колесом. — Попрошу впредь оградить меня...

— А я попрошу вас представиться честь по чести, — перебил его Шахмурзиев.

— Валериан Анатольевич Мерцалов, поэт из Санкт-Петербурга. Сегодня прибыл в Кисловодск на отдых.

— Так отдыхайте, что же вы в драку лезете прямо с дороги? Впрочем, меня это не удивляет, уж слышали о вас.

Щеки Валериана покраснели, и он стал похож на возмущенного индюка.

— Позвольте!

— Не позволю, сударь. Вы немного пошалили в столице, но здесь маленький городок, люди приехали лечиться, им нужна тишина. Ваши стихи — последнее, что я хотел бы слышать.

Мерцалов попытался что-то возразить, но Шахмурзиев отвернулся от него и строго посмотрел на Борей и его друзей, угрюмо переминающихся с ноги на ногу.

— А с вашей «мушкетерской» компанией разговор впредь будет короткий: еще один скандал — и в кутузку! У меня других дел много. Вы, вот, господа, и знать не знаете, что здесь злодей объявился, которому человека убить, что курицу зарезать. И пока он прячется в горах, нам его надобно найти, обложить и поймать. А тут еще вы безобразничаете. Ведите себя прилично, а то я ныне что-то нервный стал. Засим позвольте откланяться.

Толпа уже давно разошлась — приближалось время ужина, а, следовательно, пора было пить нарзан. Пристав тоже покинул бульвар.

А недавние враги не расходились: никто не хотел оставлять поле несостоявшейся битвы первым.

— Возмутительно! — нарушила молчание дама Мерцалова. — Я обращусь к генерал-губернатору! Так обходиться с великим поэтом современности!

— О ком вы, мадам? — усмехнулся Борей. — Если о Валериане, то могу вас уверить — величие многих поэтов было признано только после их кончины.

Дама собралась что-то резко ответить ему, но тут к ней обратился брат, который примирительно произнес:

— Дея, дорогая, не обращай внимания, господа просто шутят.

— Да, милая Дея, Серж обещал отвести нас в нарзанную галерею, — поддержал его Мерцалов, решив, что можно отступить, не теряя достоинства.

Услышав имя дамы, Адам и Петруша прыснули, Борей расхохотался во все горло, и даже сдержанный Алкамен улыбнулся. Спутница Валериана совершенно не соответствовала статусу «богини» (а именно так переводится имя «Дея»). Наверное, в молодости она могла претендовать на то, чтобы считаться «довольно милой», но сейчас казалась даже старше своих тридцати восьми лет. Маленькие глазки непонятного цвета смотрели на мир недоверчиво, а плотно сжатые губы превращали рот в тонкую полоску. И только когда она кидала взгляд на Мерцалова, лицо ее, излучавшее нежность, становилось почти привлекательным.

Мерцалов подал руку даме, они гордо отвернулись и, ведомые Сержем, направились в святая святых курорта — в нарзанную галерею.

«Мушкетерская» компания направилась туда же, но по другой стороне аллеи.

В галерее было шумно и душно: мраморные стены и полы покрылись легкой влагой. Дамы и господа разбирали кружечки с подносов и пили

воду, прогуливаясь по длинному и узкому залу. Кружки наполняли водой из источников девушки в форменных платьях и белых накрахмаленных передниках.

В центре галереи находился источник с простой минеральной водой. Ее пили, в основном, те, кто не страдал отсутствием здоровья, чтобы оправдывать свое пребывание на курорте. Именно к этому источнику и направился Борей со своими друзьями. Кружки там подавала симпатичная розовощекая девушка со светлой косой, уложенной вокруг головы.

Подойдя к источнику, Борей вдруг припал на правую ногу и, комично постанывая, добрал до подноса с кружками.

— Очаровательная Дарья Петровна, не откажите умирающему, подайте глоток животворного напитка!

— Извольте, сударь, — тихо ответила девушка, опустив глаза.

Борей залпом выпил воду и протянул служительнице галереи кружку:

— Эх, еще одну, пожалуй. Мне уже лучше.

— Это вы, Даша, так на больных действуете, — улыбнулся Адам и изящно облокотился на стойку, за которой работала девушка, — Если дело так пойдет и дальше, то скоро в Кисловодске не останется немощных.

Борей пожирал глазами юную красавицу.

— Дашенька, вы подумали о моем предложении? — наклонился он к девушке.

Она залилась краской, отчего стала еще милее.

— Не понимаю я вас, Илья Михайлович...

— Все ты понимаешь, — отмахнулся Борей — Ну, так как, позировать мне станешь?

— Как можно-с, мне и родители не позволят. — Девушка схватила полотенце и принялась протирать поднос.

— А мы им ничего не скажем, — заговорщицки подмигнул Борей.

— Даша, позировать художнику — это уважаемая работа, — вмешался в их разговор Петя, — а вы чего-то боитесь.

— Чего-то? — фыркнула Даша. — Да ведь Илья Михайлович рисовать меня намеривается... — она замялась, — без одежды.

Борей наклонился к Даше еще ближе, девушка робко попыталась отодвинуться, но места за стойкой было слишком мало.

— Дашенька, а вы не думаете, что совершаете преступление? — спросил он.

— Какое преступление? — Даша испуганно вскинула на него огромные синие глаза.

— Вы хороните свою красоту, вместо того чтобы подарить ее всему человечеству!

— Как вам не стыдно, Илья Михайлович! — возмутилась Даша. — Право же, как дети малые...

Тем временем отдыхающие стали расходиться — последние рекомендации врачей гласили, что после приема минеральной воды следует медленно пройтись и приступить к ужину.

Мерцалов иронично поклонился «мушкетерам», весьма откровенно полюбовался Дашей и тоже направился к выходу.

— Как неприлично приставать к прислуге, — процедила Дея, следуя за ним.

— Она, конечно, простолюдинка, сестрица, но хороша! — причмокнул губами Серж. — Я ее давно тут приметил — юная богиня, вот-с как я ее называю!

Дея смерила брата взглядом, в котором смешались жалость и презрение:

— Полагаю, ты уже забыл, во что нашей семье обошлась твоя страсть к «юным богиням». И что под следствием находился? Сколько раз тебя откупали: то бабушка, то муж мой, Царствие им обоим Небесное!

— Э-э-э, она довольно мила, — прервал ее отповедь Мерцалов, — но, конечно, всего лишь необразованная провинциалка... К тому же служащая нарзанной галереи. Это так прозаично, только молодой идиот мог узреть здесь какую-то долю романтики. Ах, я что-то проголодался! Поспешим, господа, к ужину.

А «мушкетеры» покидали галерею последними.

— Дашенька, вы просто наша спасительница, — рассыпался перед девушкой Борей, — на вас приятно смотреть, зря вы боитесь познакомиться с нами поближе...

— Простите, сударь, но мы скоро закрываемся, и за мной должен зайти жених, — улыбнулась Даша, не зная, как, наконец, избавиться от этих молодых людей.

— Ваш жених сторожит свою добычу, — хмыкнул Алкамен, поправляя котелок, — наверное, ревнует ко всем этим господам...

— Немного, — тихо ответила Даша. — Но скоро наша свадьба, и я больше не буду работать здесь.

— Эх, на что вы собираетесь потратить вашу жизнь! — стукнул кулаком по стойке Борей. — Да в столице вас на руках носить будут! У вас будет больше поклонников, чем у ведьмы Кшесинской!

Зал к этому времени совсем опустел, и Даша, опустив глаза, начала собирать кружки на поднос. Друзья тоже покинули галерею и отправились на ужин.

ГЛАВА 2

По утрам большинство курортников после завтрака разбредались по процедурам. Модное веяние, активно пропагандируемое докторами, заставляло недужных окунаться в ванны с минеральной водой, обливаться ею из душа и вдыхать через трубки.

Борей и его друзья процедур не посещали, спали по утрам безобразно долго, доводя до слез горничных частного пансиона, в котором снимали не только комнаты, но и отдельную мансарду. Мансарду они превратили в художественную студию, и прислуга отказывалась там убираться, потому что «кругом одно непотребство». Скульптор Алкамен в студии хранил свои наброски и эскизы, а поэт Адам Желевский пользовался ею как кабинетом. Он писал за столом, с которого при необходимости легко все убирали на пол и заставляли заказами из соседнего трактира.

Это утро выдалось беспокойным — Борей хандрил и жаловался, что не может «поймать цвет», ругал ученика Петрушу, цеплялся к Адаму. А потому Алкамен, практичный и спокойный, предложил пройтись.

Так как гуляющих было не слишком много, решили остаться в нижнем парке, не забираясь наверх. По аллеям вышагивали строго положенное число шагов несколько господ и дам. «Мушкетеры» потихоньку подсмеивались над ними, но вели себя намного тише, чем вчера вечером.

Внимание Борей привлекла очаровательная молодая дама, которая уныло волочила по дорожке зонтик, держа под руку почтенного старца. Вокруг этой пары витала аура печали и несбывшихся надежд.

— Смотрите, какая красавица! Так бы и съел ее! — Голос Борей, обычно рокошующий, мощный, приглушенно задрожал.

— Приехала на отдых со своим дедушкой, — хмыкнул Адам, и его глаза тоже загорелись, когда он рассмотрел стройную фигуру.

— Судя по всему, это ее супруг перед Богом и людьми. — Алкамен наклонил голову набок, как будто примеривался к возможной модели.

— Этот старикашка? — наивно спросил Петя. — Да он же старше ее лет на...

— Сорок, — закончил Борей, — а это значит, что милая птичка невыносимо скучает! Надо бы к ней подобраться...

— И, конечно, ты предложишь ей позировать? — рассеянно спросил Алкамен. — Тебе не кажется, что этот прием уже несколько избит?

— Но он действует... действовал в Петербурге, во всяком случае. Здесь, в провинции, жизнь какая-то затхлая, а женщины или ханжи, или скромницы... Или все вместе.

— Как Даша? — наивно спросил Петруша.

Трое его спутников дружно рассмеялись.

— Даша прекрасна, — хлопнул молодого человека по плечу Алкамен, — она из разряда скромниц.

— Что делает ее еще более желанной добычей! — воскликнул Борей.

Дама с пожилым спутником тем временем скрылась за поворотом, и он, проводя их взглядом, продолжил:

— Как-то нехорошо я сказал. Лучше так: скромность Даши делает ее еще более желанной!

— То есть ты Дашу в покое не оставишь? — недовольно спросил Адам.

— Разумеется, нет! — расхохотался Борей. — Дураком я бы был!

— Значит, ты намерен ее соблазнить? — прищурился Адам. — Спорю, что у тебя ничего не выйдет!

— Что? Да через две... нет, через неделю Дашенька будет завтракать в нашей мастерской! — вскипел художник.

— После чего тебе придется передвигаться по городу закоулками, чтобы избежать встречи с ее женихом, — вставил Алкамен.

— Плевать на жениха! Кому он интересен? Да скоро сама Даша забудет, как его зовут!

— Может быть, для Даши лучше выйти замуж и жить обычной жизнью, чем окунуться в то, что ты называешь «настоящей жизнью»? — нахмурился Адам.

— Для нее лучше умереть, чем влачить жалкое мещанское существование! По крайней мере, она насладится молодостью, познает истинную страсть!

— А что потом? — задумчиво спросил Алкамен.

— Что потом? Да какая разница? Потом все едино — смерть, — пожал плечами Борей. — Жизнь — это вспышка, а молодость — краткий миг этой вспышки. Я все равно добыю ее, ведь она прекрасна!

— Мне кажется, — откашлявшись, вступил в разговор Петруша, — что и среди столичных дам есть очень даже...

— И кто же эта прекрасная незнакомка? — с усмешкой посмотрел на него Борей.

— Собственно... это не совсем незнакомка... — покраснел Петя. — Я думаю, что Кора — самая прекрасная на свете!

— Петро! — возмутился Борей. — Ты никак вознамерился отнять у меня мою Вечную Возлюбленную?

— Что ты, конечно нет! То есть... Я хотел сказать, куда мне... Я на нее молюсь. Кора — она богиня! К тому же она никогда не оставит тебя, она тебя любит... — залепетал молодой человек, старательно избегая взгляда художника.

— Тьфу, Петро, всю потеху ты мне испортил своей невиданной наивностью, над тобой даже посмеяться от души нельзя! Чистое дитя!

Петя перевел взгляд на Адама:

— Ты полагаешь, что я неправ относительно Кору?

— В чем-то ты, безусловно, прав, мой мальчик, — ответил поэт. — Ты поклоняешься Коре, я это понимаю и одобряю. И все же тебе следует быть смелее. Женщинам нужны не только слова, но и действия.

— Она никогда не оставит Борю — с печалью в голосе повторил Петя.

— Да-а-а, это загадка для многих, — согласно кивнул Адам. Борей изменяет ей, дурно с ней обращается, а она все терпит. А могла бы выбирать кого угодно: и не только тебя, вот Алкамен ею тоже восхищается...

Резко прервав беседу, Борей вдруг повернулся и зашагал по аллее к выходу из парка:

— Все, Петро, хватить баклуши бить, пошли работать, — бросил он молодому человеку через плечо.

Тот побежал следом, умоляюще оглядываясь на поэта и скульптора, чтобы не бросали его один на один с рассерженным наставником. Адам и Алкамен понимающе переглянулись и не спеша последовали за друзьями.

К вечеру Борей слегка отошел, настроение у него улучшилось, и он решил загладить перед друзьями свое грубое обращение. После посещения нарзанной галереи, где все снова напропалую флиртовали с Дашей, Борей предложил посетить ресторан «Гранд-отеля». Свободный столик нашелся с трудом, но метрдотель все-таки усадил их. Менее опытный служащий ресторана, возможно, и на порог бы не пустил эту компанию, но в «Гранд-отеле» понимали, что представители богемы могут себе позволить некоторые отступления от общепринятых норм. Великий Шаляпин иной раз захаживал сюда в простой рубахе и сапогах, так что метрдотель предположил, что среди господ художников тоже могут оказаться известные личности.

Валериан Мерцалов со свитой ужинал здесь по полному праву — как постоялец отеля. Дея ворковала с ним, предлагая выбрать самые лучшие блюда, Серж довольно потирал руки и, когда строгая сестрица не смотрела на него, опрокидывал рюмку за рюмкой водку из хрустального графина. Дея беспокойно взирала на свое божество, кусая тонкие губы. Причины для беспокойства у нее имелись: Валериан страдал.

— Оставь меня, не хочу я икры, — отворачивался он от стола, прикрывая ладонью глаза. — Что я вообще тут делаю?

— Тебе необходимо отдохнуть, — убеждала его Дея, — сменить обстановку, ты устал.

— Да, я устал! От бесконечной пошлости, от удушающей атмосферы всеобщего ничтожества! Моя душа не приемлет оков этого мира!

— Выпей, Валериан, — участливо предложил ему Серж, — а то так и до сердечного приступа недалеко.

— О-о-о, поди прочь, без тебя тошно! — поморщился Мерцалов.

— Не хочешь, как хочешь. — Серж выпил сам и, откусив приличный кусок горячего расстегая, посмотрел на сестру: — Это ты, сестрица, виновата. Такой талантище, как Валериан, требует особого подходца, хе-хе-хе!

— Еще одно слово, и я отправлю тебя в херсонские степи, запру в усадьбе! — Глаза Деи наполнились слезами, а в голосе зазвучали истерические нотки. — Или соберу докторов, они определят тебя в сумасшедший дом до конца дней твоих!

— Ты что? Я просто пошутил, сестра! Как можно-с — в сумасшедший дом! Я же твой старший брат!

— Ох, да перестаньте вы оба, — простонал Валериан, — как это мелко и убого! Вот Верочка...

При этом имени Дея отвернулась, достала из ридикюля кружевной платочек и ткнулась в него лицом. Через пару минут она подняла голову и трагическим голосом прошептала:

— Неблагодарный! Ты забыл, как она с тобой поступила? Она предала тебя, растоптала твоё сердце...

Мерцалов понял, что перегнул палку и осторожно взял Дею за руку.

— Прости, ангел мой. Я никогда не забуду, что ты сделала для меня. Это ты мой истинный друг, — прижался он губами к сухопарой руке.

— Я рада, что ты это понимаешь, Валериан. Ради тебя я оставила свет и отринула, м-м-м, некоторые правила...

— За это я ценю тебя еще больше, моя королева, — промурлыкал Мерцалов.

При этом он недовольно покосился на своих недругов, откровенно наслаждающихся сценой, смысла которой они не понимали, но вполне оценили комическую роль в ней петербургской знаменитости.

— У величайшего поэта современности некоторые затруднения с его «денежным мешком», — усмехнулся Борей.

— Он их преодолееет, не сомневаюсь, — отмахнулся Алкамен, не отрываясь от меню. Изучив его, он посмотрел на Борей и сказал:

— Раз уж ты привел нас сюда, то, надеюсь, накормишь деликатесами?

— Закажем все, что хотите, деньги — пыль и прах! — Борей залпом выпил бокал вина. — Мы не мещане какие-то, чтобы крохоборствовать! Эх, погуляем сегодня.

— Верно! — подхватил Адам. — И не будем бояться завтрашнего дня, даже если нам нечего будет есть!

— Ничего, я маменьке телеграфирую, она вышлет денег, не пропадем! — разошелся и Петруша. — Завтра же с утра и телеграфирую! — Отпрыск процветающих негоциантов стукнул кулаком по столу.

— За Петро, — поднял бокал Адам, — и за твою замечательную матушку, дай ей Бог здоровья! За матушку Петро пьем стоя!

— Ура! — все четверо встали и дружно выпили до дна.

Борей махнул официанту, и «мушкетеры» заказали роскошный ужин. Валериан, сидевший наискосок от их компании, перевел заказ недругов в денежный эквивалент и надул щеки:

— Эти босяки где-то разжились презренным металлом! Шикуют, как будто у них кошель набиты золотом! Неужели господин Желевский наследство получил?

Серж оторвался от еды и проинформировал сестру и ее кавалера:

— Они на деньги господина Петра Десятникова гуляют. Ученик этого смутьяна, который называет себя, хе-хе, Бореем, из семьи более чем состоятельной!

— Какое разочарование для родителей этого погибающего дитя. Вот они, плоды нынешнего образования, — вздохнула Дея.

«Мушкетеров» же так увлекло изобилие стола, что они и думать забыли о Валериане. Тосты сыпались один за другим, официант приносил бутылку за бутылкой.

— А давайте возьмем коляску и закатимся к цыганам? — вдруг предложил Адам, большой любитель томных напевов.

— Мы же завтра с утра собирались на пленэр, — остановил его Алкамен, — да и Петро, кажется, развозит.

Петруша уже сполз бы под стол, если бы друзья его не поддерживали.

— А на что молодость дана? — не согласился с ним Борей. — Придет старуха с косой, а нам и вспомнить нечего будет.

— Так что же, едем? — нетерпеливо топнул ногой Адам.

— Хорошо, только Петро домой завезем, баиньки уложим. Эх, молодежь пошла хлипкая!

Расплатившись, друзья покинули ресторан, провожаемые презрительными взглядами Мерцалова, но молнии эти пропали втуне. А Петруша и вовсе ничего не заметил.

— Пора, друг мой, тебе надобно соблюдать режим, — ласково взяла Валериана под руку Дея.

— Да-да, что-то меня Морфей зовет, — зевнул он. — Серж, ты идешь?

— Э-э-э, я еще посижу, — улыбнулся тот, — музыку послушаю. А вы идите.

Дея строго посмотрела на брата:

— Как бы утром тебя из околотка вызволять не пришлось. — Но тут же сжалилась над ним: — А впрочем, ладно, веселись, все одно тебя не переделаешь! — Она сунула Сержу в руку ассигнацию, которую тот, бормоча слова благодарности, сжал в ладони, и напоследок сказала: — Помни, что ты мне обещал! Завтра получишь свою награду, но...

Серж закивал головой, как китайский болванчик, подождал, пока Мерцалов и Дея поднялись в свои апартаменты, и покинул «Гранд-отель».

«Было ли это трудно? Да. Нет. Сначала трудно, потом легко. А когда все закончилось, на меня снизошел покой, какого не знавал я никогда за всю мою жизнь. Теперь все будет хорошо. Полно, сударь, да будет ли?»

Впервые смотрел я в лицо Смерти. И не только смотрел, я ее призвал, я был ее стражем, помощником, рыцарем. Да, ей тоже нужны рыцари, как любой Даме. Что ж, теперь она моя Госпожа, и я рад этому. Если Она призовет меня еще раз, я пойду и буду служить, как сегодня.

Сам не знаю, хочу ли я, чтобы все увидели, поняли, что я создал. Я попытался поговорить не только со Смертью, но и со смертными. Они — ничтожные, жалкие, убогие. Увидят ли они мою загадку, а если и увидят, то сумеют ли разгадать? Почему-то мне кажется, что нет. Простые, незамысловатые существа! И я был таким до сегодняшней ночи. Но теперь я изменился, изменился совершенно. Но об этом никто не должен знать. Никто? А он? А она? Может, подать какой-то знак?

Нет, нельзя. Я понял. Богиня смерти не призвала бы меня, не будь она во мне уверена. Ради чего я это сделал? Ради себя? Конечно, нет, мне ничего не нужно. Полно, сударь, да так ли это? Мне нужны они, все вместе и каждый в отдельности. Мне нужна она! Кто знает, может, я ей все расскажу... когда-нибудь потом. Но, скорее всего, не расскажу никому, даже ей. И я изменюсь, не может все остаться, как раньше. Странно, я думал, что, сделав последний шаг, все пойму до конца, а вопросов стало только больше. Я отказался от себя, а другого себя пока не нашел. Что же я сделал?

Нет, прочь сомнения! Сомнения — удел земных ничтожеств. Кто служит богам, не имеет права сомневаться. Я пойду этой дорогой дальше, и может быть, в следующий раз...

ГЛАВА 3

Петя открыл глаза, смутно соображая, где он находится. С трудом вспоминая вчерашний вечер, молодой художник сполз с кровати, осмотрел привычную обстановку и выпил половину графина с водой.

В дверях показалась горничная, испуганно ойкнула и скрылась в недрах пансиона.

— Пленэр! — хлопнул себя по лбу Петруша и помчался в студию.

Разрозненные куски мозаики, на которые рассыпался предыдущий вечер, начали собираться в единую картину.

В мансарде царил хаос, обычный, впрочем, а потому не удививший Петрушу. Оглянувшись, он увидел на столе замызганный лист бумаги, артистично приколотый к доске изогнутым восточным кинжалом:

«Здоров ты спать, Петро! Протри очи и ищи нас в верхнем парке на другой стороне тропы к Красным камням.

Когда же ты научишься пить?

P.S. Наш капитал приказал долго жить».

Окончательно придя в себя, Петруша позвонил, потребовал горячей воды, горячего чая, и через полчаса бежал по улице к городской почте, где располагался и телеграф.

Телеграмма к маменьке с просьбой выслать денег заставила молодого человека перетряхнуть все карманы, но он наскреб необходимую сумму. Строгий почтовый служащий вспомнил Петрушу и спросил:

— Вы ведь из пансиона Ганемина? Не передадите ли господину Боброву телеграмму?

— Ах, да, конечно, это мой учитель. — Петя схватил дрожащей рукой узкую ленту, сердцем понимая, что она может быть только от одной особы.

На улице он не выдержал и прочитал сообщение, поскольку «мушкетеры» довольно легко относились к понятиям «мое» и «не мое». Телеграмма была от Кору: «Буду 13 московским». Эта короткая фраза наполнила Петю таким счастьем, что он не заметил, как добрался до верхнего парка.

— Борей! Борей! — на самом верху склона Петя задохнулся и обхватил руками сосну.

— Чего орешь? Белок распугаешь! — откликнулся художник.

— Кора! Кора приезжает! Телеграмма!

— Когда приезжает? — приподнял брови Борей. — Сейчас?

— Тринадцатого. Уф-ф-ф, — отдышался Петя и оглянулся: — А где Адам?

Алкамен, сидевший на каменной скамье и небрежно водивший карандашом по тонированному листу бумаги, махнул головой в сторону безрезняка:

— Там. Говорит, что эти посадки напоминают ему покинутую родину.

— Ч-ч-ерт! Сбил ты меня, Петро, своими воплями! — Борей раздраженно отшвырнул кисть.

Из-за деревьев показался Адам, размахивающий блокнотом и что-то бормочущий себе под нос.

— Адам, Кора скоро приезжает, — обратился к нему Петруша.

— Я рад. А у меня вроде бы сложилась баллада. Послушаете?

— Позже, — буркнул Борей, — сначала надо поесть.

Не обращая внимания на обиженное выражение лица поэта, он принялся укладывать карандаши и кисти.

Алкамен быстро захлопнул папку и легко поднялся со скамьи.

— Что ж, надо поддержать брэнное тело, полагаю, в трактире отпустят в долг... Не в первой.

— Петро, понесешь вещи, — приказал художник.

Петя послушно подхватил мольберт и складную скамеечку.

— Пойдем по террасам, чтобы по лестнице не скакать, — предложил Алкамен.

Друзья зашагали к нижнему парку. На последнем повороте нижней террасы Борей указал в сторону небольшой площадки с фонтаном в центре:

— Что за толпа, там, вокруг фонтана? Смотрите-ка, сам пристав пожаловал.

— Ну-ка, посмотрим, — и ускорил шаг.

Остальным ничего не оставалось, как последовать за ним.

Людей вокруг фонтана оказалось, впрочем, не слишком много — отдыхающие в основном фланировали по нарзанной галерее перед завтраком.

— Что случилось? — спросил Борей, пробираясь к фонтану, но ему никто не ответил.

Зато пристав Шахмурзиев зорким оком охватил «мушкетерскую» компанию и махнул рукой:

— А, господа художники! Извольте-ка подойти сюда.

Люди расступились, Борей с друзьями увидели в бассейне фонтана тело молодой девушки. Ее коса расплелась, а складки простого платья тихо плескались под прозрачными струйками воды, сбегаящими в чашу.

— Это Даша! — выкрикнул Петя и схватил за плечо учителя. — Это же Даша!

— Так-так, — сощурился пристав, — стало быть, знакомая ваша?

Петя тихо опустился на край чаши фонтана, Борей сжал руки в кулаки и неотрывно смотрел на мертвую девушку, Алкамен снял котелок и опустил голову, а Адам широко раскрыл темно-карие глаза и прижал правую руку к сердцу. — Да, мы ее знаем — она в галерее прислуживает. Имя ее — Даша, а фамилия нам неизвестна, — наконец заговорил Борей и пригладил рукой растрепавшуюся шевелюру.

Шахмурзиев согласно кивнул головой:

— Дарья Петровна Сенцова, дочь здешних горожан, бедных, но почтенных. Ее жених нашел с час назад.

На ближайшей к фонтану лавочке сидел, обхватив голову руками, молодой человек в форменном сюртуке. Голос художника вернул его к жизни.

— Это они! — выкрикнул жених погибшей Даши. — Эти столичные господа! Они голову ей забивали глупостями! Позировать предлагали!

— Это правда, господин Бобров? — тихо спросил пристав.

— Окажите любезность, называйте меня Бореем, это ведь не официальный допрос, — сухо ответил тот.

— Могу и официально, сударь мой. А прозвища ваши мне ни к чему. Так что вас связывало с убитой Дарьей Сенцовой?

— Собственно, ничего, — пожал плечами Борей. — Милая девочка, необыкновенно хорошенькая, я и Алкамен предлагали ей позировать, вот и все.

— Э-э-э, господин этот, Алкамен, как вы изволили выразиться...

— Не изволил, не изволил! — рассердился упомянутый господин, что с ним случилось крайне редко. — Алкамен был великим скульптором Греции, учеником Фидия, превзошедшем своего учителя! Я имею право взять себе его имя!

— Хорошо, господин Кондратьев, называйтесь, как хотите, но что вы о девушке знаете?

— Она прекрасна! — неожиданно провозгласил Адам. — Воспоем ее смерть!

— Господа, девяти утра еще нет, а вы уж, простите, глаза залили! — возмутился Шахмурзиев. — Одно беспокойство от вашего, с позволения сказать, искусства. То драку учините, а то и вовсе, тьфу, сказать стыдно, — оргии ночные! Возвращались бы вы в Петербург, люди здесь лечатся, им покой нужен, а тут убийство!

— А как она... — Петя сглотнул. — Умерла?

— Сейчас мы ее достанем и поглядим. Но я так думаю, что задушили ее, господин Десятников. Вон, синяки какие на шее, и лицо такое... — ответил пристав.

Преодолевая страх, друзья наклонились над бассейном фонтана, рассматривая тело девушки. Смерть еще не испортила красоты Даши, казалось, что она спит, если бы не эти ужасные синяки...

— Борей, это твоя роза, — тихо заметил Петя и осторожно указал на цветок, который от пребывания в воде выглядел свежо — насмешка над оборвавшейся молодой жизнью.

— Что за цветок, ну-ка? — Шахмурзиев тоже перегнулся через край фонтана.

— Роза из оранжереи. Я каждое утро одну беру и в петлице ношу. Когда вижу красивую женщину, дарю ей цветок. Прошлым вечером в галерее подарил Даше, — вздохнул Борей и добавил: — Чаще смерть отвратительна, а тут... Хоть картину пиши.

Пристав с упреком покачал головой:

— Смерть, господин Бобров, не повод для ваших творческих... изысканий. Ладно, идите себе, куда шли.

Два урядника по приказу пристава оттеснили зевак от фонтана и вежливо попросили всех разойтись.

— Ой, я кружку в фонтан уронил, она тут стояла, — испуганно посмотрел на пристава Петя.

— Кто-то забыл, наверное, — равнодушно махнул рукой Шахмурзиев, — мало ли тут гуляющих бродит.

Четверо друзей отошли от фонтана и направились в сторону бульвара.

— Убийцы! — раздался им вслед крик жениха погибшей Даши.

Друзья не заметили Мерцалова, который тоже находился неподалеку от фонтана. Обычно Валериан старался привлечь к себе внимание любой ценой, но сейчас он стоял тихо, наклонив голову и прижав к животу шляпу. Дея сидела на соседней скамейке и, тяжело дыша, прижимала к носу флакончик с нюхательной солью — ей стало дурно при виде убитой девушки.

Дождавшись, когда «мушкетеры» отошли на приличное расстояние, Мерцалов пошел к уряднику.

— Э-э-э, уважаемый...

— Что вам, господин хороший? — повернулся к нему полицейский.

— Мне бы поговорить с приставом с глазу на глаз... У меня имеются некоторые сведения...

После доклада урядника Шахмурзиев оглянулся на Валериана и, слегка поморщившись, произнес:

— Сударь, у вас есть что-то по этому делу? Прошу покороче, сами понимаете...

— О, да. Дело в том, что я... наблюдал, как эти господа, которые только что ушли, общались с... трагически погибшей девицей.

— Да? И что?

— Они вели себя возмутительно! Просто прохода ей не давали! Говорили всякие скабрёзности, ну, вы понимаете...

— Н-не очень, — процедил пристав, демонстративно доставая из кармана часы.

— Они вели себя, как... коты в марте. А барышня смущалась...

— Она поощряла господ художников?

— Ни в коей мере! Мне кажется, что она была добропорядочной особой. Ах, как жаль ее! — Валериан прижал палец к левому веку, будто смахивая слезу.

— Господин Мерцалов, ближе к делу, — начал терять терпение пристав.

— Так я и веду к этому. Вы обратите внимание на пана Желевского — это такой человек! Я ведь их всех знаю весьма неплохо.

— Так-так, — в глазах Шахмурзиева все-таки заплескался интерес, — слушаю вас внимательно.

— Он, господин Желевский, весьма до женщин охоч, просто с ума по ним сходит...

— Эка невидаль, — усмехнулся в усы пристав, — кто же до них... кхм, я хочу сказать, что это не редкость, взять вот хотя бы вас.

— Это другое! Для меня женщина — Муза, а для юного Адама — некий объект... ну, вы понимаете. Да он просто ненормальный! Гоняется за дамами, пугает их, поверьте, в Петербурге он весьма этим знаменит. Кроме того, он не терпит никакого соперничества. Если ему кажется, что кто-то имеет больше успеха у дам, то он грозит убить! Да-да, убить!

— И вам он тоже угрожал? — старательно пряча усмешку, спросил Джабраил Муртазиевич.

— Э-э-э, это к делу, собственно, не относится... да, он мне угрожал. Он опасен, понимаете, господин пристав? Кто знает, может, бедняжка отвергла его гнусные притязания, и он, этот безумный поляк, мог сжать ее нежную шею...

— Это, сударь мой, очень серьезное обвинение, — строго сказал пристав, — такие слова требуют оснований более твердых, чем столичные сплетни.

— Вчерашним вечером пан Желевский был пьян, — быстро ответил Мерцалов. — Они все напились, спросите в ресторане «Гранд-отеля». И еще куда-то ночью поехали. Кто знает, что творилось потом.

— Кто был пьян? Все были пьяны! Какая ночка была! — раздался вдруг за их спинами веселый голос. — Валериан, друг мой, наконец, я тебя нашел!

Серж, весь помятый, дыша перегаром, кинулся Мерцалову на шею. Тот оттолкнул его и брезгливо отвернулся.

— Кто этот господин? — спросил пристав.

— Сергей Сергеевич Павленко, брат той дамы, которая сопровождает меня... Между прочим, она вдова генерала Кукушкина, очень высокопоставленная особа! А ее братец, вот, извольте видеть... Хотя в каждой семье есть «паршивая овца».

В этот момент Серж подошел фонтану с намерением освежиться, увидел тело Даши и, закрыв лицо руками, закричал:

— А-а-а!

— Господин Мерцалов, уведите своего друга отсюда, право же, не театр здесь, человека убили, — рассердился Шахмурзиев.

— Ее лицо! Ее лицо! — кричал Серж. — Я видел его! Она смотрела так ласково! Демон! Демон утащил ее в ад!

Пристав возмутился и снова повернулся к Мерцалову:

— Простите, но я вынужден буду сейчас его задержать за нарушение общественного порядка. Господин Павленко пьян, кажется. Нехорошо! И что вас, творческих личностей, тянет в наш мирный городок? Илья Бобров со своими друзьями, вы тоже вот...

— Я не имею никакого отношения к господину Боброву! А Серж не имеет никакого отношения к искусству! — гневно парировал Валериан.

На помощь ему пришла Дея, которая одернула брата и обратилась к приставу со словами:

— Простите, это его обычное состояние. Мой брат большой любитель... выпить.

— Дея, я видел ее, видел! Это был кошмар! — протянул Павленко руки к сестре. — А в волосах — белая роза!

— Этот бред с похмелья, — неловко улыбнулась Дея Шахмурзиеву. — Он всегда что-то такое лопочет, не обращайтесь внимания, господин пристав.

— Согласен, что это полный бред, мадам, но вас же прошу следить за своими... спутниками. Что касается ваших домыслов, мсье Мерцалов, то должен заметить, что убийца, скорее всего, нам известен. Он прячется в горах, но, видимо, по ночам спускается в город в поисках еды. Случайно ему попалась эта несчастная девушка.

— О, вы уже вышли на след убийцы?! — воскликнула Дея. — Это кто-то из местных жителей? Тогда вы должны предупредить всех, кто сейчас находится в городе. Кого нам следует опасаться?

— Сударыня, — почтительно повернулся к ней Джабраил Муртазиевич, — никакой угрозы нет. Этот абрек будет пойман в самые кратчайшие сроки. Кроме того, он не убийца женщин, а кровник. То есть мстит своим обидчикам, а не всем подряд. Полагаю, девушку он убил, потому что она что-то видела и могла донести на него... Правда, до сих пор он никого не душил, а... э-э-э, холодным оружием пользовался. Но кто знает, что происходит в голове разбойника? Тем не менее, прошу вас ночью не гулять по парку, вот, собственно, и все меры безопасности. Простите, мадам, могу ли я узнать ваше имя? — Шахмурзиев с аристократическим шиком поднес к губам руку Деи.

— Диотима Сергеевна, — улыбнулась она, — но близкие друзья, зовут меня Деей.

— О, я их вполне понимаю, — непринужденно покривил душой пристав, — уверяю вас, Диотима Сергеевна, покой наших гостей для меня превыше всего.

Довольная общением со столь вежливым и элегантным представителем полиции, Дея покинула место преступления под руку с Мерцаловым. За ними, пошатываясь, брел Серж, бормоча что-то о демонах и девах. Он был безжалостно отправлен в гостиницу, сестра запретила ему появляться на людях до ужина, и велела привести себя в порядок. Убедившись, что брат зашел в «Гранд-отель», она в сопровождении Валериана направилась к бульвару. Дею что-то беспокоило, и некоторое время она нервно покусывала губы, а потом спросила:

— Скажи, ты действительно веришь, что Адам Желевский мог бы убить кого-нибудь?

— Он не совсем нормальный, а таким убить человека ничего не стоит! — упрямо вскинул голову Мерцалов. — Я считаю своим долгом поставить полицию в известность.

Вдруг Мерцалов заметил на лавочке «мушкетеров», которые закусывали пирожками, передавая друг другу бутылку дешевого вина, коварно усмехнулся и повел свою даму в небольшую галантерейную лавку, выходящую прямо на бульвар. На террасе хозяин лавки устроил нечто вроде выставочной площадки, а в дальний край террасы практически упиралась скамейка, оккупированная Бореем и его друзьями. Небрежно облокотившись на оградку, Мерцалов слышал почти все, о чем они говорили, но сам оставался незамеченным.

Из всех друзей Петруша выглядел самым расстроенным.

— Петро, поешь, выпей и взбодрись! — Борей протянул ученику бутылку.

— Кусок в горло не идет, — покачал тот головой, — все время о Даше думаю. За что ее убили?

— Кто знает? — вздохнул Адам. — Да и надо ли это знать? Она умерла — вот из чего мы исходим.

— Как ты можешь так говорить? — возмутился Петруша. — Жила себе девушка, радовалась жизни, радовала других своей красотой... А теперь ее нет!

— Петро, мы все умрем, таков удел всего живого, — заметил Борей.

— Это другое! Одно дело умереть в своей постели от старости, а ее убили! — упрямылся Петя.

— Умереть в постели — это пошло. Кому приятно смотреть на старческие немощи? Нет, Петро, лучше уйти молодым!

— Ты слышишь, Дея, сколь они безнравственны и циничны? — тихо спросил Валериан госпожу Кукушкину, которая вышла из лавки, рассматривая при дневном свете выбранные ею перчатки. — Вот вся их мерзкая философия — девице прохода не давали, она трагически погибла, можно сказать, несколько часов назад, а они уже забыли о ней!

Но Дея казалась рассеянной и разглагольствований его не поддержала.

Тем временем по бульвару прогуливалась та дама, которую друзья видели в нижнем парке. Она так же держала под руку своего более чем пожилого супруга, но уже не выглядела печальной. Напротив, постоянно оглядывалась, кокетливо поправляла то каштановые волосы у висков, то кружевную накидку. Ее очаровательное личико озаряла улыбка, когда она что-то говорила своему спутнику. Но весь этот маленький спектакль разыгрывался вовсе не для него. Борей, наблюдая за дамой, заметил, что время от времени неподалеку от них мелькает осанистая фигура офицера.

Когда супружеская пара проходила мимо их скамейки, Борей громко крикнул:

— За неземную красоту! — и тут же приложился к бутылке.

— За воплощенное очарование! — произнес Адам, посылая даме один из самых жгучих своих взглядов.

Дама покраснела и слегка улыбнулась. Ее супруг, видимо, туговатый на ухо, мало что расслышал и еще меньше понял.

На террасе Мерцалов, наблюдая всю сцену, покачал головой и важно сказал Дее, принимавшей у входа лавки добрые пожелания хозяина:

— Эти молодцы, в конце концов, зайдут в своих шутках слишком далеко! Вот увидишь, не миновать беды! А я посмеюсь последним! Их ждут большие неприятности!

ГЛАВА 4

Напротив кисловодского железнодорожного вокзала выстроили помпезное здание для концертов. Его великолепии могло удовлетворить самые изысканные вкусы столичной публики. Там же предполагалось проводить и приемы с участием высокопоставленных особ.

По соседству располагался курзал, построенный довольно давно, но многократно переделанный, в котором проходили выставки, лекции и небольшие концерты в межсезонье.

Сейчас все ожидали первого октября — дня открытия круглогодичного курорта, пока концерты шли только любительские, а Обухову, Собинова и, конечно, самого любимого певца Российской империи — Шаляпина, пригласили на торжества.

Валериан Мерцалов тоже мечтал выступить во время празднеств, но понимал, что вряд ли ему предоставят такую возможность. Он поговорил с Деей и отправил ее к градоначальнику, чтобы она убедила отдать ему на один вечер курзал. Почтенный управитель Кисловодска, предупрежден-

ный приставом Шахмурзиевым, вертелся, как угорь на сковороде, чтобы не обидеть госпожу Кукушкину, о состоянии и положении в обществе которой был наслышан. В конце концов он предложил компромисс — чтобы Валериан читал стихи прямо на площади. Градоначальник совсем не знал Валериана, потому и совершил ошибку. Услышав, что ему дали возможность выступить на площади, почти как политическому агитатору, Мерцалов надулся, потом весь день хандрил, изводил Дею капризами и жалобами на судьбу, забросившую его в эту Тмутаракань. Но, поддавшись уговорам своего Мецената (как иногда высокопарно называл он госпожу Кукушкину), выпил сырое яйцо, вызвал цирюльника в номер и, посвежевший, одетый с иголки, отправился «искать признания».

Дамы и господа любовались с утоптанной площадки видом бульвара и извилистых улочек, рассматривали новое здание, обсуждая стиль и особенности уникального строения. Девушки, окончившие в этом году гимназию, кокетничали со всеми представителями мужского пола от двадцати до семидесяти лет, офицеры с большей или меньшей степенью откровенности флиртовали с молодыми особами, более искушенными в светской жизни. Оглядев потенциальную аудиторию, Валериан тяжело вздохнул, послал Дее страдальческий взгляд и направился к ступенькам курзала.

Дея решила взять с собой брата, хотя Серж еще не вышел из немилости. Ему уже сутки не удавалось припасть к «живительному источнику»: сестра следила за ним, как коршун.

— Дамы и господа, — хорошо поставленным голосом произнес Мерцалов, — предлагаю вам послушать поэтические произведения, автором которых является ваш покорный слуга.

Поскольку иных развлечений все равно не предвиделось, отдыхающие заинтересовались, тем более что выглядел Валериан вполне прилично.

Первые два стихотворения произвели на публику довольно приятное впечатление. Валериану зааплодировали, а кто-то из офицеров одобрительно выкрикнул:

— Достоин похвалы, господин поэт! Еще, еще!

Мерцалов, поклонившись, приложил правую руку к сердцу, а левой посылал воздушные поцелуи прекрасным дамам. Дея, в светлом платье, в широкополой шляпке с серебристой вуалью, счастливо улыбалась.

— Что ж, господа, раз вы так меня принимаете, я почитаю вам стихотворение, ставшее в этом сезоне самым модным в салонах нашей прекрасной столицы. — Валериан откинулся спиной на перила ступенек, вскинул руку и, прикрыв глаза, начал декламировать:

*Вдох и выдох. Наслажденье
В мерном ритме тел движенье,
Белоснежной кожи глянец,
Родинки интимный танец...*

Среди публики раздались возмущенные возгласы, кто-то спешно уводил с площади детей, кто-то настоятельно требовал позвать полицию. Но у поэта нашлись и сторонники, которые шикали на недовольных и требовали продолжения. Сам же Валериан, казалось, ничего вокруг не замечал:

*Сны молчанием коснулись,
Среди зелени очнулись —
Солнце нежно плавит небо,
Были призрак или небыль?..*

Начались волнения, грозящие перейти в скандал. Смятение охватило публику — многие не знали, как реагировать, но почтенные старцы и дамы средних лет выразили свое мнение совершенно определенно: необходимо запретить подобную безнравственность. С ними не соглашалась группа молодых людей, а также пара военных.

Между тем в толпе показалась дама, которая привлекла пылкое внимание Борея и Адама. Ее супруга не было видно, зато неподалеку от красавицы оказался тот офицер, которому она посылала улыбки на бульваре. Офицер, в чине штабс-капитана, воспользовался вызванной Валерианом суматохой и сумел приблизиться к ней. Шум и толкотня были ему только на руку, и он дожидался какой-нибудь возможности представиться даме — на курорте можно было обойти строгие правила приличия.

Тут на площади появились урядники, а вскоре и сам пристав.

— Так-так, господин Мерцалов, вы пренебрегли моим предупреждением, — холодно обратился Шахмурзиев к поэту, — вам эта выходка дорого обойдется.

— Арестовать его! В кандалы! В Сибирь! — кричала бойкая старушка в старомодном салопе, воинственно размахивая зонтиком в опасной близости от лица Валериана.

— Я здесь с разрешения градоначальника, — гордо выпрямился Мерцалов, отодвинувшись от почтенной амазонки, — вы не имеете права!..

— О, нет, у меня есть право, не сомневайтесь, господин поэт. Прошу вас проследовать в участок, — потребовал пристав.

— Я никуда отсюда не уйду! — Валериан вцепился в перила веранды курзала. Если будет надо, то я прикую себя цепью!

— Ну, уж этого я вам не позволю, сударь. Давайте миром решим, не заставляйте силу применять.

Мерцалов и Дея вступили в препирания с приставом, а Серж, бродивший по площади, узрел очаровательную особу, взгляд которой пытался поймать штабс-капитан.

— Ах, какая куколка! — зачмокал он губами и попытался схватить даму за руку.

Та испуганно отшатнулась от него, и рядом с ней мгновенно вырос возмущенный офицер:

— Сударь, вы что это себе позволяете! — оттеснил он Павленко от дамы.

— Тише, господа, тише! — просила она разошедшегося Сержа и своего защитника, испуганно оглядываясь по сторонам.

Шахмурзиев прищурился, пытаясь разглядеть виновника нового инцидента. Чуть заметное движение головы, и два урядника уже направились в сторону ссорящихся мужчин.

— Господин Шахмурзиев, вы же образованный человек, — горячо убеждала его Дея, не заметившая выходки брата, — вы должны поддерживать развитие искусства...

— Простите, мадам, в первую очередь я обязан поддерживать порядок во вверенном мне городе. Лучше убедите своего протезе добровольно проследовать в участок, дабы не усугублять.

В этот момент урядники подтащили упирающегося Сержа.

— Вот, ваше благородие, безобразил, к даме приставал, а все потому, что нетверезые-с...

— Извольте, господин Мерцалов, вот плоды вашего, э-э-э, поэтического дара. Так, забираем обоих!

Несмотря на протесты Диотимы и слабое сопротивление Мерцалова, его и Сержа увели с площади под охраной.

Тем временем на площадь добрал и старец — супруг очаровательной дамы. Он выглядел обеспокоенным и искал свою половину.

— Леночка, душа моя, что здесь произошло? — протянул он сухие руки навстречу красавице.

— Так, ничего особенного, какие-то агитаторы выступали...

— Какой ужас! — проблеял перепуганный господин. — И сюда добрались!

— Нет-нет, полиция прибыла так быстро, что никто толком ничего не понял. — Леночка улыбнулась мужу и нежно взяла его под руку: — Ангел мой, тебе пора воду пить.

Они покинули площадь, причем дама оглянулась на бравого штабс-капитана, который последовал за ними, правда, на некотором расстоянии.

Адам, который тоже со своими друзьями находился на площади, увидев эту сцену, страшно расстроился. Вдруг в толпе он заметил Диотиму Кукушкину, которая сжимала руки с видом профессиональной плакальщицы на похоронах. После того как Мерцалова увели, она словно поблекла, несмотря на чрезвычайно модный и дорогой наряд.

— Петро, ты, кажется, желал узреть урок чарующего обхождения с дамами? — оживился поэт. — Ну что ж, учись, пока я жив. Для репетиции более важных боев эта мадам вполне подходит.

Вальяжно, как будто прогуливаясь, Адам подошел к Дее. За ним шел Петруша, след в след повторяя шаги старшего друга.

— О, сударыня, мне страшно жаль, что Валериана арестовали, — почтительно склонил голову Адам перед одинокой фигурой.

— Для вас — господина Мерцалова, — вздернула подбородок госпожа Кукушкина.

Адам смиренно вздохнул и одарил Дею взором беззащитного теленка, впервые оказавшегося без матери:

— Прошу прощения, я хотел сказать, что господина Мерцалова арестовали, вероятно, по недоразумению, наша полиция славится своим отношением к поэтам.

Дея перестала походить на каменное изваяние, хотя еще и сомневалась в искренности давнего врага своего кумира.

— Вы должны торжествовать, господин Желевский, ваши отношения с Валерианом таковы, что...

— Ох, несравненная... простите, я слышал, что вас зовут Дея, но я не смею... так вас зовут только близкие...

Петруша отвернулся в сторону, чтобы подавить смехок, лицо же Адама продолжало лучезарно светиться.

— На самом деле меня зовут Диотима... Сергеевна. Дея — это просто для краткости. — Госпожа Кукушкина позволила себе слегка улыбнуться.

— Великолепное имя, Диотима — это «богобоязненная». Так звали легендарную греческую жрицу, перед которой склонялись цари. Вы знаете, Дея вам подходит, ко всему вашему облику, стати, но мне больше нравится Диотима, вы только вслушайтесь: «Диотима Великолепная»! Так вот, Диотима Сергеевна, мое отношение к господину Мерцалову носит характер не ненависти, а ревности — ревности к поэзии, если вы понимаете. Разве вы не замечали у творческих личностей, м-м-м, некоего соперничества, духа соревнования...

— Да, кажется, я начинаю понимать. — Жертва попалась в нехитрую ловушку, и теперь охотнику оставалось только представить эту ловушку как можно более привлекательной.

— Между прочим, в Петербурге я видел Валериана с другой дамой... Брюнеткой...

— Ах, да, вы говорите о Верочке Беркутовой. Это подруга Валериана, актриса Александринского театра... Посредственная. Начинала дублеркой Елизаветы Тиме, сейчас выдвинулась на первые роли. Она бросила Валериана ради театра... Он ужасно страдал, и сейчас еще страдает.

— Актриса бросила господина Мерцалова? — искренне удивился Адам. — Она не захотела делить с ним служение искусству?

— У вас идеалистические представления о служении искусству, молодой человек. Верочка — актриса, а они страшно эгоистичные существа. Валериан на нее молился, почитал своей Музой, но в итоге и сам понял, что они друг другу не подходят. Мне жаль ее, но она сделала свой выбор.

— Как вы великодушны, мадам. — Адам подхватил руку Кукушкиной и прижался к ней горячими губами.

По лицу генеральской вдовы разлился жгучий румянец, она откинула вуаль на поля шляпки и ласково посмотрела на поэта.

— О, я прекрасно понимаю, что Верочка хороша собой и... довольно молода. Страсть Валериана меня несколько не удивляет. Но Верочка и поэзия — простите, это два берега, разделенные океаном.

— Так вот в чем источник творчества — в страданиях, — задумчиво кивнул Адам. — Вот чего мне не хватало, чтобы подняться на иной уровень в искусстве...

— Так вы просто завидовали Валериану? — Дея залилась смехом и словно помолодела. — Но вы так юны, у вас впереди вся жизнь! А Валериан — в рассвете своего таланта, вы друг другу не соперники.

— Мадам, вы раскусили меня. — Адам тоже рассмеялся — многозначительно и довольно фамильярно: — вы действительно прозорливы, как жрица.

— Но почему бы вам не поступить, как Кора? — спросила Дея. — Она видит в Валериане мэтра, относится к нему, как к учителю. Придите к ним, и вы сможете многого добиться в поэзии. Кора уже привлекла внимание знатоков и публики.

— Увы, думаю, Валериан Анатольевич уже не захочет иметь со мной дела, — поник Адам, — слишком далеко все зашло...

У Деи была слабость — она мечтала о славе покровительницы талантов:

— О, он совсем не злопамятен, великодушен, а сердце у него благородное! Я замолвлю за вас слово, и ваша глупая вражда будет забыта.

— Но пока он в этом ужасном каземате...

— Да-да, я немедленно отправляюсь к градоначальнику. Валериан будет освобожден до захода солнца. А во время ужина вы можете подойти к нашему столику.

— Я бы так не спешил, — застеснялся Адам, — надо дать время Валериану... Анатольевичу прийти в себя, да и я еще не готов.

— Что же мы будем делать?

— Давайте, разработаем с вами тайную систему знаков, — почти шепотом предложил Адам. — Смотрите на меня при встречах, когда я сделаю так, — он поправил старинную серебряную булавку в галстук, которую отказывался продать в самые голодные времена, — то можете вступаться за меня. К тому же и Кора скоро приезжает...

— Да, я знаю, послезавтра. Надеюсь, она не доставит хлопот, — слегка нахмурилась Кукушкина и тут же добавила: — Ну, все, мне пора, прощайте, молодой человек, прощайте!

— Ну и как? — подошел к Адаму Петруша. — Я понимаю, что ты шутил с Диотимой, но к чему это тебя приведет?

— Посмотрим, посмотрим, — пробормотал Адам, — кое-что она мне поведала, а теперь надо подумать, как это использовать.

ГЛАВА 5

Но у Диотимы вышла неувязка. Градоначальник отбыл в Пятигорск по каким-то делам, и управа пустовала. Умолять Шахмурзиева об освобождении узника было бесполезно, и внутренний голос подсказывал покровительнице искусства, что попытка выкупить поэта за некую сумму встретит у пристава суровый прием.

Пришлось смириться и ждать. В результате Валериан провел в заточении не только ночь, но и значительную часть следующего дня. А необходимость делить и так не слишком комфортабельное помещение с Павленко вообще ввергла Мерцалова в пучину страданий.

Госпожа Кукушкина все-таки смогла добыть у почтенного начальника городской управы заветную записку и вызволила друга под неодобрительные взгляды Шахмурзиева.

— Убедительно прошу вас больше не учинять беспорядков, сударь, иначе я буду вынужден прибегнуть к более суровым мерам, — строго напутствовал пристав поэта.

Из недр полицейского участка вдруг раздался жалкий вопль:

— А я как же? Сестрица, не бросай меня здесь!

Шахмурзиев посмотрел на Дею:

— Насчет господина Павленко никаких указаний не поступало...

— Ах, я и не просила, — все внимание Кукушкиной было направлено на Мерцалова, — пусть сидит... сколько вы сочтете нужным, — и Шахмурзиев понял, что сейчас судьба брата ее мало интересует.

— Валериан, друг! Не покидай меня! Я не могу! Сестра, ты же знаешь, я не могу находиться в тюрьме! Ты же знаешь, я без него не могу! Он мне нужен!

— Ваш брат не может обойтись без господина Мерцалова? — удивился пристав. — Странная привязанность!

— Ах, он сам не знает, что говорит! — пробормотала Дея и крикнула в сторону комнаты заключения: — Сам виноват! Посиди и подумай! И здесь не тюрьма!

Она как-то суетливо обернулась к Шахмурзиеву, стараясь не вслушиваться в поток разносящихся по участку жалоб, и спросила:

— Вы поймали убийцу бедной девушки?

— Ищем-с, — насупился пристав, — но в город он уже не проберется, будьте покойны. Больше никаких убийств!

На следующее утро «мушкетеры» разгуливали по платформе. Хмурый Борей, который до последней минуты отказывался идти встречать подругу, сонно разглядывал толпу, выискивая колоритную натуру.

— Жизнь продолжается, — вдруг покачал головой Алкамен.

— О чем ты? — спросил Петя.

— Даша умерла, а мир остался таким же безразличным и холодным. Люди — эгоистичные и безжалостные существа.

— Ах, Даша! — вздохнул Петруша. ...

Борей участия в разговоре не принимал — его внимание привлекла дамочка рядом со своим супругом.

— Душа моя, Леночка, как же ты одна? — вопрошал пожилой господин, сжимая нежную ручку, — Мне страшно оставлять тебя здесь!

— Ах, ангел мой, буду умирать от тоски, но тебя ждут в Москве, дело — прежде всего.

Личико из-за плеча озарилось улыбкой, которую поймал подтянутый штабс-капитан, нетерпеливо вышагивающий неподалеку. Офицер подкрутил ус и послал даме воздушный поцелуй.

— И потом, мое здоровье... — Леночка всхлипнула, а изумрудные глаза хитро сверкнули.

— Ах, мое сокровище, прости! Было бы жестоко увозить тебя в слякотную Москву, — вздохнул несчастный муж.

— Смотрите, наша красавица! Кажется, цербер отбывает домой! — радостно воскликнул Борей, откровенно любуясь дамой. — Так-так, у меня появилась надежда!

Под звон вокзального колокола, лязгая железом и фыркая паром, подкатил московский экспресс. Петя метался от вагона к вагону, ища знако-

мую фигуру. Алкамен и Адам встали рядом с Бореем. Они не суетились, так как знали: Кору не надо искать, она сама о себе заявит.

Чемоданы, саквояжи, возгласы: «Сюда!», «Носильщик!» — все как-то притихло, когда на приступку вагона вышла дева в сиреновом наряде и прозрачном шарфе, накинутом на голову, из которого выбивались темные кудри. Ее глаза, обведенные кругами, казались огромными.

— Здравствуй, Кора, ты как всегда великолепно, — небрежно бросил Борей, подавая руку поэтессе.

Она сошла на платформу и торжественно оглянулась. Алкамен снял с приступки два чемодана, Адам дружески приложился к бледной щеке, Петруша суетливо поправлял складки ее одеяния.

— Где репортеры? — томно спросила Кора. — Я готова рассказать о своем пребывании в Москве.

— Репортеры ловят знаменитостей у источников. Как тебе Москва?

— Дыра! — скривилась Кора. — После Санкт-Петербурга там скука смертельная. Впрочем, есть несколько приятных местечек. А-а-а, Петр, — протянула она, — твоя матушка передала тебе письмо... и деньги. Только я прокутила их самым бессовестным образом. Ты не сердись на меня?

— Что ты, Кора! Да я для тебя... И потом, матушка выслала еще, вчера получили.

— Вот и чудесно! — Кора отбросила его руку и повернулась к Борей: — Набедокурил, пожалуй, пока меня не было?

В этот момент их потеснили отъезжающие. Очаровательная Леночка запихнула в вагон своего мужа, хотя поезд отправлялся только через два часа, и сказала ему:

— Прощай, друг мой, мне пора нарзан пить.

— Леночка, — проблеял супруг, — ты должна помнить о своем слабом здоровье! Не отходи далеко от бульвара, ангел мой.

— Да-да, конечно, от «Гранд-отеля» только в галерею и к ваннам, — громко ответила Леночка, — да и кухня в отеле, пожалуй, лучшая, так что ужинать буду там.

Она взмахнула ресницами, скупно улыбнулась мужу и поплыла к выходу, где мелькала осанистая фигура штабс-капитана.

— Жалкая обывательница: убога и безнадежно буржуазна, — глядя ей вслед, процедила Кора.

— Но на холсте будет смотреться великолепно, — усмехнулся Борей.

— Эта женщина достойна короля! — прокричал Адам, привлекая внимание дежурившего на вокзале урядника.

— Да, что-то в ней есть, — согласился Алкамен, но как-то невыразительно.

Кора хотела что-то добавить, но вмешался Петруша:

— Знаешь, Кора, тут на днях убили девушку, ее нашли в фонтане...

— Ах! — восторженно воскликнула Кора, — смерть следует за мной повсюду! Девушка, надеюсь, красива?

— О, да! — встряхнул головой Борей. — И молода, к тому же! Ее задушили. Она работала в нарзанной галерее, подавала лечебную воду недужным. Простая девушка, в поэзии вряд ли разбиралась... И вообще в искусстве.

— Что ж, стало быть, смерть — лучшее, что с ней могло произойти.

Кора оперлась на руку Борей, второй подхватив за локоть Адама:

— Закатимся вечером в ресторан?

— Конечно. Должны же мы отметить твой приезд. — Борей оглянулся на Петрушу: — Беги, закажи столик в ресторане «Гранд-отеля».

Ресторан ломился от посетителей, внизу на террасе ставили дополнительные столики, несмотря на вечернюю прохладу.

Кора, только что возле нарзанной галереи третировавшая и репортера, и фотографа, казалась недовольной, пока в зале не узрела за дальним столиком Мерцалова с Деей.

— Дорогой мэтр! — с криком бросилась она к Валериану.

Взоры многих посетителей следовали за ней. Перед стулом поэта она, нисколько не смущаясь, встала на колени и поцеловала его руку. Потом поднялась, оглянулась и громко произнесла:

— Этот человек — гордость российской литературы!

— Кора без спектакля не может прожить ни минуты, — холодно заметил Борей, прикрывшись меню, — но меня увольте...

— Зато как счастлив Валериан! — хмыкнул Алкамен.

Вскоре Кора вернулась к столику друзей, излучая довольство, и была встречена молчаливым упреком троих из «мушкетеров», а потому решила уделить толику внимания потерявшемуся от счастья Пете.

Борей начал скучать, но тут поймал устремленный в глубь зала взгляд Алкамена и воскликнул:

— А-а-а, давешняя барынька! Пора познакомиться поближе!

Он встал и прошагал к столику возле окна.

— Позвольте представиться — Борей. А что же вы скучаете, просим за наш столик!

— Ах, я не одна. Мой... кавалер встретил знакомого в курительной комнате.

— Тогда я вас похищаю. Но должен же я знать, как вас зовут!

— Притокина Елена Андреевна. — Дама порозовела и поправила прическу.

— Тогда я украду вас, как Парис прекрасную Елену!

— Дорогая Елена Андреевна, это мои друзья: Алкамен, пан Желевский, а где-то тут мой подмастерье Петро с нашей прекрасной Корой, — представил своих друзей Борей, усадил ее за столик и приказал подать еще шампанского.

— Господа, какие у вас странные имена. — Елена с улыбкой приняла бокал.

— Мы — творцы, художники! Борей — это бог северного ветра, сильный, мощный, он несет перемены, сметает все отжившее!

— Да, вы такой... — прошептала дама, взглянув на Борю.

А он вынул из петлицы белую розу и произнес:

— Примите сей скромный цветок, который меркнет пред вами, его лепестки — лишь жалкое подобие вашей кожи, а аромат...

— Могу я знать, что здесь происходит?

За спиной Борю возник тот самый штабс-капитан, которому госпожа Притокина последние два дня строила глазки.

— Ах, Николай Сергеевич, эти господа — художники, они были так любезны!

— Вот как! — По тону офицера было ясно, что на любезность ему плевать, а принадлежность господ к миру искусства вызывает в лучшем случае подозрение.

Алкамен хотел что-то сказать, но Борей уже поднялся и громко произнес:

— Господин офицер, ваша дама скучала, зачем же вы ее бросили?

Штабс-капитан вспыхнул и подступил к художнику почти вплотную. За соседними столиками зашептались, Елена Андреевна занервничала. Назревал скандал. Алкамен, попытавшись вклиниться между противниками, напомнил Борю, что пристав Шахмурзиев больше не потерпит драки в общественном месте, Адам обмахивал папкой с меню раскрасневшуюся Притокину. Но тут к столику подлетела Кора, как птица, почуявшая угрозу для своего гнезда. За ней тенью следовал Петруша.

— Господа, господа, я умираю от жажды! Полцарства за бокал шампанского! Ах, у нас гости! Душка-военный! Пригласите меня на танец!

Ее привычный к большой аудитории громкий голос привел соперников в чувство. Штабс-капитан отступил, щелкнув каблуками, наклонил голову и процедил сквозь зубы:

— Вынужден вас покинуть. Елена Андреевна, надеюсь, вы не пожалеете о своем выборе!

Все, кроме Борея, облегченно вздохнули.

— Мы немедленно должны выпить! — Кора величественно махнула официанту.

Задвигали стульями, зазвенели бокалы...

Чуть позже в ресторане появился Шахмурзиев, но не по служебной надобности, а как обыватель — привел супругу на ужин. Усадив жену и убедившись, что заказ принесут незамедлительно, пристав подошел к Мерцалову и Дее. Несколько демонстративно не замечая поэта, он приложился к руке Дее и объяснил свое вторжение:

— Госпожа Кукушкина, не мог не подойти, уж простите меня великодушно! Два часа назад мои орлы поймали злодея.

— Ах! — прижала руки к брюссельским кружевам Диотима. — И где же он скрывался?

— В ущелье, верстах в семи от города. Уж я его так запер, голубчика, — не сбежит! Так что можете отдыхать совершенно спокойно!

— Господин Шахмурзиев, вы просто чудесник!

— Душегуб уже сознался в убийстве? — спросил Валериан, просто, чтобы принять участие в разговоре.

— Я его не допрашивал, — сухо ответил Джабраил Муртазиевич, — как ни странно, мы, полицейские, тоже люди. Да и для разбойника этого лучше ночку под замком посидеть, сговорчивее завтра будет.

К ним вдруг подбежала Кора, чуть не толкнув Шахмурзиева. Тот недовольно нахмурился и, откланявшись, вернулся за свой столик.

— Дея, почему бы нам завтра вместе не поехать на пикник? — спросила Кора. — Борей предложил полюбоваться на гору Кольцо, говорят это необыкновенное чудо природы!

— Я согласна, — обрадовалась Диотима, — Валериан, поедем, друг мой! Сколько может продолжаться эта глупая ссора? Покажи юнцам, что ты выше мещанских взглядов!

Как обычно, долго отнекиваясь, Мерцалов, в конце концов, сдался на уговоры.

— Только пусть твоя шайка держится в рамках приличия, — величаво бросил он Коре, — а то я вызову кого-нибудь из них на дуэль.

— Не беспокойтесь, мэтр! Они у меня будут как шелковые! — пообещала Кора и, послав поэту и Дее воздушный поцелуй, вернулась к Борею.

— Решено! Покажем Мерцалову образец светского обхождения! — сказал он, когда она сообщила о согласии Мерцалова присоединиться к их компании. Встречаемся в десять утра возле нарзанной галереи. Петро, ты наймешь экипажи до завтрака, Алкамен, позаботься о пайке —

свежий воздух аппетит разгоняет. Елена Андреевна, настаиваю, чтобы вы ехали с нами!

Услышав эти слова, Кора шумно вдохнула и про себя пообещала, что ветреный возлюбленный еще пожалеет...

ГЛАВА 6

Экипажи ждали в условленном месте, участники поездки собрались в назначенное время, сколь удивительным это не казалось бы. Поехали в двух экипажах. Стараниями Деи и Кору в одном оказались они с Мерцаловым, а также недовольный этим обстоятельством Адам. Во втором разместились Борей, Алкамен, Петя и Притокина. Адам, оторванный от друзей, стучевался, кроме того, ему хотелось ухаживать за Еленой Андреевной, а вместо этого ему дали понять, что ухаживать надо за Мерцаловым. Поэтому большую часть пути он молчал, злясь на весь свет, а больше всего на Борей, который флиртовал с госпожой Притокиной, все больше попадающей под его очарование.

Лошади весело бежали по знаменитой дороге из Кисловодска в Пятигорск, и у всех, кроме Адама, было хорошее настроение. Но самым удивительным было то, что Мерцалов сегодня не капризничал, не раздувал по своему обыкновению щеки, а был весел и говорлив, даже как-то помолодел. Он ворковал с Деей, непринужденно беседовал с Корой и даже соизволил пару раз обратиться к Адаму. Госпожа Кукушкина не смогла удержать себя от мечтаний о совместном и, конечно, счастливом будущем.

— Где-то здесь Печорин потерял своего верного коня, — вещал Петруша, стараясь, чтобы в соседнем экипаже Кора его расслышала, — когда хотел догнать княгиню Веру.

— Я бы за этой княгиней не погнался, — рассмеялся Борей, — но вот за вами, дражайшая Елена Андреевна...

— Ах, мсье Борей, вы просто шутите, — опустила глаза Притокина.

— Пожалуй, что и не шутит, — серьезно сказал Алкамен, — он бы поскакал, и не одного несчастного коня пристрелил бы ради... — Скульптор замолчал и тихо вздохнул.

В другом экипаже Кора пылко схватила за руки сидящего рядом Адама и воскликнула:

— Ты помнишь, мы в Петербурге мечтали устроить поэтический турнир?

— Да, была такая мысль, — кивнул пан Желевский, — только хотели на свежем воздухе, а в столице все дождь да дождь.

— Вот! Почему бы нам не устроить турнир здесь? Здесь такие теплые и прекрасные ночи! Это будет великолепно!

— Интересное предложение, — прищурилась Диотима, — конечно, без столичного шика, но что поделаешь! — Она многозначительно посмотрела на Мерцалова..

— Пожалуй, такой опыт может оказаться полезным, — процедил Валериан.

— Сегодня ночью! Сегодня же! — Кора немного манерно опустила на сиденье. — Адам, ты готов?

— В любой момент, — усмехнулся он, гордо вскидывая голову, — мне бояться нечего!

Гора Кольцо красовалась в конце небольшой гряды, представляя собой уникальное природное явление — ветер за многие столетия полностью выдул ее центр. Подъехав к подножью хребта, все вышли из экипажей, восторгаясь красотами.

— Я хочу забраться наверх! — крикнула Кора. — Пусть ветер поведаст мне свои сказания!

Ее легкая фигура замелькала на тропинке, то появляясь, то исчезая за ее поворотами. За Корой немедленно последовал Петя. Мерцалов заглядывал на тропинку с разных сторон, боясь, что запыхается и даст слабину перед молодыми и физически более развитыми спутниками.

— Елена Андреевна, поднимаемся? — подал руку Притокиной Борей.

— Ах, нет, это высоко... Я боюсь! — отшатнулась дама.

— Позвольте предложить вам пройти по долине. — Адам решил, что пришла пора оспорить предмет страсти у художника. — Уверен, тут есть прекрасные виды.

Елена Андреевна из-под опущенных век следила за Бореем, ей хотелось покорить его окончательно, превратить в своего раба — она никогда еще не встречала мужчину такой мощи, он совсем не походил на людей ее круга. Не желая тащиться следом за компанией, Борей полез наверх и крикнул, запрыгав по камням:

— Я быстро набросаю в блокноте и спущусь!

У подножия гряды уже прогуливались Мерцалов с Деей, и Адам с Алкаменом, переглянувшись, повели Притокину в противоположную сторону.

Борей, добравшись до Кольца, увидел унылую фигуру Петруши, который сидел на камне, подперев голову руками, и рявкнул:

— Почему ты не работаешь? Тебе заняться нечем?

Насупившись, молодой человек вынул из нагрудного кармана блокнот и карандаш и вяло принялся за наброски. Борей, сжав руки в кулаки, прошел по тропинке до конца.

Раскинув руки, Кора стояла на открытой площадке. Она не повернула головы, ее сиреневый шарф развевался на ветру. Что-то дрогнуло в сердце Борея, что-то родное когда-то, и он шагнул к ней. Она повернулась к нему и вдруг тяжело вздохнула:

— Знаешь, а я все-таки подожду. Ты пленился этой барынькой — на здоровье. У меня широкие взгляды. Через два дня ты избавишься от нее. Я тебя знаю! После ночи любви — несколько эскизов, несколько бокалов вина, а потом... Ты приползешь ко мне, на коленях приползешь! И я тебя, пожалуй, прощу, друг мой!

Борей расхохотался так, что, казалось, гора содрогнулась, резко повернулся и пошел обратно. Кора пошла за ним на некотором расстоянии.

Неподалеку раздавался дружный смех, и мелькало серое дорожное платье — Елена Андреевна, кажется, вовсе не скучала без своего обожаемого. Такое коварство должно было еще больше разозлить Борея, но, как ни странно, напротив, успокоило его.

— Вы много потеряли, что остались внизу. Сказочные просторы открываются оттуда! — громко крикнул он и через минуту уже оттеснял Алкамена от госпожи Притокиной.

А в противоположной стороне, в прохладной тени густой рощи, прогуливались Диотима и Мерцалов. Дея раскрывала ему положительные стороны предложения Кору.

— Ангел мой, ты не должен отгонять от себя то, что само плывет тебе в руки. Да это и не будет собственно турниром, скорее репетицией такового.

— Ну, что за интерес перебрасываться стихами в компании из трех человек? — пожал плечами Валериан.

— Пусть так, но мы пригласим всех, даже этого Борея и госпожу Притокину... Он ведь ею сильно увлечен, значит, если придет она, за ней и он явится. Я случайно узнала из разговора в «Гранд-отеле», что она супруга очень влиятельного человека, и богатого, к тому же. Живут они в Москве, а тебе пора заявить о себе и там. Ее поддержка может оказаться далеко не лишней...

— Согласен, душа моя, с госпожой Притокиной надо сойтись поближе. Она довольно приятная дама, и, полагаю, ты быстро найдешь с ней общий язык. Вы, так сказать, из одной среды. Узнай, нет ли у ее супруга возможности устроить мне в Москве выступления, цикл лекций о поэзии...

— Чудесная мысль! — обрадовалась Дея, — цикл лекций о поэзии — это солидно, пора тебе, друг мой, выходить в свет, в настоящее общество. Уличные выступления хороши до поры до времени, теперь у тебя есть имя, известность — используем все возможности, чтобы тебя начали принимать всерьез по всей России!

Так, в мечтах о воздушных замках госпожа Кукушкина и Мерцалов столкнулись с «мушкетерами» и Еленой Андреевной. Сели у плоского и широкого камня, закусили, выпили вина. К ним присоединился грустный Петруша, а Кора бродила вокруг, разговаривая со скалами и деревьями. Оба извозчика, хмуро наблюдая за компанией, между собой решили, что «почитай, все господа малость того, но вот барышня совсем плоха».

Обычно сдержанная, особенно с теми, кого считала нижестоящими по социальной лестнице, Диотима выглядела весьма оживленной. Она завела светскую беседу с Притокиной, была терпелива с Корой, когда та к ней подходила, взяла покровительственный тон в отношении Адама, материнские нотки проскакивали и в редкие моменты общения с Петрушей, даже Борей нашла в себе силы вежливо пригласить вечером в парк.

— Мы будем читать стихи на поляне при луне! — размечтался Адам. — Кора, ты непременно должна надеть белое платье! — крикнул он поэтессе.

Та подумала, согласно кивнула и, вскинув руки, нараспев продекламировала: — Черная ночь — белое платье! Жизни наряд — саван при смерти!

— А пусть все дамы наденут белые платья — они будут казаться цветами! — вдруг предложил Алкамен.

— Да, это очень красиво, — согласился Адам, — и так вдохновляющее!..

— Но, господа, белое в парке ночью — несколько непрактично, — засмеялась Елена Андреевна.

— К черту практичность! — ответил Борей, пылко целуя ее руку.

А Диотима обратилась к Мерцалову:

— Друг мой, я подумала, что Серж достаточно настрадался в участке. Он будет смирен, как овечка. Ты не возражаешь, если я уплачу за него штраф?

— Делай, как считаешь нужным, моя королева! — Надеюсь, его не обвинят в непристойном поведении, а то как-то...

— Нет-нет, жалобу никто не подавал, — быстро развеяла его беспокойство Кукушкина.

— Итак, — в очередной раз взял бразды правления в свои руки Борей, — ужинаем в «Гранд-отеле», берем с собой бочонок доброго вина и отправляемся в парк.

В ресторане все веселились напропалую, шутили, поднимали тосты за поэзию, за участников будущей битвы. Петя тоже старательно участвовал в шумной беседе, заявил, что намерен напиться до бесчувствия и немедленно начал воплощать в жизнь сей замысел.

— Друг мой, — поднял брови Алкамен, — таким манером ты через час ни на что годен не будешь. Посмотри, господин Мерцалов не усердствует с вином.

За соседним столиком Мерцалов действительно воздерживался от обильных возлияний, к чему призывал и Кору. Трапезу с Валерианом разделял и Серж Павленко. Сестра уплатила штраф и клятвенно пообещала приставу, что впредь будет следить за братом. Сейчас он сидел за столом, покаянно не поднимая глаз.

Притокина вздрогнула, когда увидела его рядом с Деей, но потом поняла, что тот просто не узнал объект своих преследований или сделал вид, что не узнал.

Борей сыпал комплиментами в ее адрес, Алкамен и Адам тоже вносили свою лепту.

Два прошедших дня подняли в душе Елены Андреевны сумятицу. Общество людей искусства было ей внове, все казалось таким увлекательным и далеким от обычной ее жизни. Каким простым и скучным на фоне этих удивительных личностей выглядел не только ее почтенный супруг, но и штабс-капитан — его ухаживания и комплименты теперь казались пошловатыми. Борей же так околдовал ее, что она просто теряла голову.

Впрочем, господин офицер вовсе не отказался от нее — не встретив Елену Андреевну днем в городе, сейчас, в ресторане, он прожигал ее взглядом, ожидая момента, когда легкомысленная особа поймет, что со стрелами Амура не шутят...

— Ага, я вижу, в вашем сердце все-таки есть уголок для бедного художника, — указал Борей на розу в прическе Притокиной, — вы сохранили мой цветок.

— Просто оделась, как и вчера, — покраснела Елена, — а цветок весь день лежал в холодной воде, потому и сохранился.

Часам к одиннадцати большинство отдыхающих отошло ко сну — настало время для тех, кто жаждал не восстановления здоровья, а совсем иных наслаждений. Объединившись в одну компанию, все вышли из «Гранд-отеля» и направились к парку. Поднялись по террасам наверх и выбрали просторную поляну между огромными соснами. Дея предусмотрительно запаслась пледами и накидками. Теперь их бросили на землю, и дамы расположились на них. Павленко всплеснул руками и воскликнул:

— Ах, какие красавицы! Просто белые розанчики!

Действительно, все женщины надели белые платья, и в темноте выглядели загадочно и привлекательно, даже Диотима.

— Мы должны вас охранять, — просюсюкал Серж, — а то похитят фавны!
— Мы сможем защитить своих богинь. — Борей не столько отвечал Сержу, сколько очаровывал Елену Андреевну.

Павленко было все равно, слушают ли его — он вдруг вынул из кармана маленький пистолет и с торжеством показал его.

— Демонов буду отгонять!

Дея немедленно вскочила и отобрала у брата оружие.

— С ума сошел! Я только что тебя из участка вытащила! В твоём состоянии ещё случайно в кого-нибудь попадешь.

Валериан поморщился и возмущенно спросил у нее:

— Где он ухитрился достать...это?

Серж, по-видимому, порывался объяснить, но сестра прервала его, да никому и не была интересна его история. Об инциденте тут же забыли.

Мерцалов откашлялся и, призвав несколько распаленную публику к вниманию, важно произнес:

— Дамы и господа, предлагаю приступить к нашему небольшому поэтическому испытанию!

И действие началось...

ГЛАВА 7

— Предлагаю каждому из нас троих прочесть свое стихотворение, а публика решит, кого они признают лучшим. Вы позволите, если я выступлю первым?

Никто не возражал, и Мерцалов, повернувшись к зрителям в три четверти, выразительно продекламировал:

*Огонь свечи в магистерском окне
В огне последнего рассвета тает,
И тень Креста на крепостной стене
Все ярче и чернее проступает.
Апокриф камня. В огненном вине
Последнее причастье принимают...
И возглас Альбы-герцога к толпе:
«Убейте всех. Господь своих узнает!»*

Дея зааплодировала. Серж, изрядно распаленный вином, закричал: «Браво! Браво!» Притокина прошептала: «Это так... глубоко!» — и тоже поаплодировала.

— Мне казалось, что стихи должны быть о любви, — недовольно произнес Адам, — или о чем-то прекрасном...

— Мы не оговаривали тему, — быстро ответил Мерцалов, — думаю, что это не важно. Поэзия бесконечна, нет никаких барьеров. Прошу вас, пан Желевский — ваша очередь.

Адам вскочил и вышел на импровизированную площадку.

*Идем, уже рассвет летит по крышам,
И сердца замирает ритм,
Идем, ведь нас давно никто не слышит,
Пусть этот мир горит!
Идем, но как прозрачно небо дышит.
Постой! Здесь Ангел говорит!*

— Bravo! Bravo! — закричал Алкамен, непринужденно копируя Сержа. Борей засвистел, а Петруша заколотил руками по многострадальной тележке. Притокина хлопала в ладоши и улыбалась всем подряд, а Серж тем временем добрался до второй бутылки, снеся ей горлышко отобран-ным у Петруши ножом.

— Ну-у-у, что же я могу сказать — весьма неплохо, — вынес свой вердикт Мерцалов. Но у нас есть еще третий выступающий. Дадим слово нашей Коре.

Девушка поднялась и заняла место Адама. По привычке воздела руки и звонким голосом не заговорила, а почти запела:

*Гулкий стук кровавого огня:
«Выпусти скорее, выпусти меня!», —
Мертвый свет исчезнувшего дня.
Бронзы зеркала отколотый кусок,
Нежной стали в пальцах холодок:
Мне руки вдоль по венам разрывая,
Кроваво-черный движется песок,
Привычной боли пульс виски бодает.
Без жизни душный воздуха глоток
Обрывком пепла вылетит проклятье,
Хрипеньем сердца в горле хохоток —
Уже спешит старуха в древнем платье,
Мы лихо выпьем с ней на посошок.*

Замолчав, Кора опустила руки и некоторое время стояла тихо.

— Великолепно! Это великолепно! — поднявшись, закричал Адам.

— Ура Коре! — вторил ему Алкамен.

— Это действительно так хорошо? — тихо спросила Притокина у Борея. — Что-то я сути не уловила...

— А-а-а, бросьте, не забивайте свою очаровательную головку этим бредом, — жарко прошептал ей на ухо художник и, пользуясь моментом, поцеловал белую шею своей соседки.

— Господа, господа! — потребовал внимания Валериан. — Теперь подсчитаем голоса. Итак, начнем с дам. Госпожа Кукушкина, ваш вердикт?

— Конечно, я голосую за вас, Валериан Анатольевич, но считаю, что Кора и господин Желевский тоже выступили достойно.

— Мерси, мадам. Госпожа Притокина, что вы скажете?

— Ах, это было чудесно, — пролепетала Елена Андреевна, — но меня просили быть Дамой, а потому я голосую за пана Желевского...

— Кора? Кому ты отдаешь свой голос?

— Вам, дорогой мэтр, — ответила девушка.

— Э-э-э, переходим к джентльменам... пока все еще могут говорить... Извольте, молодой человек, — обратился Валериан к Петруше.

— Я? Ой! Ик! Пардон! — Петруша поднялся с пледа, размахивая початой бутылкой. — Кора! Кора лучше всех!..

— Мы вам благодарны, — перебил его Валериан и обратился к Павленко:

— Серж, какие мысли у тебя?

— А что я? Все понятно — ты, Валериан, талантище! За тебя и голосую...

— Мсье, э-э-э, Алкамен?

— Кора была великолепна, мой голос — за нее.

— Теперь ваше слово, — холодно обратился Мерцалов к Борей, всем видом показывая, что его слово ровным счетом ничего не значит.

— Задачку вы мне задали, — усмехнулся Борей, — голосую за Адама — он мне, как-никак, друг...

— Адам, теперь вы.

— Раз не могу голосовать за себя, то отдаю голос Коре, — резко бросил поэт, — но мне действительно понравилось!

— Что же, господа, остался я сам, а у нас довольно близка ничья. Но я не допущу такого исхода. Кора, ты победила!

— За это надо выпить, — повернулся к Пете Борей, — если, конечно, еще что-нибудь осталось.

Оказалось, что даже объединенные усилия Петруши и Павленко не смогли опустошить запасы. Пробки вылетали, как ракеты в праздничный фейерверк.

— Кажется, друг мой, нам пора, — сказала Диотима Мерцалову, предполагая, что далее могут последовать не самые приличные сцены.

— Мы покидаем вас. Прекрасна молодость, которая способна веселиться бесконечно, но в моем почтенном возрасте пора на боковую, — громко сообщил Валериан.

Диотима стала искать брата, но его нигде не было.

— Вы ищите господина, который с вами пришел? — Петя еще был в силах оказать даме услугу. — Так он ушел только что, сказал, что пойдет в «Гранд-отель».

— Да? — удивилась Диотима, — на него это мало похоже. Наверное, арест даром не прошел. — И ее белое платье замелькало среди деревьев.

Мерцалова видно не было, но зато довольно долго рокотал его голос — он обсуждал с Деей прошедший вечер.

Спускались по террасам они довольно медленно, поэтому к «Гранд-отелю» подошли уже за полночь. Их напугала темная тень, метавшаяся вдоль здания. Но возле входа горел фонарь, и они со вздохом облегчения увидели штабс-капитана.

— Прошу прощения, господа, не хотел никого напугать, — приложил он руку к форменной фуражке, — но я видел, что с вами уходила на прогулку Елена Андреевна. Где же она?

— Э-э-э, упомянутая вами дама осталась в компании тех господ-художников. Таково было ее желание, — пожал плечами Валериан.

— Прекрасно! — сквозь зубы процедил офицер. — Что ж, теперь я знаю, что мне делать!

Не забыв любезно поклониться, он растворился в темноте.

— Какие страсти кипят! — усмехнулся Валериан. — Того и гляди, закончится смертоубийством.

— Ах, всего лишь поза! — не согласилась его покровительница. — Молодые люди пар выпускают.

— Пожалуй, но тебе не кажется, что госпожа Притокина себя несколько компрометирует?

— Это и неплохо, друг мой, — прищурилась Диотима, — тем охотнее она станет тебе помогать. Пусть ее порхает!

Разбудив недовольного швейцара, они отправились на покой.

А в парке на террасе спать никто не собирался. Там гулянье только разгоралось.

— Пойдемте же, пойдемте к деревьям! — призывала всех Кора, — там так таинственно! Мы словно в другом мире!

Притокина заметила, что надо было взять с собой свечки.

— Вот глупости! — рассмеялась Кора. — Ночь прекрасна! Зачем нам свет? Мы можем стать во тьме, кем захотим! Представляете, вы не знаете, кто к вам подкрадывается в ночи! Это прекрасно! Давайте ловить друг друга!

— Ой, Кора, я тебя поймал! — протянул к ней руки Петя.

— Нет! Я убегу в лес, а ты лови меня, как сатир нимфу!

Ее белое одеяние замелькало между деревьями.

— Догоню!

Петруша рванулся за ней, но споткнулся о корень, сел на землю и заплакал.

— Петро, не ной, — наставлял ученика Борей, — с ними так нельзя. Дамы, они любят силу. Не правда ли, Елена Андреевна?

Он протянул руки к Притокиной и зарычал, как медведь. Та нарочито громко взвизгнула и тоже скрылась за деревьями. Борей помчался за ней, крича что-то. Обиженный Адам бродил по поляне и декламировал себе под нос, потирая изящные аристократические пальцы.

— Алкамен, я совсем пьяный, — пробормотал Петруша, — а Борею хоть бы что...

— Ничего, Петро, скоро научишься пить ночи напролет, — хлопнул его по спине скульптор. — А сейчас надо Кору искать, а то куда-нибудь забредет. Да еще наш новый друг — чего от него ждать?

— Я с тобой! — Петя попытался подняться, но Алкамен уже скрылся за деревьями. Петя пригорюнился, что его бросили, и обратился к мелькающему в свете луны Адаму:

— Адам, не покидай меня хоть ты! Давай всю ночь пить!

— Отстань, у меня дело важное! Ах, ночь! Черная ночь! Напои меня своими соками! — И с этими словами пан Желевский, прижав руки ко лбу, тоже затерялся между деревьями.

— Предатель! — выкрикнул ему вслед Петя.

Он решил выпить в одиночку, но, обнаружив, что до оставшихся бутылок не сможет дойти, прикорнул под раскидистой сосной и задремал.

Проснулся Петруша от предрассветного холодка: все-таки почти конец сентября. Он поежился и поднялся с подстилки из сосновых иголок. Аккуратно собрал все пледы, сложил их на тележку, отвез ее под сосны, чтобы она не бросалась в глаза, и пошел вниз.

— Борей! Кора! Алкамен! — на всякий случай выкрикивал Петя, зевая.

— Ты, что ли, Петро? — раздался голос Борей, сбегавшего вниз не по лестнице, а прямо по склону.

— А где все? — приветственно шлепнул он ученика по спине.

— Ты меня спрашиваешь? — горько усмехнулся Петя. — Меня все бросили, разбрелись кто куда! Я думал мы «один за всех», а вы...

— Прости, с меня спрос невелик. Там, где замешана женщина, сам понимаешь...

Ответом ему было угрюмое молчание — Петя обиделся не на шутку.

— Ну, Петро, — Борей понял, что требуется поднять дух молодого человека, — тебя в жизни ждут еще тысячи незабываемых ночей! Все еще впереди! И знаешь, мы с Леночкой...

— Ага! — оживился Петя, — она уже Леночка! У тебя-то не зря, стало быть, ночка прошла!

— Я не намерен скрываться и прятаться, так Елене и сказал, — улыбнулся Борей. Тебе, как родному, скажу — наши чувства, м-м-м, нашли выход.

— И как это у вас все... вышло?

— Прости, друг мой, без подробностей! Но ты помнишь грот, вырубленный у подножья скалы? Мы гуляли, зашли туда, а дальше все как-то само собой вышло. А потом она: «Ах, как низко я пала! Подите прочь, я должна... что-то там испытать... а-а-а, чашу своего стыда!» Я и ушел, не люблю эти дамские штучки, бродил где-то, честно сказать, мало что помню.

— А она, что же, до сих пор в этом гроте? — забеспокоился Петруша. — Уже, наверное, скоро время завтрака...

— Да? Черт! Я за временем не следил, давай посмотрим, может быть, она ушла в отель? Вот, сама виновата! — неожиданно разозлился Борей.

Они спустились к нижнему парку. Мостик и грот располагались справа.

— Постой, — нахмурился Петя, — я пить хочу. Да хоть умоюсь немного, а то решат, что я какой-нибудь абрек!

Борей согласился, и они повернули налево, к берегу речки, умылись чистой горной водой, немного привели себя в порядок.

Вдруг со стороны мостика раздался женский крик, следом — мужские возгласы и еще один вопль, от которого Петя поперхнулся холодной водой. Борей вытянул шею — к «Дамскому капризу» бежали с противоположной стороны еще несколько человек.

— Что-то случилось! Бежим! — дернул он Петю за рукав пиджака.

На горбатом мостике без чувств распростерлась пожилая дама, которой никто не пытался оказать помощь. Почтенный господин солидного телосложения, прижав к лицу носовой платок, повис на перилах мостика, несколько человек стояли у входа в грот.

— Полиция! Полиция! — кричал один из мужчин, другой поддерживал даму, издававшую те самые леденящие душу крики.

Петя, юноша чрезвычайно благовоспитанный, подавив дурное предчувствие, скинул пиджак и положил его под голову дамы в обмороке. Борей же, не останавливаясь, добежал до грота, а через несколько секунд его догнал Петя. Их взору открылась страшная картина: на скамейке грота лежала мертвая Елена Андреевна. Ее руки были сложены на груди, голова повернута к выходу. Белое платье раскинулось аккуратными складками, шлейф спадал вниз. Но не только это так испугало свидетелей.

На полу в беспорядке валялись белые листы бумаги, исписанные прыгающим почерком. Перед телом на коленях стоял Адам. Темно-каштановые во-

лосы растрепаны, глаза дико блуждали с лица Елены на тех, кто стоял у входа. Время от времени он целовал шлейф платья и что-то невнятно бормотал.

На этот раз все было намного проще, да и я уже точно знал, что должен это сделать, сомнения развеялись, как пыль, как прах. Никто не понял в первый раз ничего, ни один человек! Да и теперь ничего не поймут, куда им!

А я — я мастер, творец! Пусть то, что я создал и не останется в этом мире, не посеет зерна, не пустит корни. Зато в том мире!..

Коли все прошло так просто, значит, Богиня смерти приняла мой дар, она благоволит ко мне, она простила мне то, что в прошлый раз я принял решение самостоятельно.

А Искусство? За свои старания я получил великую милость от Богини Смерти — она позволила мне не бросать служение Искусству. Я бы его оставил, ни секунды не жалея об этом, и отдал бы всего себя высшей цели. Эта жертва не принесла бы мне страданий, уже давно задумывался я, а в чем суть этого служения, в чем суть Искусства? Моя роль в нем столь мелка, что моего ухода никто и не заметил бы. Чем я занимался? Ел, пил, внимал «высоким» мыслям других. Все, все умеют разглагольствовать! А каковы дела их? Да как и мои до сих пор — ничто, пустое эхо, жалкое отражение в старом запыленном зеркале.

Посмотрите же теперь! Я поднялся до роли творца, я создаю, от меня теперь зависит... Нет, вы ничего не видите, слепцы, ведущие слепцов! Кто раньше обращал на меня внимание? Кто спрашивал совета? И он, он, гордец, думающий, что весь мир вращается вокруг него. Кем он считал и считает меня? Своим дополнением, льстиво оттеняющим его достоинства, робким лучом, освещающим его великолепие. Как же меня это задевало, иногда злило. А теперь — мне все равно, потому что я знаю то, что ему не дано. И никогда не будет дано.

И она... Она тоже меня в расчет не берет. Бросает жалкие объедки со стола. Нет, она добра, я знаю, что наши души связаны. Но она не понимает, многого не понимает. И сейчас она ничего не заметила, а я надеялся, что уж она-то увидит...

Не увидела. Или все же?..

Теперь я жду. Жду знака и боюсь, что на этом конец. Хочу ли я, чтобы все закончилось? Нет, передо мною только все стало открываться. Не хочу!

ГЛАВА 8

Борей первым делом рванулся к Елене, но сразу понял, что помочь уже ничем нельзя. Потом он попытался поднять Адама, вызвав бурю протеста

у всех собравшихся, кроме Пети. Поэт вырывался и снова падал ниц перед своей Дамой.

— Да что же это такое, Петро? — белыми губами прошептал художник своему ученику. — Леночка мертвая, а Адам не в себе...

— Нет!

Петя схватил Борея за плечи и встряхнул, что ему удалось, хотя наставник превосходил его весом раза в полтора.

— Этого просто не может быть!

Отпустив учителя, Петя тоже подошел к Елене Андреевне, зацепив по дороге ногой китайский фонарик, который стоял на каменном полу рядом со скамейкой. Внутри фонарика была поставлена погасшая свечка. Аккуратно вернув его на место, Петя содрогнулся, заметив в волосах дамы белую розу. Цветок совсем завял, как будто показывал — то же произошло и с его прекрасной хозяйкой.

Полиция прибыла минут через пятнадцать после возникшей суматохи. Два урядника оттеснили от входа в грот собравшихся, выгнали оттуда Петю, но Адама не тронули. Так его и застал пристав Шахмурзиев.

Джабраил Муртазиевич только принялся завтракать, когда ему сообщили ужасную новость. Подкатив к месту преступления на пролетке, он на ходу застегивал пуговицы кителя.

Подойдя к гроту, пристав кулаком ударил по скале, не обращая внимания на ссадину, и произнес слова, кои произносил в своей жизни крайне редко.

— Как же так? — выплеснув первые эмоции, покачал он головой. — Стало быть, мой абрек к убийству непричастен! Все-таки господин Желевский, а ведь меня предупреждали! Тьфу! Да уберите вы его отсюда! — приказал он урядникам. — Надо же все осмотреть.

— Юноша все следы затоптал-с, — угрюмо доложил урядник, кивая на Петю, — когда мы подроспели, они туточки шастали.

Урядники выволокли Адама, который все оглядывался на тело Елены, и увели силой. Свидетели осмелели, и на Шахмурзиева обрушился поток историй — кто и что видел. Пришедшая в себя пожилая дама уверяла, что собственными глазами видела, как безумец душил несчастную жертву. Направив всех к своему помощнику, пристав подозвал к себе Борея и Петю. Те подошли, повесив головы и опустив глаза.

— Ну-с, господа художники? Извольте радоваться! Вот вам итог вашей развеселой жизни. Просил ведь по-хорошему — уезжайте! — Шахмурзиев махнул рукой. — Кто эта дама?

— Притокина Елена Андреевна, — хриплым голосом ответил Борей, — постоянница «Гранд-отеля». Постоянно проживает... проживала в Москве.

— Ваша знакомая?

— Да... мы общались последние несколько дней.

— Та-а-ак, насколько я понимаю, пан Желевский за ней ухаживал. — Джабраил Муртазиевич не столько спрашивал, сколько утверждал.

— Ну, собственно... За ней ухаживал я, — честно признался художник, — Адам видел в ней скорее Музу.

— Ох, что-то такое я уже слышал несколько дней назад. Причем тут муза какая-то? Я спрашиваю: ухаживал он за ней?

Пришлось Борею и Пете признать, что со стороны господина Желевского ухаживания имели место.

— А теперь прошу рассказать мне, что тут произошло, — пристав взял у помощника блокнот и приготовился записывать показания важных свидетелей.

— Мы не знаем, что произошло, и кто убил Елену Андреевну! — затряс головой Петя.

— Ну, это, кажется, и так достаточно ясно, кто убил. Вашего друга застали, можно сказать, на месте преступления.

— Не мог Адам ее убить, — твердо сказал Борей.

— Почему? — поинтересовался пристав. — Он все время был у вас на глазах?

— Он не мог убить, потому что он не убийца. А насчет того, что на глазах... Так мы все друг друга не видели: разбрелись кто куда.

— А с кем ночью ушла погибшая дама? С господином Желевским? — тяжело вздохнув, спросил Джабраил Муртазиевич.

Повисло тягостное молчание. Потом Петя жалобно посмотрел на учителя, тот кивнул в ответ и признался:

— Нет, она была со мной... До какого-то момента. Время не спрашивайте — не знаю. Чуть-чуть начинало светать, и я ушел из грота.

По мере осмысления рассказанной ему истории Шахмурзиев приходил в негодование от вопиющей безнравственности всех ее участников. Он, конечно, знал, каковы эти столичные художники, но на сей раз они превзошли сами себя. С трудом взяв в себя в руки, он перечитал показания Борея и Пети.

— Вот, выходит, что многие могли убить госпожу Притокину. Но! — Пристав поднял указательный палец: — Все же пану Желевскому это сделать было проще, чем остальным. Вы, сударь, как я понял, напились, — сурово перевел он взгляд на Петю, — и уснули на какой-то поляне в верхнем парке. И за это ваши родители платят господину Боброву? Куда такой образ жизни вас приведет? А вы, господин Бобров, покинув место прелюбодения, несколько часов бродили неизвестно где, неизвестно с кем.

— Не надо читать нам мораль, Джабраил Муртазиевич. Вы лучше скажите: Елену задушили? — тихо спросил Борей. — Взгляните, у нее такие синяки на шее... А лицо? Все совсем, как у Даши.

— Похоже на то, — вынужден был согласиться пристав. — Сличить сейчас, к сожалению, будет невозможно, потому что девушку уже похоронили.

— И все же получается, что, Дашу и Елену мог убить один человек? — нахмурившись, произнес Борей.

— Может быть, один, может быть, нет. Что сейчас говорить? Я вот даже подозреваемого еще не допросил. Да и вообще неясно, придет ли он в себя.

— Как-то дико звучит: Адам — подозреваемый!

— Подчеркиваю — главный подозреваемый. И вы не можете отрицать, что господин Желевский, мягко говоря, не совсем в своем уме. Кто знает, может быть, для него и лучше, чтобы его признали невменяемым — тогда суда не будет.

— Да, его просто упрячут в сумасшедший дом! — возмутился Борей. — Какая замечательная возможность избежать Фемиды!

— Послушайте меня, господин Бобров, да и вы, юноша тоже! — На этот раз пристав заговорил сухо и официально. — Прошу вас не покидать город до выяснения всех обстоятельств гибели Елены Андреевны Притокиной. Являться ко мне в участок по первому требованию и... — Шахмурзиев повысил голос, — прекратить всяческие безобразия, пьянство, ночные оргии в парке! Сидеть тихо! А не то... Все, господа, идите. Нам предстоит очень тяжелая миссия, имейте уважение хоть... к чему-нибудь!

Полицейские уже оцепили участок парка с мостиком и гротом и отправляли любопытных восвояси. Борей и Петя побрели к пансиону, покинув парк через боковой выход. Некоторое время они молчали. Первым заговорил Петя:

— Борей, я тут подумал: мог ли кто-нибудь прятаться около грота, когда вы... там с Еленой Андреевной находились?

— Пес его знает! Темно же было...

— Темно? — удивился Петруша. — А я в гроте китайский фонарик видел, он прямо под скамейкой стоял. Подумал, что вы его с собой принесли.

— Не было у нас никакого фонарика. Где бы мы его раздобыли? Мы, как с поляны ушли, так и не выходили из парка.

— А откуда же он взялся?

— Что ты прицепился к этому фонарику? Может, он там и стоял, просто ни я, ни Елена его не заметили.

— Да, наверное, — пробормотал Петя. — Только что-то он мне напомнил, но мысль ускользнула. А еще цветок, твоя роза у нее в прическе...

— Да, видел. И что? Она его вечером приколола. А роза эта еще вчерашняя, ох, уже позавчерашняя! Прошло всего несколько часов, а какие перемены!

— И у Даши была твоя роза, помнишь?

— Конечно, помню! Но это же просто совпадение... Во всяком случае, выглядит, как совпадение... — неуверенно произнес Борей и погрузился в тяжкие раздумья, оплакивая утраченную возлюбленную и мимолетное счастье...

Кора и Алкамен спали в своих комнатах, судя по всему, вернулись не так давно. Борей отказался от завтрака и заперся у себя. Петя, несмотря на тяжелые испытания, не смог удержаться от подкрепления сил, хотя ему и было стыдно. Ах, молодость... Он накрыл в студии стол, а горничная пансиона принесла кофейник. На ароматный запах, как сомнамбулы, пришли Алкамен и Кора — их комнаты прилегали к мастерской.

Выслушав горестный рассказ Пети, Кора окончательно проснулась и вскочила с колченогого стула:

— Идемте же скорее в участок! Мы должны освободить Адама!

— Милая Кора, — остановил ее Алкамен, — я восхищаюсь твоим благородным порывом, но боюсь, что взять участок приступом нам не удастся. А если удастся, что мы станем делать потом? Уйдем в горы и будем скрываться, как местные абреки, избрав профессией налеты на небольшие поселки?

— Как ты можешь шутить в такой момент, когда наш собрат страдает в невыносимых условиях! — содрогнулась девушка. — Когда весь мир повернулся против него!

— При всем моем дружеском участии, Адам приложил немало усилий, чтобы весь мир повернулся против него, — сухо ответил скульптор.

— Ты веришь в его виновность? Веришь, что Адам мог задушить женщину, да еще ту, которой восхищался? — ужаснулся Петруша.

— Между прочим, невелика потеря для мира, — мстительно отрезала Кора. — Она была совершенно бесполезным существом, а вот Адам еще многое может сделать для литературы.

— Мой юный друг, жизнь иногда преподносит удивительные сюрпризы, — Алкамен сделал вид, что не слышал жестоких слов девушки.

— Нет, это просто ночной кошмар! — всхлипнул Петя. — Коре все равно, убивал Адам или нет, а ты и вовсе не отрицаешь такой возможности! Что с нами происходит?

— А во всем виновата она! — воскликнула Кора. — Из-за нее все сошли с ума, и ее заслуженная постигла кара!

— Я бы не был столь категоричен, — не согласился Алкамен, — сдается мне, что есть Некто, чья вина несравнимо больше.

— И ты туда же! — обиделась Кора. — Тоже поддался чарам этой Фата-морганы?

— Ее вина всего лишь в ее неотразимости, — грустно ответил скульптор. — Она привлекала к себе мужчин — это ее судьба и ее же несчастье.

— Слушать противно! — резко отодвинула тарелку Кора. — Даже аппетит пропал. — Гордо вскинув голову, она вышла, хлопнув дверью.

— Пойду к себе, подумаю, чем можно помочь Адаму, — сказал Петя скульптору и тоже ушел.

Рухнув на постель, он честно ломал голову над несчастьем Адама минут пять, но потом усталость взяла свое, и он заснул здоровым молодецким сном.

Оставшись в одиночестве, Алкамен глубоко вздохнул, потом иронично вскинул брови и принялся намазывать на ароматный теплый хлеб клубничное варенье.

Весть о страшном преступлении облетела небольшой городок за пару часов. История, с небольшими вариациями, выглядела так: молодой поэт из Петербурга безумно влюбился в даму, приехавшую на отдых. Дама отвергла его притязания, он выследил ее, похитил и задушил. Придя в ужас от содеянного, он прямо на месте преступления сошел с ума. При этом все как-то забыли (а многие просто и не знали) о недавней смерти местной девушки при похожих обстоятельствах.

Мерцалову и Дее новости сообщил за завтраком Серж, который неожиданно появился в ресторане «Гранд-отеля». Весь вид его говорил о том, что ночь у него была бессонной, и если бы не страшное событие, то сестра не замедлила бы устроить ему головомойку. Однако, услышав о том, что Елена Андреевна была ночью задушена, а Адам Желевский арестован, она забыла обо всем на свете.

— Это ужасно! Ведь весь день она провела с нами! Ах, Валериан, мы должны были предостеречь ее! Ты же говорил, а я тебе не верила!

Мерцалов раздул щеки и разразился речью, суть которой сводилась к одному — да, он был прав, он всегда прав, у него глубокое понимание человеческой природы, давно надо было...

— Да-да, именно! — горячо поддержала его Дея. — Мы же все видели, что господин Желевский безумно ревновал Елену Андреевну к своему другу.

Серж пил горячий кофе со свежесдобитыми булочками и соглашался со всем, что бы ни говорили его сестра и Валериан.

— Мы должны пойти в участок и дать показания, — твердо сказала госпожа Кукушкина, — таков наш долг.

— Ах, не знаю, душа моя, — возразил Мерцалов. — Этот пристав, как ты помнишь, обошелся со мной весьма нелюбезно...

— Зато теперь он увидит, кто истинный гражданин своей отчизны! — убеждала его Диотима. — Кроме того, у нас тоже есть ценные сведения.

— Да? — удивился Валериан, так как не считал ценным сведением то, что давно заметил у Адама наклонности убийцы.

— Друг мой, вспомни, мы же встретили того офицера, штабс-капитана, — будучи вдовой генерала, Диотима разбиралась в воинских званиях, — и ты сам сказал, что до смертоубийства недалеко. Вряд ли господин Шахмурзиев заподозрит тебя в желании помочь Адаму. Жаль, что больше никто не слышал, как он говорил.

— Это так, — согласился Мерцалов, восстановив в памяти короткий ночной разговор со штабс-капитаном, — но я все же сомневаюсь, что ему хотелось убить именно Елену Андреевну. Скорее уж мсье Борейя. Вот если бы убитым нашли его... Но раз ты считаешь, что надо рассказать приставу об офицере, то, конечно, я согласен.

Джабраил Муртазиевич сидел в своем кабинете, разложив на столе бумаги с показаниями всех, кто таковые пожелал дать, а также те листы, которые собрали в гроте полицейские. На них мало что можно было разобрать, кроме одного — Адам успел записать одно стихотворение целиком. Сам поэт был надежно заперт в арестантской, по соседству с пойманным разбойником. Впрочем, абрека должны были вскоре отправить в Пятигорск.

К середине дня пристав уже успокоился, и к нему вернулась способность трезво осмысливать происходящее. До сих пор в городе не случилось ничего подобного — все ограничивалось драками, мелким воровством и склоками между соседями. Бытовые убийства тоже случались, но преступник, как правило, находился незамедлительно, а совершалось злодейство чаще всего при свидетелях.

Но такое тихое, тайное преступление пугало многим, а более всего — неясностью мотивов. Сейчас Шахмурзиев очень жалел, что не уделил достаточно внимания смерти Даши Сенцовой. Он так легко объяснил и себе, и окружающим, что с ней произошло, и в каком-либо дополнительном дознании, казалось, не было необходимости.

Пристава раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, все как будто ясно, есть убийца, бери его «тепленьким» и отправляй под суд или, скорее, в сумасшедший дом. Тогда никто не скажет, что в городе полицейские плохо работают — преступление раскрыто по горячим следам:

убийство на почве страсти. А с другой стороны, что делать со смертью Дарьи Сенцовой? Если ее тоже убил поляк, и тоже на почве страсти, то почему же тогда с ума не сошел? Или он с самого начала был не в себе? Тьфу, ничего с этой богемой не поймешь!

К этакой противоречивой смеси добавились сведения, принесенные Мерцаловым и госпожой Кукушкиной. Вот, извольте! У дамы, оказывается, был еще один поклонник, ревновавший ее к художнику. После визита этой парочки Шахмурзиев отправил помощника на поиски штабс-капитана, которого теперь требовалось допросить. Личность жертвы тоже вызвала у пристава приступ ипохондрии. Жена высокопоставленного московского чиновника, влиятельного и богатого человека. Ее убийство наверняка привлечет пристальное внимание высоких инстанций, тут уж не удастся избежать огласки, а найти преступника надо, иначе — позорная отставка, несмываемое пятно на репутации!

А еще Шахмурзиеву очень не хотелось, чтобы потом говорили: пристав взвалил все на первого попавшегося, не стал разбираться, и вообще... мало что понимает в розыскном деле.

В кабинет начальника вошел городской, дежуривший в арестантской, и доложил, что господин Желевский, проспавшись, требует разговора с приставом.

— Давай его сюда, братец, — махнул рукой Шахмурзиев, — если он, конечно, не буйный.

— Никак нет, ваше благородие, смирный. Может, каяться надумал?

Привели Адама. Взлохмаченный, с темными кругами под глазами, в помятом сюртуке, он растерял значительную долю своего аристократизма. Но голову держал прямо и не производил впечатления человека, готового сознаться в страшном злодеянии. Поэт сел на стул посередине кабинета, за его спиной застыл городской.

— Ну-с, слушаю вас, господин Желевский, — буркнул Шахмурзиев, — хотите сделать заявление?

— Да, хочу! Я хочу знать, почему меня держать под замком, как преступника?

— Потому, что вы подозреваетесь в убийстве госпожи Притокиной, — официальным тоном ответил пристав.

— Я ее не убивал! — Адам попытался вскочить, но был немедленно усмирен своим стражем.

— Хорошо, тогда как все было? — спросил Шахмурзиев.

— Я...плохо помню. Ночью бродил по парку, сочинял стихи. Потом... еще где-то ходил. Спустился в нижний парк, почувствовал усталость,

вспомнил, что в гроте есть скамейка... Пришел туда, а там... она, мертвая. И все — дальше провал. Очнулся здесь, и хочу знать...

— Одно вам могу сказать совершенно точно — вы здесь не для того, чтобы задавать вопросы. Ваше дело — отвечать на них.

— Спрашивайте, так и быть, — нервно взмахнул руками Адам.

— О, благодарю вас, сударь, — выжал из себя смешок пристав, — только и дожидались вашего разрешения. Итак, где вы находились в ночь с девятого на десятое сентября?

Арестованный не ожидал такого вопроса и заморгал глазами.

— Где я был? В ночь?.. А почему вы спрашиваете, собственно?

— Потому, юноша, что в эту ночь была убита небезызвестная вам Дарья Сенцова.

— Ах, да, Даша. Я... так сразу не могу вам ответить, мне надо вспомнить.

— Пожалуйста, вспоминайте. Это ведь так давно было, — позволил себе толику иронии Джабраил Муртазиевич, но Адам ее не заметил.

— Вечером мы ужинали в «Гранд-отеле», потом поехали кататься, еще были цыгане... Дальше...я не помню, — потухшим голосом завершил допрашиваемый.

— А остальные?

— Да мы все были... не слишком трезвы. А, впрочем, — оживился Адам, — Петруша — господин Десятников, он еще раньше заснул, и мы его отвезли перед прогулкой в пансион. Потом пили, еще пили, потом все куда-то разбрелись...

— То есть вы каждую ночь так проводите? — не выдержал Шахмурзиев.

— Не каждую! — гордо ответил подозреваемый.

— Ну, хорошо. А что вы скажите вот об этом? — Пристав передал Адаму листок со стола. — Будьте так любезны, зачитайте.

*Дорогой солнечной идти устав,
Заснула ты, и слова не сказав,
Ушла тропой таинственного клана,
Растаяв в небе серебром тумана;
Скользнула ты живой водой ручья
Во тьму у зачарованного края,
Исчезла, в лунной музыке шагая,
Богиня гордая, веселая, ничья!*

Адам прочитал вслух и поднял глаза на Шахмурзиева:

— Это я написал. Что-то вспоминаю. Когда я увидел Елену Андреевну, там, в гроте, то мне это пришло в голову, я достал блокнот и записал.

— Да, этот и другие листы из вашего блокнота были там разбросаны. Так что вы хотели этим сказать?

Адам начал злиться.

— Не знаю. Просто возник такой образ, я и написал. Что вы от меня хотите?

Но пристав проигнорировал этот выпад. Не отрываясь, он смотрел на руки Адама. Тонкие, красивые, с длинными пальцами, как у музыканта.

— Я хочу, господин Желевский, чтобы вы сейчас же поехали со мной.

— Куда? — испугался поэт.

— В морг, — просто ответил Джабраил Муртазиевич.

ГЛАВА 9

Выполнив свой гражданский долг, как высокопарно Диотима назвала дачу показаний о ночной встрече со штабс-капитаном, Мерцалов повел себя странно. Он как будто места себе не находил, щеки его покраснелись, он часто потирал ладони. Госпожа Кукушкина терялась в догадках, что происходит с ее кумиром. Беспокойство она срывала на брате, которому досталась приличная порция нотаций.

— Дея, я бы хотел съездить в Пятигорск, подумал — и город больше, и отдыхающих — тоже. Нужно оценить возможности, — неожиданно сказал Валериан.

— Хорошо, я найму экипаж, до ужина можем успеть.

— М-м-м, дорогая, правду сказать, мне хочется побыть одному. Последние события, весь этот кошмар... Мне надо успокоиться, а то не чувствую себя в силах творить.

Диотима сочла за лучшее согласиться, хотя и не любила отпускать Мерцалова от себя — у нее сразу начинало ныть сердце, и меркли краски жизни.

— Поезжай, друг мой, поезжай. А мы с Сержем останемся. У меня после этаких ужасов тоже душа не на месте.

Мерцалов укатил в Пятигорск до ужина, а Дея, несмотря на смутное беспокойство, отправилась на прогулку в надежде получить новые сведения о страшном деле. Кроме того, гибель Елены Андреевны печалила ее чисто по-человечески, вне любых рухнувших перспектив.

В закрытом экипаже пристав Шахмурзиев отвез Адама к мрачному одноэтажному зданию — городскому моргу, и завел арестованного со служебного входа прямо в подвал. Городовой остался возле экипажа.

Трудно было найти в теплом светлом городке место печальнее и безнадежнее, а потому располагалось оно вдали от курортных аллей и прогу-

лочных маршрутов. В подвале было холодно, неудобно, сторож сидел в тулупе, тускло горела керосиновая лампа. Притихший Адам втянул голову в плечи, оглядывая сырое помещение, насыщенное тяжелым запахом плесени, карболки и мертвой плоти.

Повинуясь приказу Шахмурзиева, сторож повел их по темному коридору. Глазам поэта открылись комнаты с деревянными, покрытыми железом, столами и каменными полами с плохо замытыми бурыми пятнами. Заметив, что Адам остановился в дверях одной из таких комнат, где, помимо прочего, имелись пара ржавых чанов с укрепленными над ними на потолке цепями на таях, сторож усмехнулся и сказал:

— Это ж прозекторская. Сколько не отмывай, а кровушка насмерть въелась.

Адам содрогнулся, и приставу пришлось слегка подтолкнуть его в нужном направлении.

Собственно морг находился в тупике коридора. Там было темно, но сторож оставил лампу посетителям и покинул их.

На столе лежало тело, закрытое простыней. Пристав откинул ее, и Адам увидел когда-то прекрасное лицо Елены Андреевны.

— Вот, сударь, посмотрите-ка сюда, — указал на шею мертвой женщины Шахмурзиев.

Поэт осторожно наклонился. Синяки, уже потемневшие, представляли, при внимательном рассмотрении, отпечатки двух пальцев слева и справа от артерий. Подобные же следы от остальных пальцев имелись и на шее ниже затылка.

— Приложите ручки, пожалуйста, — вежливо попросил Джабраил Муртазиевич.

— Вы с ума сошли? — отшатнулся Адам. — Это просто издевательство надо мной... и над бедняжкой Еленой!

— Я настаиваю, — все еще вежливо, но с твердыми нотками произнес пристав.

— Ни за что! — Адам сложил руки на груди и отвернулся к крохотному окошку под самым потолком.

С Шахмурзиева мгновенно слетели остатки любезного обращения. Он схватил поэта за ворот помятого пиджака и, хорошенько встряхнув, проговорил:

— Слушай меня, щенок, слушай, что я тебе скажу от всего сердца! Здесь ведь никого кроме нас с тобой нет! Или ты сейчас сделаешь все, что я тебе прикажу, или я отправлю тебя на пожизненную каторгу. Надоели вы мне все вместе и каждый из вас по отдельности! Пакости творить — мастера великие, а отвечать за свои деяния не желаете?

Адам зажмурился и даже не пытался вырваться.

— А ну, быстро руки на шею, как будто ты ее душишь, кому сказано!

Преодолевая ужас, поэт положил дрожащие руки поверх синяков, стараясь не касаться бледной кожи. Пристав наклонился, силой прижал ладони сильнее и сосредоточился на изучении следов и пальцев. Результат его не удовлетворил: пальцы рук Адама Желевского были меньше, чем следы, но длина ладони и самих пальцев превосходила имеющиеся синяки. Крякнув от досады, Шахмурзиев велел Адаму отойти, еще раз посмотрел на синяки, померил своей ладонью и, записав результат в маленькую книжечку, буркнул:

— Едем в участок.

Они двинулись обратно. На середине коридора Адам неожиданно бросился бежать.

— Куда?! Стоять! — рванулся за арестованным Шахмурзиев.

Тот, впрочем, сбежал не далеко — повисшего на перилах у входа в морг поэта рвало, как грузчика, перебравшего самогона.

— Что это вы удумали, любезный? — поинтересовался пристав, — никак в бега податься решили?

— Не могу, не могу... она... мертвая там... — Адама продолжало рвать.

— Экие мы, оказывается, нежные. А мы тут со времен войны на Кавказе помним других поляков, храбрых да боевитых — никогда слабодушными не слыли!

Шахмурзиев подозвал жандарма и приказал ему с помощью сторожа привести пана Желевского в надлежащий вид и доставить в участок так, чтобы приличная публика его не видела — нечего способствовать распространению слухов. Сам же пристав решил пройтись, подышать и подумать.

В участке Адаму подали положенный арестантам обед, но он отказался, лег на скамью лицом к стене и как будто задремал. Его оставили в покое.

А после обеда в участок явилась делегация в составе Борей, Алкамена, Пети и Кору.

Борей собрал друзей в мастерской и предложил им навестить Адама. Собственно, Кору он не звал, но она решительно отправилась с ними. Сумрачный Борей пожал плечами и прогонять девушку не стал.

Когда Шахмурзиеву доложили о появлении господ художников, он нахмурился, но, подумав, решил поговорить с ними.

— Что вам угодно? — спросил он неприветливо.

— Мы хотим видеть нашего друга, есть же какие-то правила у вас, вы не можете не допускать к нему близких.

— Близких родственников — да, а вы ему кто такие? Имею полное право отказать. Но так и быть, разрешу свидание, только всей толпой не пушьте, кого-то одного.

— Ах, пустите меня! — выкрикнула Кора. — Я должна выказать поддержку своему собрату по перу!

Пристав поморщился от ее звенящего голоса и повернулся к Борею.

— Идите, господин Бобров, даю вам пятнадцать минут. А ваших друзей попрошу покинуть участок, иначе сочту сие массовое скопление народа нарушением общественного порядка!

Алкамен увел пытающуюся возражать Кору, за ними тихо вышел и Петя. Борея отвели к Адаму. Тот не повернул головы, непонятно было, слышал ли он вообще что-нибудь.

Художник присел на скамью в ногах Адама и тихо спросил:

— Скажи, как ты?

Молчание.

— Мы все пришли к тебе, но пристав пустил только меня. Поверь, мы за тебя очень переживаем.

Ни звука в ответ.

— Я понимаю, как тебе сейчас тяжело...

— Ничего ты не понимаешь! — Адам так резко повернулся, что Борей вздрогнул. — Ты даже не представляешь, что мне пришлось пережить!

— Конечно, друг мой, я все понимаю, ведь ты нашел мертвую Елену Андреевну... Такого никому не пожелаешь!

— Она погибла, потому что ты ее оставил! Почему тебя там не было? И это еще не все! Меня возили в морг, меня заставили изображать, будто я душу Елену. Она была там, на этом ужасном столе, а я вот так... — Адам протянул к Борею руки и показал, как держал за горло мертвую женщину. После этих слов он снова отвернулся к стене и, как ни старался Борей вызвать его на разговор, больше ничего не сказал.

Строго в положенное время полицейский открыл дверь арестантской и махнул посетителю рукой.

— Прости, Адам, я должен идти, но знай, мы тебя не бросим в беде! — С этими словами художник покинул камеру.

Он ворвался в кабинет пристава, сметая преграждавшего ему путь городского.

— В чем дело, господин Бобров? Вы же повидались с другом, так что еще вам угодно? — не обрадовался его появлению Джабраил Муртазиевич.

— Как вы посмели? Адам сказал, что вы заставили его в морге показывать, как он душит Елену! Такие методы в нашей полиции? И как это все называется?

— Это называется «следственные мероприятия», и вы мне тут голос повышать не смейте! Я делаю, что могу... И то, что считаю нужным.

— Вы хотите довести его до такого состояния, чтобы он сам сознался в том, чего не совершал! — Борей снизил тон, но сдаваться не собирался.

— Ваши инсинуации, сударь, можете оставить при себе, мне они никак не интересны, уходите-ка подобру-поздорову, а не то у меня вторая арестантская освободилась, засажу вас туда, и перестукивайтесь себе через стену, как граф Монте-Кристо!

— Вы не имеете права! — Борей оперся кулаками на стол пристава, глядя на него сверху вниз.

— Молодой человек, мне ваши угрозы — тьфу, плюнуть и растереть. В городе женщин убивают — вот это меня действительно тревожит. Не ровен час, еще кого-нибудь задушат...

Пристав никогда бы не сказал ничего лишнего, он с определенной целью предоставил Борю некий кусочек информации. И тот попался на удочку — решил, что Шахмурзиев проговорился.

— Ага! Значит, вы не уверены, что Адам и есть искомый убийца! Что-то там у вас не складывается, не так ли?

— Не знаю, не знаю, я, так сказать, анализирую, пытаюсь мыслить логически, в меру своих скромных способностей. А тут еще сведения поступают из различных источников... Вот и ваш верный недруг, господин Мерцалов... — Джабраил Муртазиевич улыбнулся в усы и вдруг со всей силы тукнул кулаком по столу: — А ну, прочь из моего кабинета! Работать, понимаешь ли, мешаете!

Не столько испуганный, сколько ошарашенный, Борей вышел из кабинета.

— Ага, господа столичные, задал я вам задачку! Покрутитесь-ка у меня теперь! — прошептал пристав, проводив его взглядом.

Друзья стояли неподалеку и засыпали вопросами об Адаме:

— Как он?

— Что с Адамом?

Борей рассеянно отвечал, что несчастный поэт чувствует себя не слишком хорошо, но в подробности пускаться не стал, а поразил своих слушателей неожиданным заявлением:

— Сегодня ужинать нам надо в ресторане «Гранд-отеля».

— А есть повод праздновать? — вскинул брови Алкамен.

— Правда, Борей, как-то это не слишком... — согласился с ним Петруша.

— Друзья, я узнал, что господин Мерцалов поделился с приставом некими сведениями. Не хотите ли узнать, какими именно? Боюсь, клевету он на Адама возводил.

— Я в это не верю! — выкрикнула Кора. — Мэтр не способен на зло, он — творец!

— Твой мэтр на все способен, — отрезал художник и добавил: — А вот ты и убедись, что никакого зла он Адаму не нанес.

— Можешь не сомневаться, я, конечно, с ним поговорю! Только я и так знаю, что он очень переживает из-за... всего. Даже уехал в Пятигорск, говорят.

— Это он с горя... проветриться, — печально усмехнулся Борей, — ему то ничего не угрожает. И все же я хочу знать, о чем они с приставом беседу вели. Ты, Кора, выпроси у Валериана. А ты, Петро, поговори с нашей меценатствующей матроной — она наверняка с ним ходила, а то и вовсе — своего протеже подговорила.

— А для меня есть задание? — негромко поинтересовался Алкамен.

— Да. Ты попробуй разговорить этого Сержа Павленко, сдается мне, что он мог что-то видеть. Да и в отель ночью не вернулся с сестрицей своей. Где он был?

— Слушаюсь, ваше благородие! — приподнял свой котелок скульптор. Но никто из них не подозревал, какой сюрприз их ожидает...

ГЛАВА 10

К ужину Дея спустилась в ресторан в новом наряде, она много сил потратила на то, чтобы выглядеть хоть немного привлекательнее. Вечернее платье было украшено тонкой вышивкой, на плечи госпожа Кукушкина набросила легкую шаль. За столиком ее встретил Серж, который громко и довольно навязчиво восхвалял внешний вид сестры, а потом попросил немного водочки, чтобы «чувства заиграли-с».

Дея была несколько рассеяна в ожидании возвращения Мерцалова и сделала вид, что не заметила появления Борей. Его компания заняла столик поблизости и сидела тихо, почти не разговаривая между собой.

Валериан задерживался. Ресторан уже заполнился посетителями, а оркестр сыграл несколько модных мелодий, когда Мерцалов гордо вплыл в зал под руку с молодой дамой.

Небольшого роста, худенькая, она, тем не менее, двигалась столь величаво, что рядом с ней мерк даже высокий, крупный Валериан. Одета она была в простое, но дорогое бежевое платье, выгодно оттенявшее матовую кожу. Вообще ее можно было бы назвать красавицей, если бы не высокомерный вид и большие, широко поставленные, холодные темно-серые глаза. Волосы цвета вороного крыла она уложила в простую прическу.

Валериан, немного смущенный, подвел свою спутницу к столику.

— Вот, полюбуйтесь-ка, кого я случайно встретил в Пятигорске.

— Верунчик! Ты просто розанчик! — подскочил Павленко к даме и поцеловал ее руку.

Диотима с трудом разжала губы и выдавила:

— Вера? Когда ты приехала?

Вера, брезгливо вырвав ладонь из потных лап Сержа, открыла в улыбке хищные зубки:

— У меня в Пятигорске были дела, как раз сегодня я их благополучно завершила и гуляла по бульвару. Вдруг вижу — ба, навстречу Валериан! Я так удивилась!

— Но ведь у тебя спектакли! — прищурилась Диотима. — Главная роль... Что же случилось?

— Ах, некоторые изменения... Спектакль пойдет несколько позже... на Рождество, — быстро ответила Верочка и перевела разговор на другую тему: — А вы здесь, я смотрю, славно устроились!

— Ты надолго? — прямо спросила Дея, не скрывая заинтересованности.

— Это зависит... от некоторых обстоятельств, — сухо ответила актриса и метнула на нее леденящий взгляд, за который публика неоднократно награждала ее овациями: — А ты выглядишь не совсем здоровой, Диотима... Или этот цвет платья тебе не к лицу? Право, в твоём возрасте надо выбирать более темные оттенки.

Пока Дея, хватая губами воздух, приходила в себя от возмущения, Вера одарила Мерцалова иным взглядом, из арсенала «чарующих».

— Я бы съела что-нибудь легкое, совсем немного. Как погляжу, вы тут совсем сибаритствуете. Тебе вредно, друг мой, ужинать в столь позднее время.

— А мы, Верунчик, живем себе потихоньку! Тут, знаешь, хорошо! — встрял, причмокнув сальными губами, Серж.

— Да, особенно, если вспомнить, что наемни двух женщин убили! — выпалила Дея. — Вот уж действительно, все хорошо!

— Валериан что-то такое говорил, — спокойно ответила Вера. — Одна из них — простая работница, а вторая — барынька. Разве их убил не тот ненормальный поляк, который освистывал тебя в Петербурге? — спросила она Мерцалова.

— Это еще не доказано, — бросилась в бой за Адама Диотима, — всего лишь предположение.

— Убийства — это мерзость, — поморщилась актриса. — Но будет, я — не мещанка какая-то, чтобы интересоваться кровавыми подробностями.

Лицо госпожи Кукушкиной вдруг посветлело, и она обратилась к Павленко:

— Вот что, Серж, пойдя к нашим художникам и пригласи их сюда. Пусть официанты столик передвинут.

— Дея, дорогая, — обиделся Мерцалов, — разве это удобно? Зачем? В таких обстоятельствах...

— Ангел мой, — в тон ему ответила Диотима, — коль я оплачиваю сей сибаритский ужин, то могу себе позволить выбирать сотрапезников.

Валериан нахмурился и мрачно воззрился на свою тарелку.

Серж, выступив посланцем мира, вернулся с ответной вестью.

Алкамен и Петя возражали, возражала и Кора, но по другим соображениям — появление Верочки ей совсем не понравилось. Однако Борей решил действовать во благо Адаму, а потому принял приглашение, хотя сердце его в настоящий момент не лежало к возлияниям и светским беседам.

— Позвольте представить вам мою добрую знакомую. Вера Беркутова — актриса, она служит в Александринском театре, — с нескрываемой гордостью произнес Мерцалов, когда приятели подошли к их столику. Потом он по очереди отрекомендовал Вере Борей, Алкамена и Петю.

Петруша молча поклонился, а Кора присела рядом с Деей, демонстративно оказывая ей поддержку.

— О-о-о, Кора, ты все еще пытаешься стать поэтессой? — сухо приветствовала ее актриса. — Право же, твое упорство вызывает удивление.

— Она весьма продвинулась, поверь мне, дорогая, — немного заискивающе улыбнулся Валериан.

— Да? — процедила Верочка, — мне казалось, в столице ты говорил иное.

— Возможно, но у мэтра на то есть право, — бросила в ответ Кора.

Трое друзей разглядывали актрису с осторожностью и некоторой опаской, как некое дивное существо. Действительно, она чем-то напоминала небольшую змейку, красивую, но страшно ядовитую, особенно, когда поворачивала голову, будто выискивая себе жертву.

После того как завершился неизбежный этап политесов, и все расселись, Борей сказал:

— Мы сегодня были у Адама, ему нелегко там.

— Ах, я уверена в его невиновности, — прижала руки к груди Дея. — Такой юный, совсем еще мальчик. И он так самозабвенно предан поэзии!

— Мы все верим в его невиновность, мадам, — с достоинством ответил художник, — иначе хорошими мы были бы друзьями!

— Чужая душа — потемки, — вставила Верочка, немного раздраженная, что ей уделили недостаточно внимания. А я помню этого господина — он производил странное впечатление.

— Многие из нас производят странное впечатление, мадемуазель, но из этого не следует, что все сплошь преступники, — сухо парировал Борей.

— Суд, полагаю, разберется. — Голос актрисы совсем «заледенел». — А у нас нет более приятных тем для беседы?

— Господин Бобров, не желаете ли завтра поехать на прогулку? И друзья ваши, разумеется, тоже приглашены, — любезно заговорила Дея.

— Не до прогулок нам нынче, мадам. На душе, сами понимаете... — покачал головой Борей.

— Верно, какие поездки, когда вас со дня на день в суд вызовут, — недобро улыбнулась Верочка.

— Это называется следствием, мадемуазель, — поправил актрису Алкамен, — до суда, надеюсь, дело не дойдет. И вообще, дело не в этом, а в том, что погибла милая женщина, очаровательная и совсем еще молодая, а наш друг безвинно страдает. А суд — что же суд? Вызовут, пойдем, дело житейское. Как гласит наша пословица — от тюрьмы да от сумы...

Друзья вдруг дружно поднялись, вежливо поблагодарили за компанию и вернулись к своему столику.

— Вот скажи, Петя, что ты думаешь о смерти Елены? — после долгого молчания обратился к своему ученику Борей.

— Только одно — я не верю, что ее задушил Адам, — вздохнул Петруша.

— Ага! И ты в хорошей компании. Понимаешь, сам пристав не очень верит. А еще вчера мадам Дея конфиденциально сообщила мне о том, что они с Мерцаловым встретили ночью того офицера, у которого я отбил Леночку. О чем они и поведали Джабраилу Муртазиевичу. А я-то думал, что Валериан против нашего Адама, вот так, мой юный друг.

— Тогда ее, конечно, мог убить этот штабс-капитан. Я еще в ресторане заметил: он так на нее смотрел! — взволнованно заговорил Петя.

— И как ты это себе представляешь, Пинкертон?

— Да все просто! Прятался в темноте, пока мы на поляне были, потом крался за вами, дождался, когда ты ушел, ворвался в грот и напал на Елену Андреевну.

— У тебя не штабс-капитан, а какой-то Отелло получается, да еще в плохом исполнении. Ну, вот скажи мне, за каким лешим ему душить человека, если у него огнестрельное оружие имеется?

— Э-э-э... А он шуметь не хотел! Боялся, что кто-нибудь выстрел услышит.

— Хм, а убил-то он Леночку по какой причине? — тихо спросил Борей.

— Из ревности! — быстро ответил Петруша, но тут же задумался.

— Ага! Ты понял, — кивнул Борей. — Вот и не сходится у нас, так же, как у его благородия пристава. Если из ревности, то не должен был раздумывать, а если хорошенько подумал, то никакой страстью тут и не пах-

нет. И потом офицеру этому проще меня было бы убить, а не женщину. Хотя и злился он на нее, но все же... И не забудь про Дашу.

— Ты думаешь, что Дашу и Елену Андреевну убил один и тот же человек?

— Трудно сказать. Но обеих задушили, задушили ночью или поздно вечером — о времени смерти Даши нам ничего не известно. Что еще общего у них?

— Розы, — прошептал Петруша, — те, которые ты им дарил...

— Далась тебе эти розы! Вот это как раз случайность, — раздраженно передернул плечами Борей.

— Между прочим, есть еще что-то, — вдруг сказал Петя, — ну, что связывает Дашу и Елену Андреевну кроме твоих цветов.

— И что же?

— Да не могу вспомнить, — потер лоб Петруша, — все время что-то такое крутится в голове, но мысли постоянно путаются.

— Стало быть, пить ты больше не будешь, — отрезал Борей. — Да и вообще... Всем нам надо бы немного отдохнуть... от такого отдыха. Правда, как подумаю о Леночке, так и... хочется забыться.

— Понимаю.

— Да что ты можешь понимать, в твои-то годы!

Петя надулся и замолчал.

А в участке примерно в это же время с лавки вскочил Адам и заколотил в дверь:

— Откройте! Немедленно! Я видел сон!

Полицейский, только что заступивший на ночное дежурство, заглянул к арестанту:

— Ну-ну, господин хороший, вы чего это расшумелись?

— Где пристав? Смерть! Еще одна смерть! — кричал поэт.

— Его благородие уже ушли-с, — пожал плечами страж. — А кого убьют-то, говорите?

— Не знаю! Дева летела по воздуху! Она была мертвая!

Адам захлебывался, что не способствовало ясности его воплей, тем не менее, полицейский понял и, крякнув, захлопнул дверь арестантской и проворчал:

— Ишь ты, капризы какие. Привиделось чего, так сразу пристава и подавай!

Когда Адам понял, что никто к нему не придет и не станет выслушивать историю кошмарного сна, он вернулся на свою неудобную постель и набросил на голову одеяло. Его накрыл сумрак ночи... □

Продолжение следует.

О «ЧЕРНЫХ МИФАХ» И ИХ ОПРОВЕРЖЕНИИ

(размышления по поводу статьи Владимира Братченко
«Вторая страсть маршала Тухачевского»)

Ирина Федотова,

*ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
биограф М.Н. Тухачевского*

В журнале «Смена» за октябрь 2023 года была опубликована статья В. Братченко, посвященная яркой личности Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского. Биография этого военного деятеля еще при его жизни обросла легендами как в СССР, так и в эмигрантской среде, а в постсоветское время о нем были созданы многочисленные «черные мифы». И, несмотря на то, что многие подобные мифы уже рассмотрены и опровергнуты профессиональными историками, например, Н.И. Шило, А.В. Глушко, А.С. Бобковым¹, они продолжают хождение. Один из примеров — упомянутая выше статья В. Братченко. Цель данной работы — выявление ошибок, которые допустил автор при подготовке своей публикации.

Уже в аннотации статьи допущена неточность: «В 2023 году исполнилось 120 лет со дня рождения прославленного полководца...» На самом деле, в этом году мы отмечаем 130-летие со дня рождения М.Н. Тухачевского. Отметим, что идут споры о происхождении старинного дворянского рода Тухачевских. По рассказам сестер маршала, эта фамилия появилась в XV в., когда великий князь Василий II Темный пожаловал далекому предку советского полководца Богдану Григорьевичу деревню Тухачевский стан (под Коломной) вместе с селом Скорино и волостью Тухачевской в Московском уезде. По названию своих владений род получил фамилию. Сами Тухачевские вели свой род от Индриса, сына графа Фландрии Балдуина IX из рода французских королей². Интересно, что бабушка будущего маршала

¹ Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. 2011. Сетевой журнал. URL: http://sceptis.ru/library/id_2974.html (дата обращения: 22.10.2023); Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. 720 с.

² Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С. 150.

Софья Валентиновна была наполовину итальянка (девичья фамилия — Гаспарини). А вот матерью М.Н. Тухачевского стала действительно простая крестьянка, только звали ее не «Марья», как пишет В. Братченко, а «Мавра». У Михаила Николаевича действительно было пять сестер: Надежда, Софья, Ольга, Елизавета и Мария, но, как мы видим, ни одна из них не носила имя «Елена», здесь автором допущена неточность. Александр Тухачевский был не старшим, а младшим братом Михаила, как и Игорь.

Определившись с семейным кругом будущего полководца, перейдем к его «второй страсти» после военного дела — музыке. Первую скрипку Михаилу купил не отец, как пишет В. Братченко; по воспоминаниям сестер, юноша сделал ее сам. Несмотря на любовь к музыке, Михаил никогда не собирался поступать в консерваторию, «военное начало» взяло верх в его душе еще в детстве, и он специально плохо учился в обычной гимназии, чтобы отец перевел его в кадетский корпус.

Далее следует фрагмент об обучении М.Н. Тухачевского в военных учебных заведениях. Он также изобилует погрешностями. Например, неверны строки автора о том, что у М.Н. Тухачевского не было друзей в годы учебы в кадетском корпусе из-за стремления к лидерству и деспотизму. Это утверждение опровергается воспоминаниями П.Н. Лермонтова (потомка прославленного поэта), однокашника М.Н. Тухачевского, опубликованными в журнале «Юность» в 1975 году. Портрет маршала стоял у Петра Николаевича на рабочем столе, и он с теплотой вспоминал своего друга:

«Мы с ним вместе учились в кадетском корпусе. Он был старше меня, и чаще всего мы встречались в музыкальном классе. Я играл на кларнете, а Тухачевский на скрипке. Миша всегда кричал мне: "Лермонтович, перестань гудеть — мне играть невозможно". А я ему отвечал: "Твоя скрипка наводит меня на грустные мысли". Посмеемся, он отойдет в угол и там играет...» Вот такой страшный деспотизм!

Правда, есть воспоминания некоего В.Н. Посторонкина, рассказывающего о «диктаторских замашках» М.Н. Тухачевского, проявленных им как раз в Александровском военном училище, где он, по мысли В. Братченко, якобы остерегался «отпрысков богатых и влиятельных семей» и умерил «диктаторский пыл». Надо сказать, что воспоминания указанного В.Н. Посторонкина крайне тенденциозны и содержат множество ошибок, поэтому их нельзя использовать для реконструкции биографии маршала.

Представлен Николаю II М.Н. Тухачевский был в годы учебы в Александровском военном училище, а не в кадетском корпусе. Указанное заведение М.Н. Тухачевский закончил не в «тройке лучших», а вообще первым по

баллам³. Первая мировая война тогда была «не в разгаре», разворачивалась мобилизация.

События фронтовой биографии будущего маршала В. Братченко описал в целом верно, мы лишь добавим, что все награждения М.Н. Тухачевского орденами подтверждаются документами из Российского государственного военно-исторического архива, вопреки «черным мифам» о «приписанных наградах». Но В. Братченко транслирует другой миф — о якобы «нарушении Тухачевским офицерского слова «не бежать» при побеге из плена. На самом деле, Тухачевский не давал подобного слова, обманув вместе с приятелем С.С. Чернивецким руководство лагеря, о чем он написал коменданту перед удачным побегом (письмо выявила и опубликовала биограф полковника Ю.З. Кантор): *«Милостивый государь! Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова я не убежать с прогулки не давал. Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т.е. попросту была им написана моя фамилия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться. Примите уверения в глубоком почтении Подпоручик Тухачевский 10 августа 1917 г.»* Чтобы оформить документы и получить материальную поддержку для возвращения на Родину, М.Н. Тухачевский в Париже, в русском посольстве, встретился с военным атташе графом А.А. Игнатьевым. Последний написал 12 октября 1917 г. своему коллеге в Великобритании Н.С. Ермолову письмо с просьбой оказать М.Н. Тухачевскому содействие в возвращении на Родину.

Отметим, что, описывая выбор М.Н. Тухачевским «красной стороны» после Октябрьской революции, его отечественные биографы, на наш взгляд, забывают о таком важном личном мотиве, как нежелание покинуть мать и младших сестер, оставшихся на советской территории. Избрав «белую» сторону, М.Н. Тухачевский потерял бы связь с семьей, чего допустить не мог.

При описании событий Советско-польской войны В. Братченко не указывает, что М.Н. Тухачевский стал командовать войсками Западного фронта не с начала конфликта, а с апреля 1920 г. Кроме того, автор по старой не-

³ Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М.: Издательский дом «Огонек»; «Время», 2005. С. 31, 36.

доброй традиции возлагает всю вину в поражении Советской России на М.Н. Тухачевского. На самом деле, ответственность за «Чудо на Висле» должны разделить несколько человек. Виноваты и М.Н. Тухачевский, и А.И. Егоров (командующий Юго-Западным фронтом, который не передал Западному фронту часть своих армий), и, наконец, главком С.С. Каменев (не скоординировал действия Тухачевского и Егорова). Также вклад в поражение РККА внесли польские разведчики, расшифровавшие коды Штаба Западного фронта и знавшие о планах М.Н. Тухачевского⁴. Конечно же, молодой командарм находился под большим влиянием В.И. Ленина, который очень большое значение придавал взятию Варшавы, о чем телеграфировал 19 августа 1920 г. РВС Западного фронта: «(...) *Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах, но с немедленной и революционной быстротой дали Вам пополнение в тройном и четверном количестве...*» И напрасно В. Братченко пишет, что поиск виновных за поражение под Варшавой отложили до 1937 г. Травля М.Н. Тухачевского (на выступлениях и в литературе) началась еще во время его «опалы» на рубеже 1920-х–1930-х гг.

Описывая подавление М.Н. Тухачевским антисоветских восстаний 1921 г., В. Братченко транслирует широко известный миф об использовании «отравляющих газов» на Тамбовщине. Поскольку этот сюжет стал объектом для многочисленных спекуляций далеких от истории людей, попробуем разобраться, что же произошло летом 1921 г. в восставшем регионе.

М.Н. Тухачевский был назначен командующим войсками Тамбовской губернии 27 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) отдало ему месяц для ликвидации «антоновщины». М.Н. Тухачевский прибыл в Тамбов 12 мая. Решающие операции против повстанцев начались 28 мая. К 15 июля 1921 г. их общая численность в Тамбовской губернии сократилась, по сравнению с данными на 1 мая, в 17^{1/2} раз и составила 1200 человек⁵. Что касается печально известного приказа № 0116 от 12 июня 1921 г. о применении «ядовитых газов», то подчеркнем, что он не был направлен против мирного населения, которое планировалось оповещать о применении газов заранее в каждом случае⁶. Вопреки «мифам» о массированном при-

⁴ Zamoyski A. Warsaw 1920. Lenin's failed conquest of Europe. Great Britain. Harper Collins Publishers, 2008. P. 28.

⁵ Самошкин В.В. Антоновское восстание / Исследования новейшей русской истории. М.: Русский путь. 2005. Вып. 9. С. 100, 103–105, 131.

⁶ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Государственный архив Тамбовской области и др. 2007. С. 406, 401.

менении химического оружия, документально установлены всего три случая газоснарядных обстрелов без человеческих жертв: в районе Смольной вершины в ночь с 12 на 13 июля (израсходовано 15 химических снарядов), во время операции южнее озера Ильмень 14 июля (50 снарядов), а также при очистке Паревского леса 2 августа (59 снарядов). Количества выпущенных снарядов было заведомо недостаточно, чтобы создать поражающее облако, для поддержания которого даже на короткое время потребовалось бы тысячи снарядов из сотен орудий. Газобаллонных атак, вопреки современным представлениям, не было. В Интернете «ходит» фотография, которую часто выдают за снимок эпизода «газовых (газобаллонных) атак» на Тамбовщине летом 1921 г.; при этом «интерпретаторы» предусмотрительно убирают городскую застройку с заднего плана фото. На самом деле кадр сделан на учениях курсантов Высшей военно-химической школы в Москве в 1923 г. На курсантах хорошо видны головные уборы, введенные Приказом РВСР № 322 от 31 января 1922 г., т.е. этот снимок никак не 1921 г.

Как «доказательство» газобаллонных атак в Тамбовской губернии летом 1921 г. иногда используют кадры из учебной ленты 1920-х гг. о противохимической обороне. Но в ленте есть ряд неточностей, реально не имевших места: 1) бойцы химкоманды в окопах находятся без противогазов, что недопустимо при подготовке и проведении газопуска; 2) газопуск начался до окончания его подготовки — на одном конце окопа уже начался выпуск газа, а на другом конце его только начали открывать, то есть показана не реальная газовая атака, а лишь обозначена подготовка к ней.

Другая часть этого «мифа» — что под Тамбовом якобы использовался хлор, иприт и т. д. На самом деле при обстреле снарядами применялся слезоточивый газ (лакриматор) хлорпикрин, который до сих пор используется в войсках для обучения личного состава работе с противогазами⁷.

Также заметим, что оккупация восставших районов (как и система заложничества и создание лагерей) на Тамбовщине, которая часто ставится в вину М.Н. Тухачевскому — вовсе не его изобретение, эта политика широко проводилась еще до его приезда в губернию⁸.

⁷ Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М.: Центрполиграф, 2014. С. 358, 367, 384, 373.

⁸ Федотова И.В., Паслён В.В. «Черные мифы» о Тухачевском в постсоветский период // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV международной научно-практической конференции (20–21 октября 2021 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 310.

Конечно же, В. Братченко коснулся и личной жизни М.Н. Тухачевского, явно руководствуясь «воспоминаниями» некоей писательницы-эмигрантки Лидии Норд, якобы родственницы «Лики», называемой второй женой М.Н. Тухачевского. Но на самом деле М.Н. Тухачевский женился в 1921 году не на таинственной «Лике», а на Нине Евгеньевне Гриневич, а их дочь Светлана родилась 15 сентября 1922 года. Вообще «мемуары» Л. Норд крайне запутаны, содержат много ошибок и искажений информации, и доверять им, как и «воспоминаниями» В.Н. Посторонкина, нельзя. Добавим, что дочь (да, тоже Светлана) многолетней возлюбленной М.Н. Тухачевского Ю.И. Кузьминой родилась в браке с Н.Н. Кузьминым.

Завершая статью, В. Братченко приводит распространенные мифы о планах М.Н. Тухачевского по строительству РККА. Цель превращения Красной армии в самую сильную армию в мире, способную защитить Родину, всегда присутствовала в жизни Михаила Николаевича (а не только после получения им маршальского звания в 1935 г.). Приведенная В. Братченко фраза из воспоминаний французского публициста П. Фервака «Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир», была произнесена М.Н. Тухачевским в плену до Октябрьской революции и говорила больше о его сочувствии революционным настроениям и типичном для молодого человека желании подорвать старые устои, чем о конкретном плане создания новой армии. К сожалению, В. Братченко воспроизвел и старый миф о том, что М.Н. Тухачевский предлагал строить по «100 тысяч танков и 40 тысяч самолетов в год».

Истоки данного мифа появились еще в конце 1920-х–начале 1930-х гг., возродившись в перестроечное время. Детальное изучение документов опровергает эти «выводы».

М.Н. Тухачевский действительно предлагал программу модернизации РККА, заключающуюся в создании сильной авиации и бронетанковых войск, перевооружении пехоты и артиллерии, развитии новых средств связи и переправочной техники, создании системы перевода промышленности мирных на военные рельсы. Программа М.Н. Тухачевского состояла из ряда проектных докладных записок (1929–1931 гг.). План его модернизации состоял в двусторонней ассимиляции: создании военных производств, которые частично производят мирную продукцию, и гражданских производств, которые путем дополнительных затрат смогли бы приспособиться к быстрому переходу на военные рельсы, что актуально и в наше время. Сам М.Н. Тухачевский писал в докладной записке И.В. Сталину: *«Штаб РККА указывает на необходимость постройки многих крупнейших военных заводов, что я считаю совершенно неправильным. Военное производство может в основном базироваться на гражданской промышленности, что*

я и доказываю цифровыми выкладками в записках о системе мобилизации промышленности и об артиллерийской программе. Из прилагаемых записок Вам будет ясно, что в вопросах подготовки обороны я исхожу из стремления минимальных затрат в мирное время, путем изыскания способов приспособления мирной продукции и органов хозяйственно культурного строительства для целей войны...»⁹

Изначально программа М.Н. Тухачевского встретила непонимание среди высшего военно-политического руководства СССР оттого, что в Штабе РККА неправильно интерпретировали цифры расчетов М.Н. Тухачевского. Но в 1931–1932 гг. предложения М.Н. Тухачевского были приняты. А сам военачальник в июле 1931 г. был назначен заместителем председателя РВС СССР и наркомвоенмора и начальником вооружений РККА. Таким образом, М.Н. Тухачевский получил назначение на должность, от которой зависела боеспособность армии, что стало свидетельством доверия советского руководства к его программе. В 1932 г. И.В. Сталин даже извинился перед ним за резкую критику его предложений¹⁰, что отметил В. Братченко.

И, самое главное — М.Н. Тухачевский не предлагал производить астрономическое количество самолетов и танков в мирное время. Идея о его «прожектерстве» в наше время, по справедливому замечанию историков Н.И. Шило и А.В. Глушко, возникла в связи с тем, что все расчеты М.Н. Тухачевского «вырвали» из контекста. Он пытался оценить максимальные производственные возможности оборонной промышленности (той, которая могла быть задействована при производстве продукции военного назначения, например, тракторо- и автомобилестроения) при ее полной загрузке в течение первого года войны. Таким образом, 100 000 танков — это не танки мирного времени, произведенные до войны, и не танки «перехода от мирного времени к военному», которые выставляются по мобилизации. Это максимальная производственная мощность, выраженная в единицах продукции, которую М.Н. Тухачевский пытался рассчитать. Этих производственных мощностей предполагалось достигнуть к 1932–1933 гг., то есть к концу первой пятилетки. Михаил Николаевич несколько раз отмечал, что говорил именно о максимальных производственных возможностях, и что все расчеты у него шли не по мирному, а по военному времени.

⁹ Докладная записка М.Н. Тухачевского на имя И.В. Сталина с копией К.Е. Ворошилову. Г. Ленинград. 19 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 10 об.

¹⁰ Письмо И.В. Сталина М.Н. Тухачевскому. 5 мая 1932 г. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Лл. 2–3.

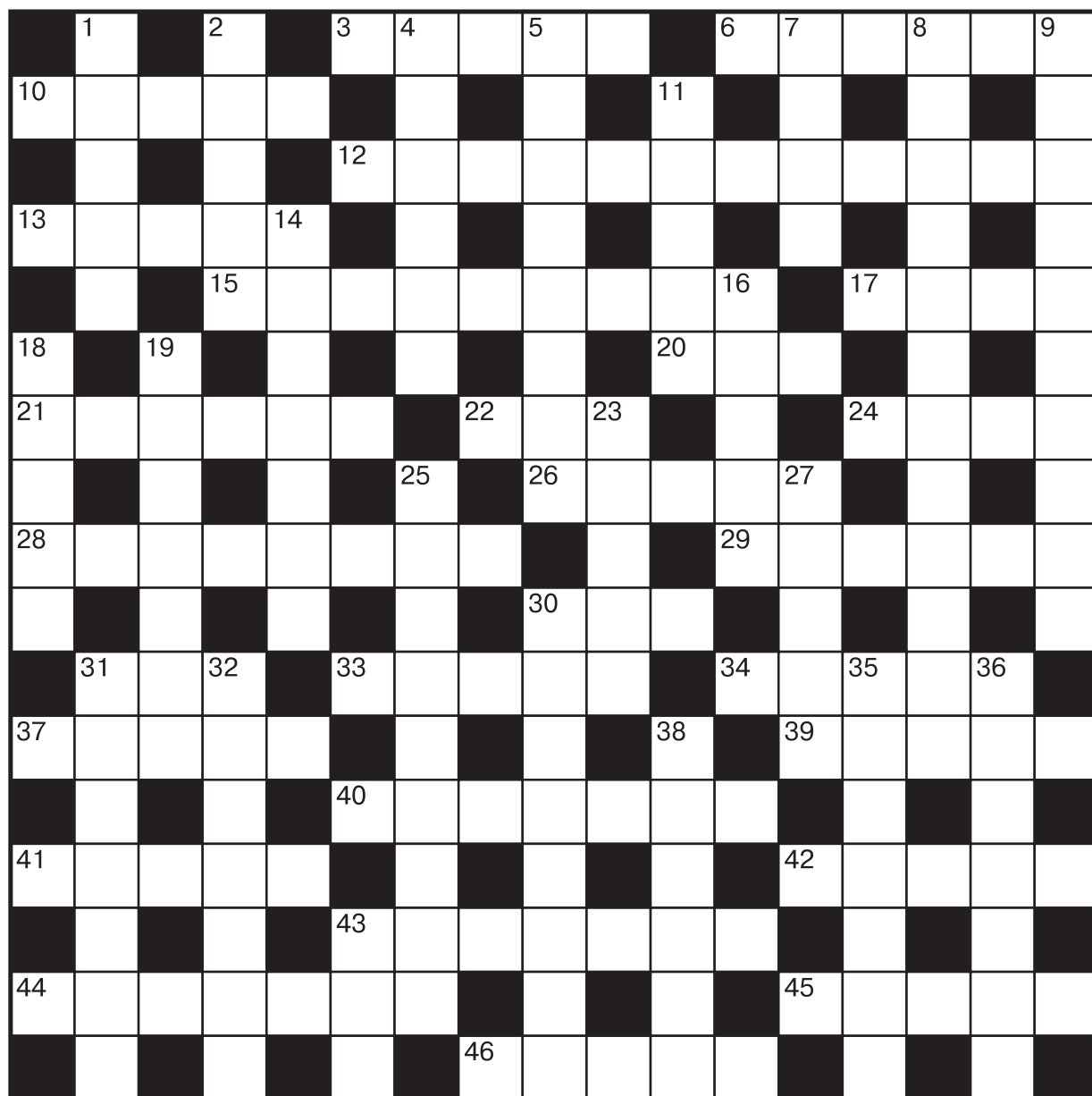
«Добавлю еще только, что никаких серьезных увеличений численности армии мирного времени я не считаю возможным производить...»¹¹

Резюмируя, скажем, что М.Н. Тухачевский предлагал способы при минимальном задействовании ресурсов на производство оборонной продукции в мирное время (чтобы не возникло диспропорции в экономике), резко увеличить ее выпуск в военное время, опираясь в главную очередь на собственные силы. Так он, предвидя будущую страшную войну, готовил страну к тому, чтобы она могла обеспечить себя при одновременной войне на несколько фронтов без посторонней помощи.

Конечно, статья В. Братченко имеет и положительные моменты, дает сведения, интересные для читателей. Описана дружба М.Н. Тухачевского и Д.Д. Шостаковича, его увлечение музыкой (любимыми композиторами маршала были не только Г. Берлиоз, но и Л. ван Бетховен, В.А. Моцарт, Н.А. Римский-Корсаков и многие другие), последняя «опала» и арест маршала, реабилитация в 1957 г. Но все-таки хотелось бы пожелать всем будущим биографам полководца не идти на поводу стереотипных представлений, сложившихся в разное время, а обращаться к документальным источникам (благо, что многие документы уже рассекречены, оцифрованы и доступны широкому кругу лиц) и к монографиям исследователей, написанных на основе документов. □

¹¹ Докладная записка М.Н. Тухачевского на имя И.В. Сталина с копией К.Е. Ворошилову. Г. Ленинград. 19 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 8.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто вступил в сговор с Мефистофелем? **6.** Индейские бусы из Северной Америки. **10.** Великий мыслитель, остерегавший народы мира от научных открытий. **12.** Высочайшая вершина «черного континента», чьи снега воспел американец Эрнест Хемингуэй.

13. Во что англичане когда-то играли с помощью духовой трубки? **15.** «Шабашник среди педагогов». **17.** Под какой птицей английский сказочник Льюис Кэрролл вывел самого себя? **20.** «С гулькин ...» **21.** «Свободное перемещение» для городских экстремалов. **22.** «Фруктовые кущи».

24. Иллюстрация в кулинарной книге. **26.** Студень у румын. **28.** Что характерно для рук фокусника? **29.** Наш корвет, чье имя высечено на фасаде Океанографического института в Монако. **30.** Лоцман для туристов. **31.** Мера шоколада из стихотворения «Телефон» Корнея Чуковского. **33.** Поэтический жрец у кельтов. **34.** Какому принцу случайно наступил на ногу отец Чиполлино? **37.** Нефтяной штат в Индии. **39.** «Ценная бумага» в цифровом мире. **40.** Кто 22 июня 1941 года выступил по радио с заявлением о начале войны? **41.** Масштаб русского звучания. **42.** Что начинают после выстрела стартового пистолета? **43.** Перед какой капельницей все нос задирают? **44.** Слухач на подводной лодке. **45.** Канцелярский пластырь. **46.** Дочь председателя колхоза, чью партию исполнила Наталия Дудинская.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Немецкий классик. Однажды он написал в своем

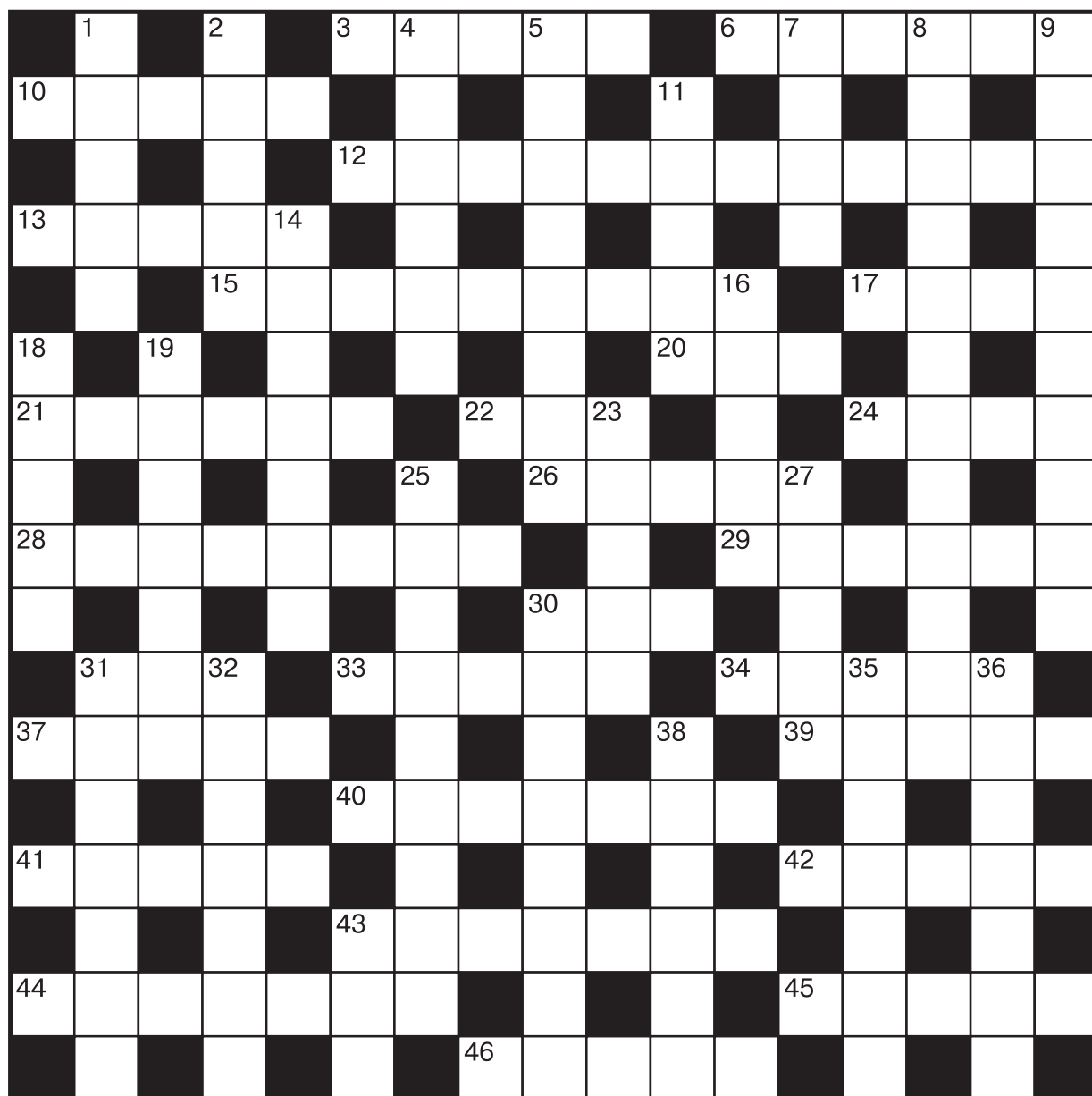
дневнике: «Музыка, как ты мне противна и до смерти надоела». **2.** Чья икра быстрее всего опустошает кошельки гурманов? **4.** Как в Спарте называли агитацию в пользу вражеских Афин, каравшуюся смертью? **5.** На чем разводят краски для росписи жостовских подносов? **7.** Египетский шедевр Джузеппе Верди. **8.** Что охраняет полиция? **9.** Соревнования для «спортивных универсалов». **11.** «Зеленый ковер» перед коттеджем. **14.** Какой гладиатор не давал поймать себя в сети? **16.** Какой советский драматург подсказал сюжет фильма «Летят журавли»? **18.** Игла на крыше. **19.** Нюанс смака. **23.** Коперфильд у Чарльза Диккенса. **25.** Самолет «на армейской службе». **27.** Первая жена Адама в каббале. **30.** Что ученый проверяет опытным путем? **31.** Наши «натянутые струны нервов». **32.** Шелковая подкладка на женское пальто. **35.** Каменный узор. **36.** Клиентка свахи. **38.** Русский терапевт, чье имя носит желтуха. **43.** Банкет во дворце.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Липа. **3.** Язык. **7.** Гусли. **11.** Роза. **12.** Бланманже. **13.** Долма. **14.** Мрак. **17.** Ствол. **20.** Мангал. **21.** Сыр. **22.** Ненастье. **24.** Трепач. **28.** Соглашатель. **29.** Взбрык. **30.** Почта. **34.** Телевизор. **37.** Океания. **38.** «Даная». **39.** Мазай. **41.** Самец. **42.** Ничья. **43.** Амур. **44.** Сосна. **45.** Минин. **46.** Длина. **47.** Слон. **48.** Лавка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Любэ». **2.** Пиастр. **4.** Зонт. **5.** Крем. **6.** Язва. **8.** Упоение. **9.** Лампада. **10.** Амвон. **15.** Ротала. **16.** Кмет. **17.** Сыворотка. **18.** Левша. **19.** Ханты. **23.** Ультрамарин. **25.** Развод. **26.** Перу. **27.** Чека. **31.** Шея. **32.** Метафора. **33.** Лишайник. **34.** Тиберий. **35.** Равиоли. **36.** Пасьянс. **40.** Факс. **41.** Сумо.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Самый крупный хищник среди куниц. **6.** Кто первым в качестве телефонного приветствия предложил использовать слово «Алло!»? **10.** Министр прежде у татар. **12.** Должник по простой расписке. **13.** Казахский молочный напиток. **15.** Домашнее прозвище

принцессы Матильды Людовики Баварской. **17.** Самый пламенный из древнеиндийских богов. **20.** Семена в пудинге. **21.** Великан из Ветхого Завета. **22.** Отбеливающая глина. **24.** Создатель теории криволинейных координат. **26.** Ученая должность Омара Хайяма при Малик-шахе.

28. Какой древний город попал в новеллу «Четыре зверя в одном» Эдгара По? **29.** Платье, придуманное Полем Пуаре. **30.** Святой покровитель прославших. **31.** Легкая небритость на подбородке по моде XVI–XVII веков. **33.** Широкий галстук. **34.** Любимый зверь Григория Распутина. **37.** Перламутровый пигмент для керамики. **39.** «... искушается огнем». **40.** Чудесный зверь из геральдики. **41.** Поза из йоги. **42.** Кедровый ящик с опилками для релаксации в японской бане. **43.** Шарнирное звено рыболовной снасти. **44.** Немецкий ученый прошлого века, первым высказавший идею о движении материков. **45.** Прообраз Феникса из мифов древних египтян. **46.** Индийский штат с Долиной падающих птиц.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Турецкий май. **2.** Один из сыновей библейского Аарона, пожранный «огнем Яхве». **4.** Кто автор термина «психоистория»? **5.** Чьи разработки легли в

основу производства первого советского телевизора? **7.** Мусульманские похороны. **8.** «Золотая ошибка моя» из песни Александра Вертинского. **9.** Оболочка нервных волокон. **11.** Лакомство у сыроедов. **14.** Расчищенное под пашню место в лесу. **16.** Первый царь Кипра. **18.** Адыгейский народный танец. **19.** Перевязь для меча. **23.** Чему Александр Пушкин противопоставляет цимлянское в стихотворении «Вода и вино»? **25.** Английский протестант. **27.** Подготовка клеток для встречи с другим полом. **30.** Самый южный вольный город из «Игры престолов». **31.** Где уже в 1643 году заседал мирный конгресс, который должен был положить конец Тридцатилетней войне? **32.** О какой детской игре часто ностальгируют взрослые? **35.** Кто составил исторический «План закрывающейся двери»? **36.** Какая тропическая рыбка при испуге выпрыгивает из аквариума? **38.** Архитектурный завиток. **43.** Сто лет, сто зим.

Ответы на эрудит, опубликованный в № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Локк. **3.** Ялис. **7.** Вотан. **11.** Азаб. **12.** Нарасинха. **13.** Грета. **14.** Гери. **17.** Фурин. **20.** Свирка. **21.** Жук. **22.** Секундус. **24.** Абарид. **28.** Льноводство. **29.** Икигаи. **30.** Гумоз. **34.** Бахметьев. **37.** Киворий. **38.** Ранец. **39.** Крупп. **41.** Мидия. **42.** Кяфир. **43.** Ключ. **44.** Псише. **45.** Лизун. **46.** Хауса. **47.** Фрич. **48.** Кораб.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Линд. **2.** Карлук. **4.** Лэнд. **5.** Сааг. **6.** Цабр. **8.** «Окраина». **9.** Астикои. **10.** Аспис. **15.** Ендова. **16.** Исса. **17.** Фульгурит. **18.** Нерол. **19.** Куксу. **23.** Мохоровичич. **25.** Баклер. **26.** «Рига». **27.** Джил. **31.** Тай. **32.** Импрессо. **33.** Степашка. **34.** Бизитун. **35.** Валяхан. **36.** Реникса. **40.** Скиф. **41.** Мюли.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

23012

СМЕНА

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2024 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

- Первая премия** — бесплатная годовая подписка
- Вторая премия** — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала
- Третья премия** — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№12 декабрь 2023